

Литературный журнал

СИМБИРСЬ

12+

№2 (68)
февраль

2019

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
досрочная подписка
на 2-е полугодие
2019 года

Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 91,61 руб.
6 мес. - 549,66 руб.

Ульяновской библиотеке
присвоено имя
Евгения Евтушенко *стр. 23*

«Афганистан горит
в моей душе...»
Ульяновские поэты
об Афганской войне *стр. 27-37*

Зимний фестиваль
верлибра в Ульяновске *стр. 56-60*

Легенда ульяновской сцены.
К юбилею Клары Шадько *стр. 80-84*

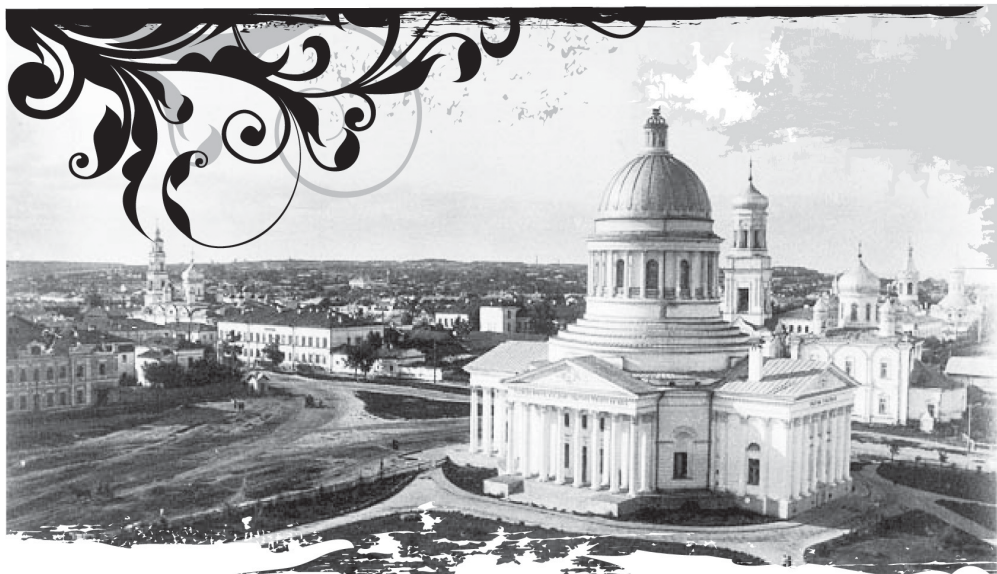

СИМБИРСКЪ

№2 (68)
ФЕВРАЛЬ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

«От сердца к сердцу весть идёт»	3
С любовью ко всему родному Евгений Сафронов. Помаево – село, которого нет. Повесть	4-17
Лариса Брюхович. Я прорвусь в XXI век.....	18-22
Присвоено имя поэта.	23
Гость Дмитрий Воденников. Стихи	24-26
Дороги памяти военной «Афганистан горит в моей душе...» Ульяновские поэты об афганской войне.....	27-37
Им посвящены стихи и песни. Памяти Владимира Муратова. Евгений Белянин (Гранд). Боевое братство	38
Ветер странствий Ольга Ронжина. «Два существа с одной душой...»	39-55
Свободные стихи Зимний фестиваль верлибра в Ульяновске.....	56
Вера Липатова. Верлибром говорим	57-60
Перекресток Сергей Гогин. О современной поэзии	61
Год театра За гуманизм в искусстве	62
Житейские истории Любовь Папета. Резеда. Рассказ.....	63-64
Память сердца Лилит Козлова. Миркина. Знакомство. Прощание	75-77
Зинаида Миркина. Ангел. Сказка	78-79
Юбилей Александр Филатов. Будьте любезны, Кларины Ивановны. (Кларины Шадько. Интервью разных лет).....	80-84
Сергей Николаев. Воспитание театром.....	85
Юбилейный календарь	86-88
Поэзия и проза юбиляров марта	89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирск», «Сибирь». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

Оформить подписку с любого месяца

можно тремя способами:

- 1) Подпишитесь на почте и журнал принесут вам домой:
– цена на 1 мес. – 91,00 руб., индекс издания 54516.
- 2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11; пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. № 412 (Новый город).
(цена на 1 мес. – 60,00 руб);
г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884(235) 3-26-49)
- 3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»
(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирск» можно приобрести в киосках «Симбирская печать», Ленинского мемориала и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки на журнал (в том числе альтернативной) можно проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamtz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 20.02.2019 г.
Дата выхода 26.02.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №131.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №2 (68), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Валерия Толкачева, Ольга Абрамова.

На обложке: работа В.А. Таранова. Февральское солнце.
На обороте обложки: сцены из спектакля театра
Enfant-Terrible «Чудесные странники».

«ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ ВЕСТЬ ИДЁТ...»

В февральском номере журнала – стихи, проза, статьи о судьбах русской глубинки, о войне и мире, о событиях в культурной жизни города, о современной поэзии и о сути творчества.

В рубрике «С любовью ко всему родному» читайте повесть Евгения Сафронова «Помаево – село, которого нет». Автор – писатель, фольклорист – рассказывает историю одного села, которая типична для многих русских деревень.

В январе 2019 года городской библиотеке №4 присвоено имя Евгения Евтушенко.

Проект Централизованной библиотечной системы города успешно реализован.

Торжество прошло при собрании большого количества гостей, читателей, творческой интеллигенции. Библиотека встретила посетителей обновленной экспозицией (это результат творческой работы дизайнера Веры Малкович, молодого художника Данилы Лапшина и команды единомышленников).

В библиотечном празднике принял участие известный поэт Дмитрий Воденников (Москва). В рубрике «Гость» публикуем подборку стихов Дмитрия Воденникова, предоставленную автором.

Краевед Лариса Брюхович предлагает вниманию читателей отрывок из книги Евгения Евтушенко «Памятники не эмигрируют», читайте страницы «Слова о полку Игореве» в переводе Евгения Евтушенко.

30 лет назад был осуществлён вывод советских войск из Афганистана. В рубрике «Дороги памяти военной» – стихи ульяновских поэтов «Афганистан горит в моей душе». (Подборку подготовил Николай Марянин.)

В разделе «Ветер странствий» публикуем очерк Ольги Ронжиной из цикла «Литературные путешествия». Автор рассказывает о средневековом персидском поэте и философе Джелаладине Руми, о его друге собеседнике Шамсе Тебризи. Публикацию дополняют красочные фотографии, сделанные в Турции.

В январе в Ульяновске прошел Зимний фестиваль верлибра. Его вдохновителем стала Вера Юльевна Липатова (Москва). Этот поэтический праздник проходил в Центральной городской библиотеке имени И.А. Гончарова.

В рубрике «Свободные стихи» представляем новую книгу Веры Липатовой «ВЕРЛИБром говорим». В ближайших номерах мы продолжим тему, будем публиковать стихи участников фестиваля верлибра.

Сергей Гогин, руководитель литературной студии «Восьмёрка», рассказывает о январской встрече, посвящённой современной поэзии, делится своими размышлениями.

В рубрике «Житейские истории» публикуем новеллу Любви Папеты «Резеда».

2019 год объявлен Годом театра. Ульяновск может гордиться талантливыми актерами, режиссерами. В конце 2018 года национальную премию «На Благо Мира» в номинации «Театр» получил спектакль «Чудесные странники» театра *Enfant-Terrible* (художественный руководитель – Дмитрий Аксенов). Рассказываем об этом событии.

В марте юбилей отмечает «любимая, народная, наша» Кларина Ивановна Шадько. Страницы журнала посвящены замечательной актрисе. Публикацию подготовил поэт и журналист Александр Филатов.

В рубрике «Юбилейный календарь» представлены литературные даты марта.

В сентябре 2018 года ушла из жизни поэт и философ Зинаида Миркина. В рубрике «Память сердца» публикуем очерк Лилит Козловой о ней. Остались книги, стихи, а еще – неизгладимый след в душах многих людей. «Она писала словно бы для птиц, для травы, для деревьев, для моря, для неба...» Публикуем сказку Зинаиды Миркиной «Ангел».

«Умеет в мире только сказка/ Незримой правде дать огласку/ И в неподвижное мгновенье/ Вести нас прямо в воскресенье».

Елена КУВШИННИКОВА

Евгений САФРОНОВ, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, фольклорист.

Автор четырех книг, в том числе – «Ерошкин – предсказатель из Кувая» (Ульяновск, 2015), «Экспедиция. Бабушки офлайн» (Москва, 2018). За сборник «Ерошкин...» в 2016 году получил Международную литературную премию имени И.А. Гончарова.

Отдельные рассказы и повести публиковались в журналах «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа 2.0», «Новый Венец», интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность» и др.

Многие годы собирает сведения о людях, которые обладают необычными, сверхъестественными способностями. В художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными рассказчиками.

ПОМАЕВО – СЕЛО, КОТОРОГО НЕТ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Мама еще с пятого класса, как только он этим увлекся, повторяла: «Стасик, ну зачем тебе эти монеты? Лучше бы ты за ум взялся и учился по-человечески! Тоже мне нумизмат!».

Стас с тех самых пор самого слова «нумизматика» на дух переносить не мог: оно почему-то напоминало ему о математике, которую тот не уважал с детства. «Стасик, алгебра и геометрия – основа основ! – эту пластинку его матушка в школьные годы тоже включала при первом удобном случае. – Какую бы профессию ты в будущем ни выбрал – математика всё равно пригодится!».

Бог мой, эти предки – сушие младенцы! Он преспокойно сдал три ЕГЭ (четвертый – на выбор) – и поступил на «Технологию и предпринимательство» в местный пед. И уже через полтора месяца стал звездой «Студенческой осени» в кавээновской команде «ТиПов»: раз плюнуть, как говорится. Там же, на КВН, он познакомился с Толяном, который учился на ест-гео.

«Ва-аще чумовая тема! Мы это дело отобьем за пару месяцев! – Толян впервые заговорил про поиск «всякого старья» в начале мая, когда на горизонте замаячила летняя сессия. – Меня в это дело камра́д один втянул – типа копаря-поисковика был. Ему всё интересно было: черепа, котлы, шмотки солдатские. Но мне пофиг на это! Я ведь по монетам загоняюсь».

Толик предложил выкупить у одного своего камрада гудлб и всю атрибуцию. Гудлом или металлоискателем – как оказалось, вещь незаменимую при поиске монет.

Тот день, когда они раскопали свою первую добычу, ему иногда даже снился. Металлоискатель заикал, Стасик достал саперную лопатку и через пять минут извлек на свет Божий круглое металлическое чудо.

«Да это же пятачура – катка! Ну-ка, дай-ка, дай-ка! – Толян поковырял грязным ногтем монетку. – Точняк: катка, 1774 год. Повезло тебе. Дальше шагаем? Еще и не такое найдем, обещаю. Здесь же постоянный двор был раньше!».

Они копали на пустыре одного из сёл – километрах в десяти от города. Увезли к вечеру семнадцать монеток. В основном, попадались бутылочные алюминиевые пробки и советская мелочь, но добыли и две пятачуры: одну взял себе Толян, а другая по праву перекочевала в рюкзак Стасу.

«Одно плохо: люди постоянно шастают. Увидят нас с металлоискателем – ментам могут настучать. Надо искать по заброшкам, вот это ва-аще чумовая тема!» – просвещал его Толян, развалившись на заднем сидении рейсового автобуса, который вез их в сторону города, усеянного желтыми пятнами уличных фонарей. Именно тогда-то у них и созрел план о поездке в заброшенное село. Или, может быть, они придумали его позже... Да кто же сейчас разберется в этом после всего случившегося?

* * *

– Вон оно! Видишь, да? – Толян весь подался вперед и, приставив ладонь к бровям, стал вглядываться в отдаленные заросли.

– Чего там? – Стас привстал на цыпочки. – Изба?

– Не-е, – его друг покачал головой и поправил большой рюкзак за спиной. – Чё-то побольше. Деревянное вроде. Может, магазин. Или клуб. Но это точно помаевское, вот смотри...

Стас мельком глянул на экран смартфона, где светилась заранее скачанная разноцветная карта местности, и вдруг почувствовал то самое – знакомое томительно-сладкое ощущение предстоящей охоты. Сотовой связи, кстати, здесь не было. Совсем.

– Здесь всё достанем? – он указал на рюкзак.

– Ты про гудло? Да можно и здесь, в принципе. Сейчас границы села уже не найдешь: всё травой поросло, одни кочки. Давай перекусим и начнем, ага?

Толян осторожно извлек прибор и закрепил насадку.

– Металлика хоть и бэушная, но хорошая, проверенная. Ни одной железки не пропустит, точно говорю.

Они примяли траву, которая местами доходила до пояса, и разложили на мягком зеленом ковре газету. Стас нарезал вареную колбасу крупными кусками.

– Здесь клёво, да? Село-то вышло-кончилось лет десять назад, а Википедия об этом знать не знает!.. – более опытный охотник хохотнул и взял еще один бутерброд. – Избы, наверное, успели растащить или сжечь. Но нам так даже лучше: фундаменты прощупаем – точно без улова не останемся. Тут еще одна деревенька была недалеко – Козловка, но там уж никаких следов не отыщешь.

Стас слушал его с уважением. Всё-таки его напарник в полевой нумизматике смыслит куда больше: каких только старинных монет не перебивало в руках Толяна! Он и находил, и менял, и продавал их сотнями. А у Стасика была коллекция всего монет в семьдесят, ну и бумажных немного – червонцы да трешки дореволюционных времен. И это – за шесть лет собирательства!

По уверениям Толяна, он такую коллекцию мог за две удачных вылазки сострять. Неудивительно, что у его менее опытного товарища горели глаза и ноги сами порывались идти вперед – к таинственному высокому деревянному зданию, которое они увидели в зеленых зарослях.

* * *

Выцветшие одежды и лица святых едва проступали наверху – почти у самого купола бывшей церкви. Стас заметил, что у Христа, парившего над их головами, чья-то настырная рука выскоблила глаза, оставив вместо них два рваных углубления. Стены первого этажа были покрыты сложной вязью разномастных надписей – от признаний в любви, имён и дат до матерных слов и неприличных рисунков.

– Народное творчество, однако... – бормотал Стасик вполголоса, разглядывая граффити многочисленных визитеров. Юный нумизмат чувствовал себя немного странно – так, будто не он разглядывал стёршиеся лица подкупольных святых, а наоборот – внимательно рассматривали его. И всё никак не могли насмотреться.

– Кажись, тут вместо церкви кинотеатр раньше работал! – басом, как батюшка с амвона, провозгласил откуда-то сбоку старший охотник за монетами. – Вон видишь дыры в стене с двух сторон? Это для проектора. А вон на той – противоположной – стенке, наверно, экран висел.

– Наверное, – согласился Стас. – Клуб был. Это еще хорошо. А то могли и зернохранилище устроить.

– Тут нужно всё с металлоискателем облазить. Лучшего места для монеток, чем церковь бывшая, не найти! – сказал Толян и немедленно приступил к делу.

Они провозились в самом здании около часа; еще столько же потратили на поиски у высоких металлических ворот, задраенных наглухо, словно вход в подводную лодку. Когда-то церковь была раз-

делена на два яруса, но неумолимое время перекроило всё по-своему: пол второго этажа почти везде обрушился, оставив небольшие островки торчащих деревяшек и линолеума. Ступени теперь вели в никуда, и это друзей вполне устраивало: лезть наверх они не собирались.

Металлоискатель звенел, в основном, на железки – кованые гвозди, скобы и подобную, как выражался Толян, чернину.

– Я хоть и фильтры на металлике включил, а всё равно она реагирует на железяки. А нам медь и серебро нужнее.

Опытный нумизмат-охотник уже не раз ставлял своего напарника, как правильнее работать с гудлом. Если прибор издавал круглые звуки, то это точно означает удачу.

– Вот водишь из стороны в сторону – если пикает ровнёхонько везде, то точно наткнулся на круглый предмет. Можно, конечно, и рубль бухарский выкопать, но есть шанс и нечто покрупче достать.

Бухарским рублем Толян называл алюминиевые пробки с водочных бутылок, которые были в ходу в советскую эпоху и в начале 90-х годов.

Поиски рядом с бывшей церковью ничего особенного не принесли: саперная лопатка извлекла на свет Божий лишь несколько копеек времен полета Гагарина в космос. Зато под ступенями полуразрушенного крыльца помаевского клуба металлоискатель обнаружил целое скопление каких-то круглых предметов.

– Это любопытно... – протянул Толян. – Здесь покопать надо основательнее, но для начала придется крыльцо доломать. Давай на завтра это оставим. Сегодня надо пробежаться по всему селу и заочевать поискать где.

На плече Стаса болталась скрученная в тугую сосиску небольшая палатка, которая должна была послужить им пристанищем на ночь. Друзья побрели от церкви в сторону пригорка, продираясь сквозь заросли разномастных колючек и сушняка.

– Тут, по логике, где-то кладбище должно быть, – рассуждал Толян, который плелся первым. – Но, может, и не осталось уж ничего.

От холма по левую руку располагались бескрайние кувайские леса. С правого бока виднелись заброшенные поля. Самое интересное было впереди: зеленело-белело плотное скопление берез и других деревьев, которые, скорее всего, скрывали кладбище, и – главное – в полукилометре от наблюдателей серела крыша уцелевшей избы исчезнувшего села.

– Вот это круто! – выдохнул Стас. – Дом остался! Полазаем там?

– А то! – заулыбался старший. – Зря мы, что ли, сюда припёрлись? Наверняка найдем что-нибудь этакое...

Вечерело. Они ускорили шаги. Если бы кто-то вдруг приподнял Стаса на высоту парящего квадрокоптера, он увидел бы расходящийся, разбегающийся в разные стороны рисунок улиц исчезнувшего Помаево. Над фундаментами изб цвет травы неуловимо менялся, приходил в какое-то неистовство, переливался оттенками чужого, инопланетного изумруда. Время от времени попадались заросли старой, слегка пожелтевшей крапивы; сухие столбики прошлогодних колючек сцеплялись с их молодыми, свежими собратьями; на самом нижнем ярусе пробивалась своя, особая, желто-коричневая травяная жизнь, в которой протаптывали незаметные тропки чугунные ножки муравьев и красных солдатиков. С широких крон прицерковных деревьев, которые остались позади, недобро каркали вороны. Прямо над головой в темнеющем небе зависла небольшая птичка, своими переливами настраивающая всё село на вечерний лад.

Вокруг избы сохранился местами забор, а за ним друзья заметили окученную картошку.

– Во как! – сказал Толян. – Неожиданный номер. Неужели кто-то здесь еще живет?

Однако провалившийся шифер на крыше вроде бы говорил об обратном.

– Ну, чего? Посмотрим хату? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, нырнул за угол дома, где находилась входная дверь. Замка не было, на полу в сенцах валялись старые газеты, погнутая крышка от алюминиевой кастрюли, старые цветные тряпки. Пол заскрипел под тяжестью Толяна, за ним в избу зашел его друг.

– Кто-то тут точно бывает, – послышался через минуту голос старшего, успевшего оглядеть три небольших захламленных комнаты избы. В одной из них в красном углу стояла икона, внутри, за стеклом, украшенная серебряной фольгой.

– Как думаешь: имеет она какую-нибудь ценность? – спросил Толян подошедшего Стаса. Старший снял изображение Божьей Матери с угловой полочки и пытался рукавом стереть толстый слой пыли со стекла.

– Не знаю, – ответил юный нумизмат и отвел глаза в сторону. – Лучше, наверно, на место поставить...

– Да я так просто. Мне на картинке плевать, я монеты собираю, – хмыкнул старший и положил икону на растрескавшийся подоконник. – О, смотри: какие-то рогатки висят! Возле печки – видал?

Рядом с хорошо сохранившейся побелённой печкой на стеном крючке действительно висело собрание крючковатых палок, напоминавших большие рогатки.

– Зачем такие, не знай? – спросил Толян, он уже заскучал, стал позевывать и чесать левую руку. – Чё, пойдем? Нет тут ничего. Монеты тут тоже бесполезно искать. Лучше бы найти место бывшего магази-

*Церковь в Помаево – единственное уцелевшее здание села.
Фото 2010 г.*

на: вот там наверняка попадется что-нибудь. И по фундаментам домов пошариться. Но это завтра. Где ночевать-то будем?

Удобное место для ночлега они нашли недалеко от церкви рядом с мелкой, но широкой речкой, на противоположном берегу которой сквозь осоку и камыш проступали черные развалины то ли сарая, то ли бани.

– Тут вот под пригорком костер разожжем, а вон там палатку поставим, – распорядился старший. Они стали возиться с установкой палатки, а затем Толян отослал друга за дровами.

– Иди вдоль берега: там должны быть дровишки. А я пока бутеров нам настроаю.

Совсем стемнело. Стас, подсвечивая себе смартфоном под ноги, побрел вниз по течению. Воздух заметно посвежел; хотелось уже глядеть на костер, весело швыряющий искры вверх, жевать бутерброды и строить планы на завтра. Ему показалось, что нечто холодное вдруг коснулось его щиколотки, а затем ускользнуло куда-то вбок. Озноб волною прошелся по его спине, и студент заспешил дальше. Слава Богу, сухие ветки обнаружили всего через несколько шагов. Он схватил столько, сколько смог, и уже повернулся, чтобы идти обратно.

«Коля! Ко-оля-а!» – голос был женский. Его интонации были знакомы Стасу с детства: так звали ребенка, до вечера заигравшегося во дворе в песочнице. Студент замер и начал оглядываться по сторонам. Смартфон пришлось спрятать в карман, чтобы сподручнее было нести дрова. Глаза еще не привыкли к темноте, и он безуспешно пытался разглядеть силуэт кричавшей.

Всё также по-смолянскому чернел остов бани на противоположном берегу. Ночные птицы и насекомые неспешно играли свой обычный концерт. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось. Стас слотнул ком, застрявший в горле, и почти побегал к палатке.

– О! Я же говорил: найдешь. Я еще днем этот бутерелом приметил. Щас у нас костерок будет, – Толян принялся об колени ломать сухие ветки. – Шашлык, наверно, на потом оставим – не пропадет мясо, как думаешь?

Стас замотал головой, а потом присел на корточки.

– Ты чего какой?

– Толь, ты ничего не слышал?

– В смысле? – старший уже чиркал спичкой, тоже приземлившись на корточки возле сложенных вигвамом дровами.

– Голос... Крик женский.

– Женский? – костер разгорелся с первого раза. – Да ты чё? Откуда тут? Хотя, может, с Паркино кто? Наверное, ветер звуки донёс – такое бывает. До Паркино тут несколько километров по прямой, если полями идти. Там, в принципе, много народу еще живет.

– А-а! – Стас с облегчением выдохнул и сразу же согласился с объяснением друга. – Точняк... А я уж тут... напугался немного.

– Ба! Ну-ка, ну-ка... Видал, что ты приволок вместе с дровишками? – старший напарник держал в руках нечто черное, похожее на оплавленный толстый пакет.

– Что это?

– Похоже на кожу змеиную. Они ее сбрасывают, обновляют гардероб, так сказать. Вот только не знаю: ужики тут ползают или кто посерьезнее. Надо бы палаточку-то на ночь поплотнее закрывать. Да... А кожу лучше сжечь! – и Толян подарил находку языкам костра.

Стас смотрел, как та быстро сморщивается, и думал о женском голосе, который звал неведомого Колю.

Глава 2

– Ну что, порядок? – машинист всматривался в лобовое стекло, по которому струилась дождевая вода. Бегущие навстречу рельсы вытягивались и слегка подрагивали, преобразованные влажной стекольной границей.

– Да вроде да. Ни черта ведь не видно, дядя Коля! – Петька вернулся на прежнее место, с которого он вскочил, когда заметил встречный товарняк.

– Всё в штатном режиме! – сказал старший в черную рацию, и та пробурчала ему в ответ что-то благодарно-неразборчивое. Помощник Петька слегка расслабился: это был его седьмой самостоятельный выезд, и четвертый – с таким аксакалом железных дорог, как Федорыч. Больше всего его напрягала обязанность вскакивать, как только на горизонте маячила встреча. Он до рези в глазах всматривался в проносящиеся вагоны, боясь пропустить заискрение либо какую-нибудь другую беду.

– Тут взаимная помощь, Петр, куда от этого не денешься: мы смотрим их вагоны, они – наши. Знаешь, сколько раз спасал жизни такой обычай? Бессчетно! – наставлял его старший, и Петька, вздохнув, кивал головой: надо так надо.

По слухам, Федорыч работал на «железке» уже лет сорок – старше его на всей Куйбышевской железной дороге, наверно, никого не было. Он водил и пассажирские, и маневровые, лет десять отпахал на электровозе, но родной считал все-таки дизельную вторую ТЭМ-ку. Два года назад его пересадили на пригородный, и старый машинист относился к этому как к личной трагедии.

– Пора, пора мне, Петр, закругляться! – любил повторять Николай, когда они вставали на светофорах или на долгих станциях. – Вот тебя обучу – и баста, карапузики. Поеду в свою деревню: заждалось меня Помаево родное!

Про «Помаево родное» Петька знал, казалось, всё, потому что Федорыч любил поговорить на эту тему. Три брата-основателя, знахарь Борькай, Белое озеро, клуб в здании бывшей церкви и... охота.

– Охота, Петр! Знаешь, какие там леса? Кувайская тайга – слышал такое? Наши старики говорили, что раньше даже на медведей напороться можно было. А кабанов-то я сам видал – неоднократно. Но, в основном, я на зайца и вальдшнепа хожу. Лисиц и волков трогаю редко: а на черта они мне?

Федорыч в последний раз был в своем родном селе в конце июня. Пытался поправить прохудившуюся крышу, даже посадил картошки немного в огороде. Земли теперь свободной было – хоть чемпионат мира по футболу проводи. Во всём селе больше изб не осталось: кто-то сам вывез на сруб, остальные дома либо сгорели, либо пали жертвой мародеров.

– Сволочи – те всегда найдутся, не пропадут, – сетовал Николай: он всегда так называл тех, кто, словно падальщики, нападали на еще не остывший труп его Помаева. – Ведь в 1995 году там жизнь ключом била! Верить, нет? И ЭМТЭЭС, и кузница, и детсад, и магазины – всё было. А сейчас – ничегошеньки не осталось. Жалко, как же жалко...

И Петька в эти моменты замечал, что вода струится не только по лобовому стеклу их локомотива.

* * *

В следующую смену аксакал железной дороги пришел мрачнее тучи. Буркнул что-то Петьке вместо обычного приветствия и отправился проверять оборудование после предыдущей бригады.

Помощник испробовал все известные ему способы разговорить старого машиниста. Применил даже запрещенное оружие: упомянул про Помаево. Но на Федорыча такой прием оказал обратный ход: он поскучнел еще больше.

Они проехали несколько станций в полном молчании, и Петьке самому отчего-то стало так грустно, что захотелось стонать-выть, словно испорченный паровозный гудок.

– Смотри, Петр, смотри внимательно! – вдруг произнес машинист. Помощник вздрогнул от неожиданности и стал пялиться изо всех сил в лобовое и боковые стекла. Облезлые рожицы с мелколистными деревьями сменялись полями; деревянные и бетонные столбы перебегали с места на место, спаянные волнами бесконечных черных проводов. Вроде бы всё как обычно.

– Чего смотреть-то? – наконец-то не выдержал молодой.

– А? – словно очнулся от полусна Федорыч. – Смотреть? А я тебе не рассказывал, что ли? Э-э, брат, тут место-то непростое, святое! Раньше, в незапамятные времена, стояла там железнодорожная будка – ну, домик небольшой, видел такие, наверно, где-нибудь? Так вот: жил в нем Саня-Лапоть, путейщик от Господа Бога. Сам маленький, с бородёнкой, волос светлый, глаза навывкате...

Все – и машинисты, и помощники, и кочегары (тогда и кочегары были!) – знали его, как облупленного. И не было такой бригады, которая хотя бы на пять минут не остановилась бы возле его будочки и не приняла бы «путевого». Понял, про что глаголю, Петр? Ага. Самогон у него был – как маточное молочко! Боже ж ты мой – ум отопьешь!

– Пили? И машинисты даже? – усомнился молодой.

– А то! Ну не надирались, как свиньи – это понятно. А так – граммов по сто хапнут святой водицы – и пошло-пошло-пошло!.. Это сейчас тебя проверками задолбают: туда дунь, сюда сплюнь. Проверальщики хреновы. Тогда люди другие были: сами за собой следить умели. А пять минут постоять в то время – нет проблем. График соблюдали как «Отче наш», ты не думай. Но мимо Сани-Лаптя проехать – это же грех непрощённый. Пути не будет! – Федорыч разулыбался.

Петька тоже было расцвел. Но затем возобновилось тягостное для молодого, растущего организма молчание. Рельсы сходились и расходились, сходились и расходились; провода по бокам плавно

плыли от столба к столбу; время замерло на месте, как взгляд на фотографии.

– Петр, вот тебе когда-нибудь снились такие сны... – прервал мерный стук железных колёс голос старшего. – Такие сны... Не знаю даже, как сказать. Вот не вещи, нет. А вот будто ты там. Весь, целиком. А?

– Где там? – тут помощник вскочил, заметив встречу. Отвлекся на пассажирский из Уфы и Николай.

Когда последний вагон простучал мимо и короткие переговоры по радиации закончились, молодой помощник сам напомнил о прерванном разговоре:

– Так чего там про сны-то, дядь Коль?

– Да, – согласно закивал головой его собеседник. – Про сны! Вот взять хотя бы сегодняшнюю ночь: чертовщина сплошная. Подхожу будто я, Петр, к своей избе – ну той, что в Помаево. Темно, вечер... И такое у меня чувство, Петр, вот не объясню: холодок какой-то по спине бегаёт. А рядом со мной – парень идет какой-то. Смуглый, черный волос – не разберешь особо-то, ночь ведь. И вдруг по улице (ну там щас улиц нет – так, заросли одни) начинают загораться огни. Не огни, а окна домов. А я ведь знаю, что изб-то здесь никаких нет и быть не может: кончилось Помаево мое горемычное.

Тут вспыхнет, там зажжется: осветилась улица, как полоса взлётная. А у меня радости в душе совсем нет – наоборот, страх какой-то, дикий, звериный. И тут замечаю, что парень этот, смуглый который, бочком ко мне как-то стоит. «Ага, – думаю. – Это что же ты, уважаемый, лицо от меня прячешь?». Кладу ему руку на плечо, пытаюсь его развернуть, а он ни в какую! Ну я тогда уже с азартом – разворачиваю его, а у него на лице – черви копошатся! Мертвяк, блин...

– Тьфу! Да ну тебя, дядь Коль! – передёрнул плечами молодой помощник. – Не люблю я такого: самому потом ночью дрянь всякая привидится...

– Вот и я не люблю, – закивал машинист и замолчал ненадолго. – А ведь я его узнал, смуглогото. Это уж потом, как проснулся. В школу вместе с ним бегали – в старшие классы, в соседнее село. Его в грозу убило, мне тогда лет пятнадцать стукнуло...

Снова на горизонте замаячила встреча.

* * *

В этот раз Федорыч поехал не на узике-сапоге, а на допотопной девятке, которую он лет сто назад отдал старшему сыну. У того, понятно, через год-другой образовалась потрепанная иномарка, и девяточка снова перекочевала к отцу.

– Куда тебе две машины? – ругалась Маша, его жена; так-то она редко выступала, но иногда и на нее находило. – Продай хоть одну! И так концы с концами связать не можем.

Но старый машинист отмалчивался и не продавал своих боевых коней. Девятка девяткой – на ней, конечно, по городу удобней. И жрёт поменьше. Однако ж на этом корыте разве до Помаево доберешься? Да оттуда после первого же хорошего дождя хрен вылезешь! Не-е. Маша, конечно, умница, но в этом деле ничего не смыслит.

Впрочем, как известно, человек предполагает, а Богу виднее: еще накануне вечером Николай всё

проверил, а утром его сапог камуфляжного цвета отказался заводиться. Напрочь. Ну что делать? Кто его знает, сколько он еще провозится – может, до полудня! А выходных у него всего два. Поэтому машинист сплюнул, обтёр губы и перекидал весь охотничий скарб в багажник и на заднее сиденье светло-зеленой девяточки...

Был такой поворот по дороге из Ульяновска, который он про себя называл «мой». С каким бы настроением он ни выехал из города, как бы у него ни болело и ни ныло левое плечо (последствие одной охотничьей истории) – когда до «моего» перекрестка оставалось несколько километров, сердце его ускоряло бег, и губы сами растягивались в улыбку.

Именно здесь, в Усть-Урене, они отгуляли свадьбу с Машей – много-много лет назад. Столовая как раз была недалеко от поворота; сейчас там располагались мелкие забегаловки. Он всегда останавливался возле одной из них, степенно здоровался с хозяйками и просил борща. Непременно борща и пирожков с зеленым луком и яйцами – с десяток штук.

«Опять на охоту?» – спрашивала его Валя, внучка Екатерины Сергеевны – той самой Кати, за которой он ухаживал давным-давно – еще до того, как встретил жену.

Федорыч важно кивал и садился за свой любимый столик – возле окна. После борща брал второе – какие-нибудь макароны с двумя сосисками. Потом – чаю.

«Там хоть чего-нибудь осталось? В Помаево-то вашем?» – снова слышал он звонкий Валин голос.

«Осталось, – отвечал он. – Церковь стоит. И кладбище. Вот ведь странность...».

«Что за странность, Николай Федорович? – Валя уже спешила к соседнему столику, куда приземлились два дальнегобойщика. Он понимал, что его ответ прозвучит напрасно, никому не будет нужен – как и само Помаево. Но сдержат себя не может.

«Странно, Валя, то, что сейчас самая живая часть села – это кладбище. Туда еще приезжают, за могилками ухаживают, кто-то даже подкрасил забор и ворота в прошлом году. Понимаешь? Для живых села уже нет, они его бросили, а мертвые родной земли не предают. Никогда...».

Затем он медленно пил чай – из большой белой кружки с дурацким логотипом сотовой компании. Иногда просил подлить еще. Ведь в Помаево нельзя торопиться. Мертвое село не терпит суеты.

«Коля-а! Ко-оля!» – живо, реально, как в галлюцинации, он слышал голос матери, зовущей его домой.

Как они тогда велосипед-то нашли!.. Да, да... Вот смеху-то было! Это поначалу. А потом оказалось, что велосипед – дяди Борькая. До сих пор холодок пробегал по его спине, когда он вспоминал о том случае из детства.

* * *

Он водился тогда с двумя братьями Петровыми – с Верепё. Петровы – это по-уличному, прозвище по отцу. Так-то у них фамилия была Покшáевы. Братья хоть и считались двойнишами, но похожи были друг на друга, как вилка на бутылку. Один, Сенька, – тонкий и смуглый, будто татарин. А другой, Паш-

ка, приземистый и с квадратным лицом, больше напоминал мордвина. В Помаево, как выражался их местный учитель-историк, всяких кровей понамешано – замучаешься разбираться.

Коле в то время стукнуло четырнадцать лет. Лето выдалось жаркое и влажное. С кувайских лесов и болот каждый вечер прилетала невиданная туча злющей мошкары, поедом евшей и скотину, и людей. Но днём было раздолье. Они с братьями не вылазили с берега Белого озера: Помаевка тогда текла веселей, и ил на дне не втягивал еще ноги купающихся с такой болотистой силой, как сейчас.

Велосипед обнаружил Пашка. Двухколесное сокровище припрятали в самых зарослях – так, чтобы никто не зацепился за него случайным взглядом. Но от мальчишек разве что укроешь?

«Рёбя! – заорал он, вылезая из кустов, куда убежал, чтобы справить большую нужду. – Я велик нашел! Целый!».

«Офигеть! – подтвердил его брат, уже через несколько секунд оказавшийся рядом с железным конем. – Целёхенький! Может, кто припрятал?».

«А наплевать! – возразил другой двойняш. – Мы нашли – значит, наш!».

Троица быстро уволокла найденное за село. Там они до самого вечера катались по очереди по протоптанному скотиной и людьми полевым дорожкам. А уж совсем зàтемно, когда за кровавым ужином поднялась с болот злая мошкара, мальчишки схоронили велик в зарослях крапивы: так оно надежнее будет.

Утром на следующий день Коля поехал с отцом в Никитино на совхозном грузовике. Обычно он любил помогать папе в его разъездных делах: тот всю жизнь трудился бухгалтером, его знали и уважали во всем Сурском районе. Но в это утро мальчику ехать не хотелось. Хороший велосипед действительно считался великим делом; у братьев Петровых ваялся в сарае какой-то раздолбанный драндулет, а Коля – так тот и подавно мог подребезжать велосипедной цепью лишь в долг, выпросив покататься у одного жирдяя с соседней улицы.

«Накатаются там без меня! Раздолбают велик так, что потом на него и не сядешь. А я тут с отцом – как последний дурак!» – с тоской думал он, считая минуты до того момента, как отец освободится от своих скучных дел, связанных с ревизией. Это он потом – уже годы спустя – благодарил Бога, что не остался в тот день в Помаево и не перешел дорогу дяде Борькаю.

«Ха! Ты понял, да! Он к нам домой прям с утра нарисовался. Мать только после дойки вернуться успела, а он уж на пороге стоит, зыркает!» – рассказывал ему смуглый Сенька, стараясь придать своему рассказу весёлый характер: дескать, вот ушлёпок так ушлёпок этот старый пердун. Вот уж смешно так смешно! Ага, насмеялись они тогда досыта – до той самой грозы, после которой смуглого пришлось закапывать рядом с его дедом, по правую руку.

«Твои у меня велосипед украли. Пусть вернут!» – знахарь якобы так и сказал. Прямо на пороге. И ушел.

Мать руками всплеснула, сунулась к сыновьям – те еще на терраске нежились, просыпаться не хотели.

«Мы ей сразу: какой там на фиг велосипед. Знать не знаем, ведать не ведаем. Что там этот сумасшедший дед выдумал! Пошел он подальше!».

Ну мать что: поохала, поахала. Старшего Петрова, отца их, вообще тогда не было: уехал в город, недели через две, что ли, вернулся только. Ну на этом вроде бы и закончилось. Мать попричитала, погрозила им, сказала, что Борька обманывать никак нельзя: он, мол, всё видит. А мальчишки что: пёс с ним, с этим дураком старым. И убежали – сначала на речку, а потом – к крапиве за велосипедом.

А ближе к вечеру, в тот момент, когда Коля с отцом трясся в грузовике, едущем из Никитино, дядя Борька вырос перед ними, словно из-под земли. Братья даже остолбенели поначалу.

Смотрит он на них: брови у него седые, кустистые, глаза глубокие и черные. В руках – палка. Он без этого сучковатого посоха вообще из избы не выходил, разве что когда верхом ездил на своем железном коне. Зачем палка ему нужна была – никто не знал. Борька ходил по-молодому, спину держал прямо. Частенько, кстати, видели его на том самом велосипеде: не любил он терять время на долгую ходьбу.

«Давайте, парни, по-хорошему. Покатались и буде. Мне по ягоду надо съездить. Травки кой-какой собрать. В лес нужно мне...» – сказал и молчит. Ждет.

Братья посмотрели на него, потом друг на друга. И загоготали, дурачье.

«Наш это велик, дядя! Попробуй докажи, что не наш! Мы его нашли, понятно?!» – и дёру дали. Один на колёсах, другой бегом.

В этот день Коля с Петровыми так и не увиделся: вернулись они с отцом из Никитино уже в темноте. Вечером старый Борька снова вырос на пороге избы Петровых.

«Ты, Надежда, женщина умная. Всё понимаешь. Я ведь тебе помогал. С этими оболтусами, кажись, ко мне и приходила. Грыжа ведь у одного была. Так?».

Бледная мать кивала головой и божилась, что допрашивала сыновей с пристрастием, но те отказываются ото всего.

«Не брали, говорят! Что с дурней взять? Вот отец вернется – он уж с них не слезет, душу им всю вытрясет. Если они взяли – вернут, вернут, дядя Борька! Куда они денутся!».

«Не с руки мне, Надежда, ждать две недели. Мне транспорт сейчас нужен. У травы сила назрела: я на нём, на раме, траву вожу. Скажи, чтоб отдали, слышь?».

А братья в тот вечер успели попасть в историю: Пашка катался по лесной просеке, наехал на сосновый корень в руку толщиной, который незаметно торчал в листве. Переднее колесо погнулось, покрышка лопнула. Петровы, не долго думая, сняли оба колеса с рулем и унесли к себе в сарай. А металлический велосипедный остов утопили в здешнем болоте – от греха подальше.

Через два дня мальчишки снова повстречались со старым знахарем в проулке, ведущем к клубу. И Коле опять повезло: братья Петровы были без него; вдвоем и дело совершили.

«Транспорт-то мой когда вернёте? Или уж утопили где?» – голос у Борька спокойный, с хрипотцой. Он, когда лечил, никогда не шептал – так,

как это делали все бабки-лекарки. Всегда говорил молитвы-заговоры вслух, четко и со значением. С хрипотцой.

«Пошёл ты, дядя, со своим великом! – вдруг орал Сенька. – Не брали мы его, и не докажешь ты ничем, понял!? Привязался, как банный лист к заднице! И не ходи больше к нам, а то вон вечером встретим в темном месте, понял?».

Ну и всё. Борька смолчал. И Пашка, Сенькин брат, тоже не сказал ничего. Наверное, поэтому и жив остался, хоть и уехал из Помаева навсегда – ровно через год, как в Сеньку молния попала.

Люди разное про то судачили, но Колька-то знал изнутри, как дело было. И никогда никому про это не рассказывал. Даже Петьке – своему помощнику, который, как тому казалось, знает про Помаево всё. Ведь старый машинист любил повспоминать о родном селе, когда их пригородный стоял на светофорах и долгих станциях.

Глава 3

Утром они пошли к заброшенному зданию бывшей церкви.

– Что-то холодно по ночам на земле-то голой лежать, – ворчал Толян, вооруженный поскуливающим гудлом. – Дно у палатки тоньше, чем волос в причинном месте. Надо что-нибудь теплое найти: соломы, что ли, натаскать? Или, на крайняк, – в избе этой дурацкой заночуем. Всё потеплее. Ну а завтра – домой пошлепаем. Как на такой план смотришь?

Стас закивал. Он с утра был молчалив и задумчив. Что-то снилось ему этой ночью – что-то неприятное и тяжелое. Но, слава Богу, подробностей он не помнил.

Кстати, Толян-таки угадал: Стасу действительно пришлось провести вторую ночь в сохранившейся помаевской избе. Да только вот спал он там один одинёшенек, без своего многоопытного товарища.

– Так, начнем-с!.. Вот крыльцо – давай-ка расчистим тут завалы, – любимое дело подняло настроение у Толяна. Да и начинающий нумизмат тоже оживился.

Друзья принялись доламывать церковное крыльцо, освобождая пространство для работы металлоискателя. Уже минут через двадцать первый радостный крик огласил заросшие окрестности бывшего села.

– Рубь! Тыща восемьсот второй год! Ну ни фиги себе! – Толян почти танцевал, показывая другу грязный кругляш. – Я же говорил, я же говорил! Да тут клад самый настоящий! Ё-моё!

Через час-другой их восторг, однако, поубавился. Сотоварищи нашли в общей сложности еще монеток двадцать, и все – времен совхозов и покорения космоса.

– Фу-у! Ну и жарница. Давай перекусим, а? – Толян вышел из здания бывшего клуба, стянул с себя футболку и закинул ее на ветку ближайшего дерева.

– Искупаться бы... – мечтательно протянул Стас.

– Где? В этом тухлом ручье? Нет уж. Я пас. Давай лучше костерок и шашлыки. Угу?

Подготовка к обеду отняла у них часа два. В пекло работать не хотелось, они ждали, пока хоть немного спадет жара. Толян даже умудрился вздрем-

нуть. Вот в этот самый момент Стасу приспичило. Студент порывлся к рюкзаку, добыл смятый рулон туалетной бумаги и поспешил в сторону ручья: там как раз росли замечательные кусты. Хоть тут никого, кроме них с Толяном, и не было, но столь интимное занятие всё равно требовало некоторого укрытия. Когда дело было сделано, юный нумизмат решил вернуться другой дорогой – вдоль берега ручья. Проходя то место, где ночью ему почудился женский крик, он снова ощутил озноб. А затем его левая нога наступила на что-то мягкое.

Стас успел лишь опустить глаза вниз, как вдруг почувствовал резкую боль чуть выше лодыжки – там, где заканчивались его подвернутые джинсы. Что-то громко зашипело, он резко отпрянул в сторону и заметил извивающееся черное тело, шмыгнувшее куда-то в расщелину между корнями деревьев. Пару секунд он стоял, не понимая, что произошло. В голове было пусто, сердце стучало, словно колокол. А затем дикая боль в левой ноге заслонила всё остальное в мире.

Стас быстро присел на землю и, задрвав брючину до самой коленки, начал внимательно осматривать две кровавые глубокие ранки на ноге. Жгучая боль всё усиливалась, место укуса уже начало понемногу вспухать, словно дрожжевое тесто.

– Чёрт! – сказал Стас вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Меня только что цапнула змея. Долбанная гадюка! И что мне делать? Толя-ян!

Его охватил страх – почти паника. В то же время он почувствовал какое-то необыкновенное возбуждение, сладкими, медовыми волнами накатывающее на всё тело. Уже спустя две минуты Стас расталкивал своего разомлевшего от жары друга.

– Толян! – бледные губы укушенного кривила странная усмешка, глаза были расширены. – Вставай, вставай, говорю, мать твою! Меня гадюка цапнула, слышишь?!

Старший медленно моргал, затем мельком глянул на две кровавые точки на ноге товарища и кивнул, будто видел такое каждый божий день. Затем сладко зевнул, показав Стасу две пломбы на коренных зубах.

– Ну ты даёшь!.. Вода у нас далеко? Пить хочу – не могу.

Пока проснувшийся рылся в рюкзаке в поисках минералки, Стас молча следил за ним. Ему чудилось, что каждое движение его товарища происходит жутко медленно, словно тот плыл сквозь прозрачную густую сладкую жидкость.

– Что мне делать, Толь? А? Я умру? – спросил начинающий нумизмат. Голос его был так спокоен, что мать Стасика, пожалуй, завопила бы от ужаса: только она знала, как у ее сына проявляется крайняя степень паники.

– Дурак, что ли? Это полная ерунда. От гадюк никто не умирает. Редко очень. Вот если бы она тебе в шею вцепилась или в щеку прямо присосалась – это другое дело. А тут – как оса. Распухнет и пройдет.

– Это точно? – Стас начал всхлипывать. – Ты это точно знаешь?

– Да конечно! Ну ты еще разревись, девочка моя! Говорю: всё хоккей будет. Аллергии у тебя нет? Не знай? Ладно ты тут посиди, тебе двигаться по-

меньше надо – я читал в Инете про такое.

Стас кивнул, а Толян пошел за церковь – помочь. Когда тот вернулся, укушенный тыкал пальцем в смартфон.

– Бесплезно, да? Тут не ловит ни хрена. Это надо в сторону Астрадамовки идти. Может, в Паркино есть связь. У тебя Билайн? У меня тоже. Не-е, связи нет.

– Толь, мне плохо... Тошнит. И... – бледный студент осторожно передвинул левую ногу. – И нога прям горит огнем!

– Да ла-адно! Дай-ка погляжу, – старший присел на корточки и, внимательно посмотрев на ползущую вверх опухоль, зацокал языком. – Да, дёрнула она тебя здóрово. Яд щас бесполезно отсасывать – всё уж в кровь проникло. Да и не рекомендуется это: вред только один.

Они помолчали. Сладкое возбуждение уступило место сонливости. Стас икнул и виновато улыбнулся. Потом снова икнул.

– Да, выглядишь неважнецки. Чё-то прямо у тебя – за двадцать минут каких-то. Ладно. Я вот что думаю: тебе надо покой, может, поспишь немного. Я тебя сейчас в избу отведу, а сам пойду по полям – до дороги. В сторону Астрадамовки. Как дойду до того места, где сотовый ловит, «Скорую» вызову... Только вот как она до сюда доедет – асфальта-то нет? По полям придется. Пошли.

Он решительно потянул Стаса за плечо и, когда тот поднялся, повел его к холму, откуда был виден дом. Укушенный шел прихрамывая, но в целом юный нумизмат выглядел уже чуть получше. Так, по крайней мере, показалось старшему.

– Ну вот! Ожил немного! – сказал Толян с одобрением. – А то совсем раскис. Сейчас ляжешь, а я побегу за помощью. Тут сыворотка нужна специальная. Только вот не знаю, куда лучше бежать: до Паркино-то поближе, но я боюсь заплутать. Весь вопрос – есть ли там хоть какой-то фельдшер? А связи там точно нет...

Старший рассуждал об этом вслух всю дорогу, которая показалась Стасу бесконечной. Ему невыносимо хотелось спать, а дышать становилось всё тяжелее.

– Та-ак... Вот тебе лежаночка поудобнее. Гудло мы пока в сторону отставим: я его сюда вот в уголок размещу, ага? А ты ложись-ложись, – Толян вдруг стал суетливым. Он старался не глядеть на мертвенно-бледное лицо друга и особенно – на его посиневшую и отвратительно раздувшуюся лодыжку.

– Ты не думай. Я прямо налегке – быстро побегу. У тебя тут вода, всё есть. Пей побольше. Часа через два точно обернусь – какого-нибудь врача тебе притащу, куда они денутся? Тут человек умир... – старший запнулся. – Ну всё, брат, отдыхай. Я – мигом!

Когда его друг испарился из избы, Стас чуть склонился вниз (он лежал на полуразвалившейся кровати, наспех покрытой ветровкой Толяна), и его вырвало прямо на грязный деревянный пол. Почти минуту он смотрел на выцветшую светло-коричневую половую краску, по которой расплывалось мокрое пятно плохо переваренной еды, а затем положил голову на сложенные лодочкой ладони и закрыл глаза.

* * *

– Тебе какого лешего надо здесь? – голос был молодой и наглый.

Стас разлепил веки и искоса посмотрел на говорившего. На запылившейся табуретке рядом с голландкой сидел худой узкоплечий подросток со смуглым, выгоревшим лицом. Неожиданный гость смотрел не на укушенного, а в белесую помаевскую даль сквозь треснувшее, запыленное окно избы. Студент перевел глаза на свою больную ногу и заметил, что опухоль уменьшилась.

– Ну чё молчишь-то? – опять спросил мальчишка. – Это у тебя времени вагон, а мне тут не с руки сидеть и ждать.

– Ты кто? – студент выдавил из себя слова с трудом. Ему вдруг сильно захотелось пить, и он привстал, чтобы дотянуться до пластиковой бутылки, торчащей из рюкзака.

– Дед Пихто! – отозвался хмурый подросток. – Кончай валяться здесь, вставай давай, пойдём.

Юный нумизмат присосался к минералке, пластиковая бутылка начала сужаться в его пальцах и потрескивать. Когда он оторвался от горлышка, смуглый уже приподнялся.

– Я два раза повторять не буду. Идешь?

Стас пожал плечами и опустил ноги на пол. Затем немного потянул ступню вверх, проверяя, не вернется ли жгучая боль.

– Ну чего ты цацкаешься со своей ногой? – смуглый раздраженно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы; получился звук, похожий на шипение, и студент вздрогнул. – Всё у тебя заживет, как на собаке. Слушай, я серьезно: мне пофиг на тебя и твою лодыжку. Ты или идешь, или нет. В общем, я сваливаю, а ты оставайся здесь, жди своего друга-придурка!

И наглый подросток направился к перекошенной двери, скрепя половицами заброшенной избы.

– Эй, ладно, ладно, – примирительно позвал его Стас. – Я с тобой. Дай только рюкзак возьму. И гудло нельзя здесь бросать: оно денег стоит.

– Во пе-ень! – процедил сквозь зубы новый знакомец. – Ты на самом деле такой или прикидываешься? Оставляй всё здесь, никто ничё не тронет. У нас в селе можно дверь хоть палкой подпереть – никто сроду не зайдет. Это вы в городе за семью замками прячетесь, трясётесь вечно.

Охотник за монетами еще раз пощупал рукой чуть ниже колена левой ноги, боясь прикоснуться к опавшей опухоли, а затем кивнул: идти надо, он это понимал...

Как они добрались до берёз, Стас плохо помнил. Он почти не поднимал глаз от тропинки, стараясь шагать след в след за смуглым, так как боялся снова не заметить гладкокожую гадину, греющуюся на какой-нибудь малозаметной кочке.

– Всё, дошли! – немного сутулая спина подростка заметно расслабилась. – Дальше сам. Там всё просто: заходишь в ворота, надо крючок поддеть с внутренней стороны. Оставь дверь открытой, потом ее закроешь, когда выходить будешь. Иди сначала прямо, там поймешь – синий высокий крест с домовиной наверху чтобы по правую сторону был. Домовина – знаешь, чё такое?

Стас неопределенно вскинул брови в ответ: не хватало еще, чтобы его тут просвещать начали. Подросток показал ему две ладони, соединенные в форме покато́й крыши дома.

– А-а, ну-ну... – начал Стас.

– Баранки гну. Так вот. Идешь прямо, могил пятнадцать пройдешь, потом налево проход будет. Двадцать шагов сделаешь и придешь, куда нужно. Там тоже крест и фотка. Найдешь, в общем.

– А что там написано? – спросил студент.

– Где?

– Ну фамилия какая?

Смуглый секунд двадцать сверлил его взглядом коричневых глаз, а затем выдохнул, выпуская раздражение, словно лишний пар из котла.

– Фамилия как? Борькаев. Степан Федорович. Запомнил? Сядешь там на лавку, посидишь. Как отпустит он тебя, назад воротись, и тогда уж ворота на крючок закроешь. Всё. Давай, – и подросток довольно-таки сильно подтолкнул студента в плечо.

– Наглые тут у вас все... – забормотал было юный нумизмат, но потом скривился и махнул рукой: с местными нефиг связываться. Да и идти действительно надо. Стас просунул руку в заборную щель, снял крючок, открыл невысокую калитку и, не оборачиваясь, пошел по прямой мимо могильных холмиков. Попадались деревянные кресты, обычные металлические трапециевидные памятники со скошенным уголком и современные прямоугольники а-ля мрамор; где-то торчала оградка, а где-то – просто холм без каких-либо опознавательных знаков. Обычное сельское кладбище, он на таких сто раз бывал.

– Ишь ты, распоряжается тут... – он всё еще злился на смуглого: этот сопляк младше года на четыре, а толкается, блин, указания дает.

Высокий крест с домовиной гость оставил по правую руку. Затем свернул налево. Памятник у дяди Борька и впрямь ничем особым не отличался. На черно-белой выцветшей фотографии, прикрученной к кресту, – бородатое лицо с густыми седыми бровями над черными глазами.

– 1897-й – 1981-й. Нормально так пожил мужик... – такие размышления Стас обычно не произносил вслух. Оградки на могиле не было, зато рядом располагалась скамейка – свежеекрашенная, с металлической спинкой, как-то резко выделяющаяся своей светло-синей новизной среди остальной тусклой ветхости и запущенности. Нумизмат приземлился на нее и принялся оглядываться по сторонам. Смуглого и след простыл; тишина кругом стояла гробовая. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка.

Он поерзал минут пять, потом привстал и снова сел.

– И сколько мне здесь еще сидеть? – Стас спросил это вслух – так, будто совсем отучился думать про себя. Он почти случайно снова взглянул на могильную фотку Борька и тихо охнул, заметив, что на старом керамическом овале ничего нет – одна сплошная белизна.

– Ну только не говори, что испугался... – где-то за спиной отозвался на его вздох мужской голос. – Я этого страх как не люблю.

Стас быстро обернулся и увидел бородатого

мужчину лет пятидесяти. Он стоял, опершись на толстую сучковатую палку, и внимательно смотрел студенту прямо в глаза. Стоявший не улыбался, но от всей его фигуры, от его покатых худых плеч, расслабленной позы, какой-то неторопливости веяло добродушием. По крайней мере, никакой опасности Стас не почувствовал, и это его успокоило.

– Болит нога-то?

– Да так... Ноет.

– Ага. Ну, подвинься, подвинься, присяду с тобой, раз пришел, – мужчина присел на скамейку. Свой посох он заботливо прислонил сбоку к металлической спинке. – Вот и хорошо... Теперь и покалякать можно. Ты скажи, Стасик, сколько тебе надо?

– В смысле? – юного нумизмата почему-то совсем не удивило, что бородатый знает его по имени.

– Ну как «в смысле»... Вот мне Сенька, – это паренек смуглый, который тебя сюда привел. Не хотел он идти, к стати, не понравились вы ему оба сразу – как только пришли сюда. Ага. Так вот, Сенька мне всегда говорит, когда мы с ним об этом беседуем, ну вот прям как с тобой щас: «Дядя Борькай, не прав ты, мол, старый пердун! Счастье – оно у каждого свое. Вот им, говорит (это он про вас с Толяном, ага), нужна куча монет для счастья. Дашь им много, вот прям до хрена монет, – и они счастливы будут!». А я с ним спорю, у нас прям индо до слез иногда доходит, так вот спорим! Я ему в ответку: «Сенька, Сенька, как был ты бурелом, так и остался. Счастье, оно, может, у каждое свое, да только так выглядит всё на поверхности. А на самом-то деле мы все к одному идем, просто пути разные». Вот.

Бородатый замолчал, и сразу стало до боли тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка. Стас тоже ничего не говорил.

– Ага, – вдруг снова продолжил Борькай. – Вот я тебя, Стасик, и спрашиваю: сколько тебе этих самых монет-то надо? Для счастья. Для настоящего. Так, чтобы ты радость подлинную ощутил. Чтобы прямо до слез, до дрожи, до сути самой. А? Вот разреши наш с Сенькой спор!

Стас опустил глаза и, найдя указательным пальцем едва заметный сучок в скамье, принялся егоковырять. Бородатый терпеливо ждал.

– Да это я так... просто. Коллекционирую, – наконец ответил он. Никакого стеснения юный нумизмат не испытывал: наоборот, ему неожиданно захотелось выложить всё начистоту. Просто он пока не мог подобрать слова.

– Ну-ну, – подбодрил его Борькай и почесал свою левую кустистую бровь. – Не юли. Бить-то тебя за это не будут.

– Ну вообще я с детства вот собираю. У меня почти сорок дореволюционных монет, а остальные так – по мелочи. Есть даже одна первой половины восемнадцатого века.

Дядька одобрительно кивал, как китайская игрушка, в такт каждому его слову.

– А тут мы как... Начали искать вроде, ну по сёлам, но там люди-то ходят, всё такое. А с металлоискателем сейчас особо-то не разгонишься: могут так штрафануть, мама не горюй. Вот Толян и говорит: «По сёлам надо заброшенным пройтись!». А я...

– Ну это да, да, – мягко перебил его собесед-

ник. – Это я в курсе. Но ты на вопрос мой ответь. Вот сколько тебе надо?

Стас еще раз скользнул взглядом по лицу бородатого и увидел, что тот спрашивает его вполне серьезно. С интересом.

– Ну как... Тут ведь сразу не ответишь. Еще ведь важно, какие монеты. Вот если «катышки» – ну там при Екатерине Великой которые – это, конечно, один разговор. А если советские, так этого добра везде полно, нам они и не нужны по большому счету.

– Вам с Толяном пофиг на них? – уточнил бородатый и чуть улыбнулся.

– Ну да, – заулыбался в ответ Стас. – Не на все, конечно. Есть и советские монеты – очень крутые. Тут надо по каталогу смотреть, в Инете их полно: какие ценные, какие нет.

– Ага, ага! – закивал сидящий рядом с ним. Бородатое лицо чуть отвернулось от Стаса, склонилось к земле, и мужчина, протянув правую руку к посоху, стал гладить его по сучковатой кожице. Они снова помолчали.

– А Сенька-то у меня – парень и впрямь не промах... – наконец вздохнул Борькай; голос у него чуть изменился, стал тише, с какими-то хрипами и сипом. – Знает ведь, как правильно спорить. Ничего не попишешь... Что же, Стасик, идти мне надо. И тебе тоже нечего здесь задерживаться. Отпускаю я тебя. Можешь возвращаться.

Стас послушно приподнялся с лавки.

– Иди, иди, Стасик. Поговорили мы с тобой – как воды напильсь. Только калитку на крючок запереть не забудь, а то ходят тут... Скотина всякая может забрести, а нечего ей на кладбище-то делать, сам знаешь.

Студент закивал и поспешил обратно. Всё-таки неуютно было здесь, да и, честно говоря, не любил он бывать на кладбищах.

Глава 4

Такие ловушки старый машинист умел обходить на раз-два. Но тут засмотрелся на показавшуюся вдалеке крышу бывшей помаевской церкви, ёкнуло его сердце от радости, колеса старой девятки повело по влажной колее, и сел он в аккурат на брюхо. «Приехали, мать твою растудыт!».

В общем-то, он и не рассчитывал на автомобиле добраться до самой избы. Не на узике всё-таки сегодня, рисковать нечего. Кто бы его потом из таких дебрей выколупливал? Но чтобы вот так вот глупо сесть посреди бела дня на нормальной еще полевой дорожке – это уж совсем. Старость не радость, как говорится.

Он попробовал вытащить машину с налету, но не тут-то было. Понял, что придется провозиться почти час, и решил это дело оставить на завтрашнее.

– С новыми силами утром приду – и выковыряю родную. А сейчас домой хочу. Избу увидеть свою! – Федорыч поймал себя на том, что произносит эти мысли вслух, и пожал плечами: никого здесь нет на добрые пятнадцать километров по диаметру. Тут не то что с собой вслух поговорить – тут можно хоть нагишом шастать день-деньской – всё одно.

Хотя на самом деле он так не думал: всякий раз возвращаясь в село, где он родился и вырос, Федорыч ощущал присутствие чего-то живого и родного. Да, люди здесь уже не жили, коровы не мычали, тракторы не тарахтели, собаки не лаяли. Но Помаево никуда не делось, оно еще было здесь, дышало. И наблюдало – следило, чтобы, как любил говорить его отец-бухгалтер, дебет с кредитом сходились. Не допустит село безобразия, точно не допустит.

Может быть, именно из-за этого ощущения он и любил сюда приезжать. Ну не ради же охоты он катается в заброшенное село. Нет и еще раз нет! Здесь качали зыбку руки матери, когда он был бесштаным младенцем. По этим зарослям – бывшим улицам – ходили его друзья. Здесь он знает каждую пядь земли: в каком роднике вода вкуснее, где растет лесная клубника, в какой квартал леса лучше идти за маслятами, а куда – за белыми грибами.

Он до сих пор с закрытыми глазами мог указать, где чей дом стоял: тут жили Петровы, а тут Абаевы... Он помнил, как дойти до заросшей землянки, где, по уверениям, старожилы, прятался сам Стенька Разин и там же где-то схоронил награбленное. Тут, на кладбище, у него лежат две бабки, дед, отец с матерью и сестра. Тут его душа и сердце...

– А вы, чёрт, развалили всё, разворовали, растащили! Дорогу асфальтовую они не успели проложить, село, мол, бесперспективное! Сволочи! – слова утонули в полевом ветре, погасились о деревья ближайшей рощи, ушли в леса кувайской тайги. Николай посидел еще немного, подышал родным воздухом, а потом принялся вытаскивать из багажника скарб. Через час он уже скрипел половицами своей избёнки.

* * *

Первое, что он заметил, – икона. Кто-то снял ее с божницы и положил на подоконник. Это было бабкино благословенье: с нею она провожала к зятю свою дочку, его мать. Бабка сама украшала икону фольгой и искусственными цветами. Она же выучила Николая «Отче наш» и «Богородице»: «Ты, грит, сынок, – бабка его часто сынком звала, – ты, сынок, молись и на Бога смотри. А Бог-то он тут, с нами», – и на икону глазами показывала...

– Кто ж тебя так? – забормотал Федорыч, буд-то нашел за старой поленицей котёнка с перебитой лапой. – Зачем сняли-то и на окно тебя сунули? Ладно хоть не унесли, ладно хоть так...

После он заметил рядом с табуреткой чей-то рюкзак, а чуть позже за голландкой в углу нашел припрятанное гудло.

Он присел на старый диван, поводит носом, будто старая гончая, и глаза его невольно скользнули вниз – к чехлу со старым охотничьим ружьем. Не нравился ему такой расклад; что-то носилось в воздухе – тревожное, неопределенное, то, чего раньше в Помаево он не чувствовал.

– Мародеры, мать их... – решил наконец машинист и вздрогнул от собственного сиплого голоса; во рту стало сухо, язык едва шевелился. – Ну я им покажу, как село чужое грабить! Дай только добраться до вас...

С этими словами он привстал и наклонился к рюкзаку, к которому был прикреплен коричне-

вый потертый чехол. Федорыч начал судорожно отстегивать его, затем полез за крупной дробью, руки его дрожали, ему казалось, что вот-вот кто-то войдет и... И тогда он ответит им наконец – им всем. Тем, кто раздербанил, растащил его село-жизнь по кусочкам, тем, кто позволил умереть его Помаеву, тем, кто в душе, по жизни, ежедневно и ежесекундно мародерствует, тем, кто... Он остановился лишь тогда, когда наставил дуло на полуоткрытую дверь, и так продержал ружье, наверное, с минуту. А после поймал себя на этом, зажмурил глаза – так, что задрожали веки, и медленно опустился на диван.

В избе давно не было часов – тех самых, светло-желтых, старинных, со звоном. Но тут он отчетливо услышал их мерное тиканье. Этот звук Николай помнил с раннего детства. Он любил по утрам, – когда солнце еще только раздумывало, подняться ли над горизонтом или наконец бросить всю эту опостылевшую круговерть, – прислушиваться к звукам дома и Помаева. Сначала кукареканье соседского петуха; потом скрип калитки – мать пошла на утреннюю дойку; громоханы цепи Тобика – на редкость глупой собаки, которую Колька обожал; а потом – все звуки пропадают, уходят, и остается только мерное тиканье. Тик-тик-тик-тик...

Иногда мальчик сам себе ставил такую задачку: не разжимать веки до тех пор, пока ветхий механизм часов не достигнет заветной точки, стрелки не совпадут, и из светло-желтой утробы не полетит звон. Но так ни разу и не смог дожидаться заветного момента. Секунды текли и утекали; Коля считал их и считал, принимался ворочаться под одеялом, сжимать и разжимать кулаки, терпел целую вечность. Но часы всё не били, и он сдавался. Раскрывал глаза, вскакивал с кровати – и всегда оказывалось, что нужно было подождать всего каких-то пять-десять минут. Но он не мог. Что-то в мерном тиканье часов было такое, чего решительно нельзя было перенести, особенно – если слишком сильно прислушиваться...

«Коля! Ко-оля!» – машинист часто заморгал, оглянулся и посмотрел в окно. Солнце уже теряло силу. Еще часа три, и тени станут совсем длинными. Надо разведать хотя бы в ближних заповедных местах – там, где Федорычу всегда везло на птицу и другую мелочь. Но сначала, конечно, стоит поискать хозяев рюкзак.

* * *

Парень, почти мальчишка, лежал навзничь на небольшом холмике слева от кладбищенских ворот. Еще издалека Николай понял, что тот жив: лежавший иногда похлопывал себя по левому бедру, словно проверяя, не исчезло ли оно вдруг.

Федорыч сначала предположил, что мальчишка пьян, но, присев рядом с ним, запаха не учуял.

– Эй, пацан! Ты чего тут? – машинист решил спрашивать поглубже – почти басом, чтобы мародер заранее знал, что с ним шутики плохи. Однако его артистизм воздействия не произвел: парень даже глаз не открыл, а только продолжал, шевеля пальцами, то и дела касаться своего бедра. Вытянув шею, Федорыч посмотрел на завернутую штанину незнакомца. Затем привстал и обошел его с другой стороны. Машинисту понадобилось с минуту, чтобы раскусить, в чем закавыка.

– И давно она тебя, дурака, цапнула? – бурчал он, уже оценивая примерный вес найдёныша. – Ты хоть и худой, но мне, старику, тебя так просто не поднять. По траве волочить – тоже малоприятная процедура... Эй, как тебя там? Ногами-то перебирать могёшь или как?

Стас понимал, что его куда-то ведут, но на этом его осознание себя и заканчивалось. Иногда он замечал идущего в двух шагах от него смуглого подростка, который кривил рот, когда замечал туманный взгляд Стаса.

– Иди давай! – говорил наглец и, зевая, отворачивался от него. – Вон Колька тащит тебя, надрывается, а ты ноги свои не можешь нормально поднять и переставить. Я с тобой замаялся, чесна слово. Вот угораздило-то...

Стас хотел ему ответить чем-нибудь пообиднее, но на ум приходила всякая ерунда. Они шли по вечерней улице, освещенной окнами сельских домов. Любопытные лица мелькали за занавесками. Где-то в отдалении забренькали на балалайке, и в ответ засмеялись звонкие девичьи голоса.

Потом Стас и его спутник (кто-то ведь вёл его за руку, пока смуглый кривился от раздражения) мучительно долго пробирались сквозь стадо бредущих коров. Скотины было так много, что хотелось прижаться к забору, чтобы дать пройти этому мычащему, теплому, пахнувшему молоком, травой и навозом потоку пятнистых тел. Стадо замыкал отчаянно косоглазый пастух с грязной веревкой вместо кнута.

Стас решил с ним поздороваться, но затем передумал и просто кивнул. Кто-то повел его дальше. А затем он спал. Долго, очень долго спал.

Глава 5

– У царя Ивана Грозного был проводник-мордвин – ну, как гид по здешним местам, звали его Отя. Откалывал и на имя Покша. Да. Давненько, в стародавние времена, ага. Волос у мордвина черный, сам приземистый, голова большая. Знал здесь, ведал каждую кочку, каждое болотце. Вот однажды идет этот Отя с царским воеводой по кувайской тайге... Симбирском тогда еще и не пахло, в проекте не было еще твоего Симбирска, понял?

Стас кивал, блаженно шурился, смотря на угольки костра. Федорыч ему нравился; он с ним даже змей не боялся. Почти.

Еще вчера вечером он подышал на кровати в полуразваленной помаевской избе, а сегодня, поди ж ты, вот уже сидит, как огурец, греет кости у костра. Он отлеживался весь сегодняшний световой день, пока старый машинист ходил по своим охотничьим делам.

– Ты не бойсь: всё с тобой нормально будет. Опухоль уж спала, температуры нет. Полежишь, покумекаешь, к вечеру будешь в норме, – успокаивал его новый знакомец.

Федорыч, кстати, сумел дозвониться до запропастившегося куда-то Толяна: старый машинист давно испробовал различные симки и точно знал, какой сотовый оператор работает в здешней глухомани.

– В Усть-Урене уже твой друган, волнуется-переживает, спрашивает, как ты, мол, здесь. Будешь с ним общаться? – Николай протянул студенту свою

кнопочную «Нокиа», но Стас скривился, совсем как смуглый Сенька, и покачал головой.

– Ну как знаешь. В общем, ты тут лежи-полёживай. Еда-вода есть, я к вечеру обернусь. А завтра мы с тобой домой покатым. Подсобишь мне вот только машину вытолкать – и фьюить!.. Прощай, дорогое Помаево. Понял?

Костер они устроили недалеко от избы. Федорыч общипал уже подбитых им лесных куликов и теперь готовил дичь по-походному. Истории про свое село он начал рассказывать сам – без просьбы Стаса. Юный нумизмат вообще старался больше молчать, но не потому, что чувствовал себя плохо: нет, физически он оклемался. Однако что-то внутри него происходило странное, будто он пытался нечто припомнить, но всё как-то не мог.

– И вот идут они, Отя с воеводой, по этим самым местам. А раньше тут – ого-го, не сравнить с нынешним: и выхухоль, и бурый медведь. А речка Помаевка какая чистая была! – продолжает Федорыч с увлечением – так, будто пересказывает очередную историю Петьке, своему помощнику, на каком-нибудь долгом светофоре. – И вот веришь, нет: заблудились. А воеводе к спеху, с ним войско. Темень скоро, мошки, болота. Волки кругом. «Ты, говорит, Отя, не балуй. Всё здесь знаешь, а вывести нас не можешь? Повешу на первом суку!». А Покша сам не ведает, как так получилось: будто водит кто его. Ведь все приметы знает: вон сосёнка ободранная, вот болотце, а всё не может верного пути отыскать. А воевода ярится, грозит: до темени, дескать, не выведешь на нужную просеку – поминай как звали!

И стал тогда Покша молиться своим богам. Мордва-то она в православие позже ударилась, в курсе, да? Подошел Отя к березе, стал ей кланяться, шептать по-своему. А оттуда якобы голос ему: «Быть тут селу. Да не одному. И каждое село – для сына твоего, Покша. Первый сын – Аркай, второй – Паркай, а третий будет любимый – назови его Помаем». И всё. Через час Отя вывел воеводу куда надо...

Сверчки оглушали; звёзды – выпуклые, весомые, блестящие – гнездились в небе, словно огромные светляки. До одури пахло жареным мясом; шумели деревья в заброшенных садах, хотя ветра почти не ощущалось. Стасу было очень хорошо. Иногда только вспоминал он о здешних хозяйках – змеях и ёжился под теплым пледом, которым с ним поделился старый охотник.

– Вот с сыновей-то Отиных и затеялись наши сёла. Тут, кстати, в Помаево-то, у каждой улицы свое название было – не как по индексу, по почте, значит, а свое, местное. Вон туда, – Николай машет куда-то в сторону, – Верепё была. С мордовского – Верхняя, значит. Дальше – Алопé, потом Крестовка, Томбаль и Од-улица. А изб сколько стояло – курочке покакать негде было! Шестьсот дворов! Веришь, нет? Я завтра с утра тебе всё покажу, кто где жил...

– Дядь Коль, – перебивает его Стас, – а Борькай – это кто?

– Борькай? – плечи Федорыча вдруг слегка передёргивает, будто от озноба. – Ты и про него знаешь? Борькай – это разговор особый... Сильный знахарь был. Ездили к нему со всей округи. Лечил любую болезнь – и слаз, и крик, и собачью старость, и

боль зубную, головную, всякую. Рассказывали, что силу свою он обрёл так... Не с рождения же у него это объявилось. Был тут еще один известный... Ну не знахарь он, а предсказатель. Провидец, ворожец. Звали его Ерошкиным, но жил он не тут, а в Кувае – тут недалёко. Не слышал?

Стас покачал головой и подумал о Толяне. Он не хотел думать о нем, но тут вдруг вспомнил. А если бы не Федорыч? Что было бы с ним? Почему напарник его не вернулся, а ушел, кинул его тут? Но обида, которая всколыхнулась на секунду в его сердце, тут же начала оседать куда-то вниз, пока не пропала совсем. Его внутреннее состояние сейчас было таким, что не до обид, не до... нумизматики, одним словом.

– Вот по молодости дядя Борькай и этот самый Ерошкин угодили в тюрьму. Ну там какое-то мелкое, наверное, было, несущественное, раз их отпустили-то скоро. А с ними в одной камере сидел старичок, больной совсем, на вид слабый. Умирал он. И ребяташки стали за ним ухаживать: то водички, то хлебушка. Добро ему, значит, делали. И старик этот, как умирать, подозвал их к себе и говорит: «За добро добром отвечу. Я, ребяташки, силу в себе храню непомерную. Поделюсь с вами, возьмите, не побрезгуйте». И поделил. Одному, вишь, дал предсказание: видел он всё, наперёд угадывал, а другому, Борькаю-то, – лечение. Болезни исцелять мог. Так-то.

Федорыч сунул Стасу жирное крылышко, сам тоже, обжигаясь, надкусил горячую, пупырчистую кожу лесной птицы. Черное небо перечертила вспыхнувшая звезда. Затем еще одна.

– Примешь? Самогон это. Немного только, тебе много щас нельзя, – предложил старший. И они чокнулись кружками.

– Хочу сказать тебе, Стас, одну штуку, – снова заговорил машинист, после того, как они пригубили еще раз. – Потом, поутру-то, может, и не скажу. А меня это давить будет. Ведь вот когда вошел я в свою избу и увидел, что икону, бабушкино благословенье, кто-то на подоконник бросил, вниз ликом положил... И такое во мне разыграло, что аж страшно стало. Я словно всю мою обиду – вот за всё это, – Федорыч развел руки, будто хотел обнять темную тайгу, – снова почувал, ощутил. Взял я тогда свое ружьишко, наставил на дверь, и вот ей-богу – хорошо, что вы тогда не вернулись...

А ты, Стас, парень хороший оказался. Я ведь людей-то за версту чую. Не злой ты. Хотя Помаево-то тебя смотри как удружило-то... – Федорыч гоготнул, указывая на левую ногу собеседника. Но затем старик погрустнел.

– Вот, Стас, думаешь, что нельзя вернуть уж ничего? Я про село. Ведь вот всё хочу я избу свою восстановить: и крышу поправить, и колодец, может, налажу. И вот всё мечтаю: может, ненадолго это? Может, вернутся еще люди в Помаево, а я – вот, пожалуйста, здесь жду вас. Охранником, так сказать, работаю. А потом, думаю... А нахера, Стас? Ну кому это надо?.. А иногда... Иногда даже страшно делается, веришь?

Николай хлопнул еще четверть кружки – уже в одиночку. Становилось холоднее. Юному нумизмату захотелось в избу, веки его спалились сами собой. Змеиный яд, видно, еще бегал по крови, норовил

всё куда-то утащить – на ту, свою, змеиную сторону реальности.

– Почему страшно, спрашиваешь? Да потому, Стас, что не отпускает меня это место. Ведь я всё понимаю, анализирую, я ведь технарь – мне до сути добраться хочется, до того места, откуда начинается и крутится, до причины то есть. Вот ведь не только я тут родился и вырос. Куча народу. Да, конечно, приезжают сюда, на кладбище ходят – на праздники там, летом особенно, потому что добираться посуху удобнее. Но ведь избы-то своей здесь никто не сохранил, жить-то здесь никто не желает. А я не могу, Стас, меня вот ровно кто сюда приковал и отпускать не хочет. Люблю я эти места, люблю. Согласен. Но и боюсь. Помаева самого боюсь... Знаешь, как я здесь охочусь? О-о-о!.. Ведь я сто раз позволения спрошу, прежде чем... Э-э, я гляжу, Стасик, ты носом клюешь. Спать пора, спать пора. Завтра договорим, если что. Угу?

* * *

Но утро получилось суетливым: не до бесед. Они как-то второпях попили чаю, Федорыч помог пострадавшему от помаевских змей упаковать рюкзак и металлоискатель. Затем пошли в сторону церкви и выезда из бывшего села.

Прошлогодные колючки цеплялись за рюкзак, царапали джинсы, пытаюсь задерживать идущих. Стас старался идти след в след за широкой спиной старого машиниста, который уверенно прокладывал путь, будто локомотив. В основном, они молчали. Лишь иногда проводник останавливался, кивал на какие-нибудь ничем не примечательные заросли и говорил: «Вот тут Покшаевы жили, а там – магазин стоял».

В одном только месте они задержались надолго – там, где бил Комариный родник. Федорыч снял с себя камуфляжную фуражку, наполнил ее ледяной водой и сделал несколько глотков.

– Попробуй. Такой воды нигде больше нет. Ты верь мне, я много родников за свою жизнь повидал – попробовал.

А потом – светло-зеленые бока старой девятки, на которых остались следы рук Стаса: машину они вызволили из колеи быстро, за десять минут. Дальше – грунтовка, асфальт, Никитино, Усть-Урень и – город.

– Телефон мой знаешь. Звони, если что, – Федорыч пожал студенту руку; растались они недалеко от железнодорожного вокзала, так как машинист торопился: ему скоро на смену. – Я в Помаево в этом году, наверное, еще разок смотаюсь. А дальше уж осень-зима, туда не доберешься. Если захочешь со мной – дай только сигнал. Угу?

До дома Стас трясся на трамвае, потому что с гудлом в маршрутке не поместишься. За грязным трамвайным окном всё было по-прежнему: городская, дневная, муторная суета, первые признаки которой проявились еще там, в Помаево, накатила на него, ловко и четко расправилась со всеми его воспоминаниями о пережитом. Уже через час он привычно хлебал свой кофе, пялился в экран ноутбука и думал о сентябре, учебе и Толяне.

И только вечером, когда он забрался под одеяло, левая нога неожиданно заныла. Стас вытянул

руку и похлопал по бедру пальцами. Опухоль совсем спала; синеватый оттенок на месте укуса тоже постепенно проходил.

А ночью, когда он вроде бы заснул, его руки кто-то коснулся. Стас открыл глаза и увидел сидящего на краю кровати смуглого Сеньку.

– Ну, я тебе говорил, что всё с тобой нормуль будет? А ты нюни распускал!

Студент слабо улыбнулся и решил было пристесть.

– Не-не, лежи, отдыхай, – смуглый зевнул и подпер кулаком свой подбородок. – У нас тут с Борькаем опять спор вышел. Он говорит, что ты вернешься, а я – что струсишь. В прошлый раз помнишь, кто победил?

Стас прикрыл глаза; смуглый его, конечно, раздражал, но нужных слов, чтобы правильно послать его, опять не нашлось.

Утром он про визит Сеньки забыл. На третий день они наконец встретились с Толяном, и юный нумизмат передал ему гудло. С тех пор, встречаясь в университете, они даже не здоровались.

Через две с половиной недели, в пятницу вечером, сотовый Стаса завибрировал, высветив номер старого машиниста. Студент смотрел на экран и не брал трубку. Потом почти час ходил из стороны в сторону, из зала на кухню. Разболелась левая нога, пульсация от нее начала отдавать в шею, и он прилег на диван.

– Мне там нечего делать, – говорил нумизмат вполголоса, не в силах думать про себя, – пусть он сам со своими гадюками якшается. Пошло всё нахер! Я не обязан, я не хочу! И не поеду...

Однако утром в субботу они с Николаем встретились возле железнодорожного вокзала. Уазик Федорыча был забит под завязку стройматериалами.

– Крышу подправлю, – объяснял старый машинист, вырливая на главную дорогу. – Дело к осени, а там дыры. Зальет всё к чертям собачьим. Пособишь?

И Стас кивал в ответ. Ему было действительно хорошо. Физически он точно оклемался, но помаевский змеиный яд, он это чувствовал, никуда не делся. Остался в его крови и бегал теперь от пяток до темечка по бесконечному кругу.

До заброшенного села они добрались после по-

лудня. Стас вылез из уазика, который Федорыч лихо припарковал возле остатков забора родной избы.

– Я шас, мигом, мне тут дело одно сделать надо! – сказал он и почти бегом побежал в сторону скопления берез.

– Под ноги смотри, нумизмат хренов! – кричал ему вдогонку машинист. – Я тебя назад на себе тащить не собираюсь...

На кладбище Стас вынул из кармана пару припасенных заранее конфет и положил их у основания креста. Затем посидел пару минут на скамейке с металлической спинкой.

– Только не думайте, – сказал он наконец, – что я вам тут скаковая лошадь: ишь ты, спорят они тут на меня, ставки делают. Как захочу, так и будет, понятно?! Я вам не охранник, пусть вон Федорыч вас охраняет!

* * *

На следующий год весной, как подсохло, Стас приехал в Помаево уже один. Добирался до Паркино на попутке, потом шел полями пешком. Федорыч умер в январе – от инсульта. Стас об этом узнал лишь через месяц от его сына.

Гость обошел все прежние места – и Белое озеро, и бывшую церковь (она еще стояла, но второй этаж совсем обвалился), и николаевскую избу, и даже побывал на берегу реки – в том самом месте, где его укусила гадюка. Переночевал он в доме, в котором теперь было намного уютнее: крышу они тогда с Федорычем основательно залатали.

– И не думайте, – в очередной раз повторял Стас окружающим стенам, шумящим без ветра деревьям, сверчкам и пульсирующим звездам, – что я тут охранником заделаюсь. Я Федорыча помянуть приехал. Только и всего.

И Помаево не возражало. Тут даже и спорить-то нечего. Никто никого не принуждает: приехал – и хорошо. Не забыл про нас – и то ладно.

Стас устроился поудобнее на покосившейся кровати, натянул до самого подбородка теплую куртку и, сложив ладони лодочкой, закрыл глаза. Всё-таки хорошо, когда левая нога не ноет и не болит. Нигде ему не спалось лучше, чем здесь – в родном Помаево...

Лариса БРЮХОВИЧ, краевед

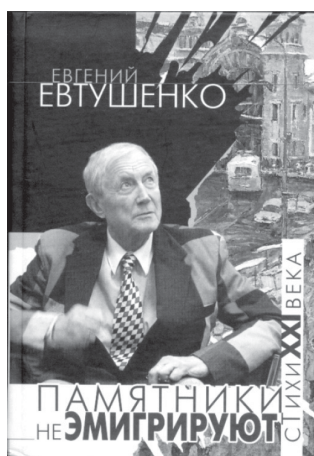
«Я ПРОРВУСЬ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК...»

Е. Евтушенко

В январе 2019 года Ульяновской городской библиотеке №4 присвоено имя Евгения Евтушенко (1932 – 2017)

В связи с этим хочу поделиться интересной находкой из книги Е. Евтушенко «Памятники не эмигрируют» (М., 2005). В книгу вошёл новаторский, звонкий, лишённый академизма переклад «Слова о полку Игореве».

Евгений Евтушенко вступление переводчика

Переводить этот шедевр, таинственный и по своему происхождению, и по многим историческим и метафорическим загадкам, щедро рассыпанным, может быть, не одной рукой, а руками многих переписчиков, – дело рискованное.

Лучший перевод из первых, по-видимому, принадлежит В. Жуковскому, но во многих мне все-таки не хватает звонкости, которую бы могла придать

фольклорная ассонансная рифмовка при живом, гибко трепещущем ритме, легко меняющем обличия, словно князь Игорь во время побега из плена. Однако беда, если рифмовка и ритм превращаются в прокрустово ложе, под которое подгоняется живое тело оригинала. Я учел неудачу такого прекрасного поэта, как Заболоцкий, вогнавшего «Слово» в ритмическую железную клетку, где великий эпос, обламывая медвежьими когтями, безуспешно пытался разогнуть ржавые прутья академической формы. Этот настораживающий опыт был драгоценно поучителен и доказал мне, что нельзя переводить «Слово», сковывая его заранее придуманным ритмом.

Перевод В. Сосноры был местами очарователен по своей свободе, хотя слишком фрагментарен, и усеченные мужские рифмы из арсенала двадцатых годов были чужеродными в стихии «Слова». Но зато моя собственная лихость помогла мне догадаться о точном смысле заколдованного слова «шерешеры», которое никак не мог расшифровать даже сам Лихачев. Свою догадку я проверил по этимологическому словарю Фасмера и с восторгом дилетанта-дикаря понял, что моя догадка подтвердилась!

Иные переводчики вообще не решались рифмовать перевод «Слова», считая его фактом прозы или боясь того, что «проклятая рифма толкает опять говорить совершенно не то» (Б. Пастернак).

Иные переводы были более исследовательскими, чем поэтическими, и этим были драгоценны, но теряли музыку, пронизывающую подлинник.

Музыкальный ключ к переводу я вдруг нашел в «Казни Степана Разина» – причем не столь в моих стихах, сколько в оратории Шостаковича на эти стихи. Но мне хотелось, чтобы «Слово» было современно не только по инструментовке, но и по смыслу. Конечно, наше понимание истории гораздо трагичнее, чем у князя Игоря и его дружины. Наш, непредставимый для них опыт, – это и две мировые войны, и затяжная холодная война, и угроза третьей мировой, и множество так называемых локальных войн, и Хиросима, и ГУЛАГ, и сегодняшний кошмар камикадзевого и биологического терроризма. Но разрушительная неоправдываемая суть войн остается той же самой во все времена, ибо любая война основана на обоюдном разрушении и обоюдном убийстве. Марксизм делит войны на справедливые и несправедливые. Но кто определяет меру этой справедливости? Война против захватчиков, конечно, нравственно оправдана, но, к сожалению, слепая животная мстительность может привести к новым несправедливостям, совершаемым во имя справедливости. Слишком многие люди, несмотря на то что война началась не по их недоброй воле, бывают наказаны смертью за чужие преступления. Именно это происходило в Боснии, в Косове, и продолжается происходить в Чечне, где гибнут и русские, ни в чем не повинные молоденькие солдаты, и ни в чем не повинные мирные чеченские жители. После чудовищной атаки фанатиков ислама на небоскребы Нью-Йорка 11 сентября 2001 года немедленный отпор терроризму был необходим. Но из-за технических просчетов, из-за неточности самых точных убивательных машин в Афганистане погибло много людей, которые вовсе не были террористами. Такова природа войн. Даже во время, может быть, самой справедливой за всю историю войны – войны с фашизмом – наша артиллерия тоже была по своим. Не жестоких войн не бывает.

Об этом когда-то и написал автор «Слова о полку Игореве» – первый русский классик, чье имя нам до сих пор неизвестно. Примерно восемь веков назад, на живом материале, тогда еще обжигавшем руки, как неостывшие угли пожарищ, автор создал вечное, то есть навсегда современное произведение.

Я старался сохранить всё лучшее в «Слове», отсекая лишь архаизмы, хотя в некоторых случаях я

их восторженно сохранял, включая в текст моего «переклада». Это слово, в случае моего подхода, гораздо точней, чем «перевод». Я чуть-чуть изменил даже название и не могу объяснить почему: просто-напросто оно именно так естественно уложилось в мой «переклад», который начал жить по своим законам. Приходилось обходить «темные места», не просветленные даже такими блестящими знатоками, как порой совсем не сходящиеся во взглядах на «Слово» Д. Лихачев, Б. Рыбаков, М. Гаспаров. Из этих трех китов «словистики» мне ближе всех Рыбаков. Но я, благодарный им, тоже начал «не сходить» с ними и настолько проникся духом «Слова», что самостоятельно стал жить в том времени, что-то домысливать, о чем-то догадываться, что-то рискованно предполагать и дописывать. Не включая воображения, можно делать только мертвый подстрочник. А моя главная задача, как я уже говорил, была музыкальная, а не лингвистическая. Я безбоязненно сокращал всё то, что утяжеляло текст, отнимало у него летучесть – географические названия, необязательное перечисление имен, повторения, громоздкие неуклюжести, свойственные тогдашнему русскому языку, но чуждые сегодняшнему. Я перекладывал не древнеславянский на современный русский, а древнеславянский на звучащую во мне внутреннюю музыку. Я подчинился именно музыке, и она сама подсказывала мне порядок слов, диктуето удлинение, то укорачивание ритма. Хотя почти было доказано, что «растекаться мыслью по древу» на самом деле означает «растекаться белкой по древу», я все-таки оставил эту, ставшую русским национальным афоризмом очаровательную ошибку. «Под трубами повиты», что означает «спеленуты», было бы непонятно почти всем сегодняшним читателям. Пришлось вставлять «как повитухи, битвы нас кутали в молитвы», чтобы спасти понятность образа. Я дописал целый кусок о поле, перегороженном щитами, где еще до начала боя под сапогами и копытами первыми гибнут цветы. Метафора распространяется и на детей, и женщин, которые всегда бывают безвинными жертвами нашествий и войн: «Но цветы на поле брани гибнут первыми всегда». Я попытался разрубить запутанный узел споров о том, что такое Кара и Жля, приняв сторону Олжаса Сулейменова, когда-то утверждавшего, что эти два слова произошли от тюркского «Кара Жлян» – черный змей. Я расширил монолог «восплакавших жен», которые в списке Мусина-Пушкина (XV–XVI в.) вслед за страхом потерять своих «милых» равноплачно выражают страх потерять будущие золотые безделушки. Я, хоть убейте, никак не могу поверить в то, что так было и в самом первом списке, потому что любящие женщины во все времена не могут ставить знак равенства между их любимыми и безделушками. Я уверен, что здесь была ошибка переписчиков. Я превратил в «развернутую метафору» описание сокровищ князя Игоря, оставшихся после битвы на дне реки. Описывая израненного молодого князя Владимира, я вышел на невольню родившийся в лоне подлинника собирательный образ русских людей: «Себе самим не судьи, мы раны, а не люди». Этого не было в тексте, но это исходило из него, мерцало между строк. Есть и другие «вольности», но все они вдохновлены волшебной втягива-

ющей, пенящейся заколдованной воронкой оригинала, а не моим желанием покрасоваться, ничтоже сумняшеся, что я талантливей автора «Слова». Я никогда не осмелюсь подумать, что это окончательный перевод, и уверен, что, пока жив русский язык, будут еще многие и, надеюсь, гораздо лучшие. Самым трудным для меня был финал. Он показался мне слишком бравурно скороговорочным, слишком прославителем, совершенно не соответствующим многим справедливым упрекам князю Игорю и другим князьям в «злате слове Святослава». Ведь все-таки дружина погибла, и далеко не сразу князь Игорь решился на побег из плена. Инстинкт, немаловажный при переводе, подсказывал мне, что в финале когда-то должно было быть нечто другое, реквиемное, возвращающее нас к предыдущим страницам. Не только я, а и некоторые профессиональные исследователи считают, что финал был переписан гораздо позднее двенадцатого века и, может быть, в угоду тогдашнему «княжескому соцреализму», был предназначен для услаждения слуха князей на каком-то торжественном пиру. В нынешнем финале очень уж удивляет отсутствие горестных мыслей после такого сокрушительного поражения князя Игоря. Мысль, что это поражение было наказанием за непослушание Божьему знаменю, исчезла, подмененная немотивированным славословием. Я стал искать выход – опять-таки не умственный, а чисто музыкальный. Этого требовал симфонизм самого «Слова». Я ощущал в финале некую вопиющую пустоту и готов был поклясться, что пустота эта не изначальная, а поздняя, привнесенная. Я стал думать – что же здесь могло быть когда-то, на месте сегодняшних пустот, чтобы уравновесить все восторженные восклицания и победно грохочущие колокола? И вдруг мне показалось, что я нашел разгадку. Чаще всего в «Слове» повторяется реквиемная тема «костей», которыми засеяно поле битвы. Когда такой рефрен звучит на протяжении всей симфонии, по всем музыкальным законам он обязательно должен возникнуть и в финале. Тогда я и осмелился после каждого прославления князей как бы осторожно касаться пальцами клавишей, чтобы траурными сдержанными звуками предупредить ликование о том, что оно не должно превращаться в забвение мертвых...

Меня мучило то, что, может быть, никто не поймет почему я решился на такую «вольность», да еще и в финале, как вдруг я получил письмо от лично мне незнакомого ученого Института мировой литературы Виктора Кожевникова, который так охарактеризовал свою концепцию «Слова»: «Это поэма о трагическом походе князя Игоря, который в погоне за славой, искушаемый страстью, не внял знаменю Божьему, явленному в виде солнечного затмения, преграждающего ему путь, повел в Поле свои полки и погубил их, сам попал в плен, но бежал из него. Игорь приходит в храм, чтобы покаяться и помолиться о погубленной дружине. Игорь возвращается в отчий дом, как блудный сын, много прегрешивший. Автор (христианин) радуется его возвращению, поет ему славу, но и напоминает ему о гибели дружины».

Прочитав это письмо, я счастливо почувствовал, что после всех попыток в течение многих веков

покрыть лаком «бюрократического патриотизма» эту великую трагедию, превратив ее в поддельную палехскую шкатулку, «Слово о полку Игоревом» всегда найдет на Руси тех людей, кто услышит в шелесте страниц голоса погибших предков, которых мы не имеем права забывать. Лишь наше незабвение погибших может спасти от их участи живых.

Из 29 частей предлагаю Вашему вниманию отрывок с 25 по 29 часть.

25

В Путивле плачет Ярославна
одна на крепостной стене
о всех, кто пал давно, недавно,
и о тебе, и обо мне.

По-вдови кличет, чайкой кычет:
«Дунайской дочкой я взлечу,
рукав с бобровой оторочкой
в реке Каяле омочу.

Не упаду в полете наземь,
спускаясь к мужу своему,
и на любимом теле князя
крылами нежно кровь зажму».

В Путивле плачет Ярославна
оплакивая, как во сне,
со славой павших и бесславно,
но на одной для всех войне.

«О, господин ветрило, ветре,
зачем ты веешь вперекор?
Ты лучше слезы мои вытри,
а стрелами не бей в упор.

Тебе прийти бы, ветре, в разум,
наполнив парус кораблю.
Пошто мою любовь и радость
развеял ты по ковылю?»

В Путивле плачет Ярославна
одна на крепостной стене:
«Ты, Днепр Словутич своенравный,
пробился в горной крутизне.

Ты на себе лелеял чаек
и Святославы лады.
Спаси любимого, качая,
и, словно я, его люби!»

В Путивле плачет Ярославна
одна на крепостной стене:
«О, солнце, ты ни с кем не равно.
Согрей всех в мире, кто одне.

Но пожалей тех, кто на муки
в твоих лучах обречены,
расслабило им жаждой луки,
заткнуло горем колчаны.

Ты не убей жестоким зноем
в безводье воинов Руси.

Любимых тенью мы прикроем –
мы их спасем, и ты спаси!»

В Путивле плачет Ярославна,
одна на крепостной стене,
и слезы, опускаясь плавно,
сквозь волны светятся на дне...

26

Море вздыбилось по-вражьи.
Пена, как ведьмачья пряжа.
Вихри тучами идут.
С неба глас: «Ты слышишь, княже?
Собирайся. Дома ждут...
Ждет земля твоя родная.
Ждет отеческий престол.
Столько крыш чужих меняя,
разве ты свою нашел?»

Зори вечером погасли.
Игорь спит или не спит?
Не о славе и богатстве –
он о Киеве скорбит.
Поражение в победу
превратится, как в бою,
если Бог зовет к побегу
из чужой страны – в свою.
Князь от склона и до склона
мыслью мерит без конца
степь от медленного Дона
и до малого Донца.

Это бегство –
дело чести.
С ним бежать решился вместе
верный половец Овлур.
Верный?

А не чересчур?
Что за мысли –
чур, чур, чур!
Но Овлур коня за рекой
высвистнул
и дорогу
рукой

высветлил.
И чтоб князь не попался в сети,
он велел ему уразумети,
что нельзя ему быть
князем Игорем,
пока дело с побегом не выгорит.
Но не сделаться чьей-то добычей
можно,
только меняя обличие.

Князь припал к земле,
к ее лику,
кликнул.
Конь тряхнул уздой,
звеня.
Стукнула земля.
Шелестнула трава
зелены слова.
Половецкие шатры, как живые,
заодно и костры сторожевые
трепыхнулись

так, что даже часовые чертыхнулись,
но по-своему.
Воин – воину
глаз не выключает,
как ворон ворону.

А князь Игорь горностаем
скаканул
в тростники,
в незнакомый мех врасая
у трепещущей реки.
Белым гоголем – на воду
сел,
храня свою свободу.

На коня борзого вспрыгнул,
серым волком спину выгнул.
Соскочил он у Донца –
сразу шерсть сошла с лица.
Соколом под облаками
взвился над березняками,
лебедем задраным
у реки позавтракал,
а на ужин –
жирный гусь. Разве нищенствует Русь?
В хвост пристроясь
князю-оборотню с толком,
переимчивый Овлур
стал тоже волком
и с кустов хвостом в лесу
отряхал студеную росу.

27

Помолчал Донец,
но сказал наконец;
«Князь,
ты волком раньше вроде не прыгал.
Разве мало тебе славы,
князь Игорь?
Разве мало Кончаку нелюбия,
душегубия?
Разве мало нашей Русской земле
невеселого веселья,
но всегда навеселе?»

И Донцу ответил Игорь так:
«О, Донче!
Твои брызги
разлетались раньше звонче.
Было мало счастья разве –
на волнах лелеять князя,
расстилая мураву в его ногах
на серебряных твоих берегах?
Ты окутывал теплыми туманами
его тело,
истерзанное ранами.
Окружали его вместо лживой челяди
твои реющие чайки и черняди.
Не такая, говорят, река Стugna.
Нет и летом в ней тепла –
только студно.
В ней недобрая струя,
как в притоне, отравляла все ручьи и притоки,
и на дне

ее мутная отравя скрыла юношу –
князя Ростислава.
Плачет мать безутешная о юноше,
вместе с ивами, с цветами пригорюнившись».
И хотел еще сказать князь Игорь что-то,
но взаправдашние волки у болота
показались.
Шла за Игорем охота.

28

А вороны и сороки,
как болтливые пророки,
прикусили в черных клювах языки.
Скользко ползали полозы –
лишь визжали в седлах половцы,
как лошадки их мохнатые, дики.
А на пахнущем добычей выгоне
рыщут Гзак с Кончаком по следу Игоря.
Говорит Гзак
Кончаку так:
«Упустить такую птицу –
стыд.
Если сокол ко гнезду летит,
расстреляем соколенка,
тетиву не оттягивая звонко.
Приземлим его стрелами злачеными,
из других сердец когда-то извлеченными.
Одним сердцем больше –
для стрелы быть не может лучшей похвалы».
Ну а Гзаку говорит Кончак так:
«Если сокол ко гнезду летит
и не будет стрелами убит,
соколенка не опутать ли косою
красной девицы?
Никуда тогда и сокол не денется».
И ответил Кончаку Гзак
с ядовитой усмешкой в глазах:
«Если так, любезный хан,
дело сделается,
то не будет у нас ни красной девицы
и ни соколенка,
ни сокола,
лишь крапива до осока высокая.
Что достанется еще?
Воронья ласковость.
Будут вороны на клочья нас растаскивать
и воробышки поля Половецкого
доклюют нас
без чирикания льстецкого...»
Ну а где же ты,
князь Игорь,
в этот час?
Сиротеет Русь без каждого из нас.
И говаривали так Боян,
Ходына –
песнетворцы,
отцы русской речи:
«Плечи голове необходимы,
но без головы слабеют плечи».
Возвращайся, князь!
Цветет ромашка и простит,
коли была промашка.
Лишь бы тебя, Игорь, не убили!
Без Руси нам на чужбине тяжело,
и Руси – без тех, кто на чужбине.

29

Что за солнце тресветлое на небе!
 Так не светит никто,
 если наняли.
 О красавицы-девицы
 от Дуная до Киева,
 как поете вы,
 сами не зная, какие вы!
 И в совсем не скрипящем –
 поющем седле
 снова едет князь Игорь
 по Русской земле.
 Он спускается
 к Днепру
 по Боричеву,
 к Богородице Святой Пирогощей,
 обещает граду Киеву беречь
 его, с каждым садом обнимаясь,
 с каждой рощей.
 Грады –
 рады.
 Рады мазанки –
 даже самые масенькие.
 Звонницы
 хоть ночами готовы звонить
 от счастливой бессонницы!
 И на спуске под всхлипы
 лепечут все липы
 празднующей листвой:
 «Живой!
 Живой!»
 В землю мы не зароем,
 а песням навек отдадим
 славу старым героям
 и молодым!
 (А все косточки,
 добела вымытые,
 из людей убиенных вынутые,
 долго стуком переаукивались,
 перекатывались,
 перестукивались.)

Так поставим всем павшим не за упокой,
 а во здравье свечу...
 Слава Игорю Святославичу!
 (А все косточки –
 взрослые,
 детские,
 то ли русские,
 то ль половецкие –
 то и дело хрустят под плугом,
 но давно не воюют друг с другом.)
 Трус – тот, кто прожил,
 хоть раз не бунтуя,
 а смиренно идя в поводу.
 Слава Буй Туру Всеволоду!
 (Черное солнце вам было как знаменье:
 дальше – могила.
 Но позабыли вы о наказании.
 Слава затменье затмила.
 Войны да войны...
 Когда это кончится? Что вы подскажите,
 косточки,
 косточки?)
 Тот настоящий наследник отца,
 кто отцовскому верен мечу.
 Слава Владимиру Игоревичу!
 (Косточки временем выбелены,
 только вот боли не выболены...)
 Слава всем вам, князья и дружина!
 Поясно вам поклонюсь.
 Вы христиан защищали двужильно.
 Тот, кто не трус, – тот и Русь!
 (Косточки вымытые некрещенные,
 Господом нашим вы тоже прощенные...)
 Память о неуступавших, но павших,
 добрый Господь, не отринь.
 Аминь.

Перевод начат в сентябре 2000 года. Вчерне закончен 31 декабря 2001. Завершен 2 января 2002 года.

Евгений Евтушенко сегодня остаётся для нас тем же, каким его когда-то мы узнали, полюбили и продолжаем любить.

ПРИСВОЕНО ИМЯ ПОЭТА

В начале 2019 года городской библиотеке №4 присвоено имя одного из самых ярких поэтов XX века – Евгения Евтушенко.

Евгений Евтушенко (1932 – 2017) дважды побывал в Ульяновске. В 1973 году известный столичный поэт произвел фурор в молодежной среде города и своими стихами, и непривычно свободной манерой поведения, и экзотическими заграничными нарядами. Еще раз Е. Евтушенко приехал в Ульяновск в 2015 году, когда отмечался Год литературы. Многим памятен этот приезд поэта.

В апреле 2017 года Евгения Евтушенко не стало. В тот же год выставку его фотографий под названием «Людей неинтересных в мире нет» привезла в Ульяновск вдова поэта Мария Евтушенко. Именно тогда, в Ульяновском музее изобразительного искусства XX–XXI веков, была впервые озвучена идея присвоения одной из городских библиотек имени Евгения Евтушенко.

Тогда, в 2017 году, удалось побеседовать с вдовой поэта Марией Евтушенко.

– Мария Владимировна, в нашем городе в начале 2019 года планируется присвоить одной из библиотек имя Евгения Александровича Евтушенко.

– Спасибо, что вы это делаете. Потому что это то, что хотел видеть сам Евгений Александрович, поскольку он был не только поэтом, но и просветителем. Он видел свою функцию именно в этом.

– Ульяновск станет вторым городом России, в котором будет библиотека имени Е. Евтушенко. Что связывает Вас с Ульяновском, как Вы относитесь к нашему городу?

– Мне очень понравился Ульяновск. С этим городом у меня связаны личные воспоминания. Одна из моих бабушек, мама моего отца, жила в Засвияжье в частном доме. Меня привозили в Ульяновск сначала маленьким ребёнком, а затем уже и подростком. Мую бабушку звали Новикова Антонина Леонтьевна. К сожалению, она давно умерла.

– Какие ценности должна транслировать именная библиотека?

– Евгений Александрович очень часто говорил, что России не нужно искать национальную идею, она есть. Это русская литература и, в частности, русская поэзия. Хотелось, чтобы именно это было отражено в работе библиотеки, чтобы библиотека была местом, где люди не только могли взять книгу и почитать ее, но и местом, куда могут прийти молодые поэты, почитать свои стихи, провести мастер-класс, местом встреч литературных объединений. Хотелось бы, чтобы это было живое место. Выставки местных художников, фотографов были бы также уместны.

– Какой Вы хотели бы видеть библиотеку имени Евгения Евтушенко?

– Хороший вопрос. Много-много книг везде, это

Фото Дмитрия Потапова

во-первых. Ну и, конечно, для молодежи – современные компьютеры, мультимедийные технологии, а также условия для создания творческих проектов. Чтобы было много солнца, много людей и чтобы библиотека не была скучным местом.

В библиотеке создана экспозиция, посвященная Е. Евтушенко. Современный дизайн интерьера, выставочное пространство с

предметным наполнением из эпохи 60-х годов XX века: мебель и книги, графические и живописные работы, поэтические автографы, распечатанные цитаты и факсимиле, кадры из фильмов. Образ поэта Евгения Евтушенко и образ эпохи шестидесятников – всё это можно увидеть в обновленной библиотеке.

Мы также продемонстрировали Марии Владимировне дизайн-макет читального зала библиотеки Евтушенко и попросили ее прокомментировать.

– Очень хорошее оформление, лаконичное, молодое, задорное. Оно очень похоже на состояние Евгения Александровича. Эта красная энергия на граффити – замечательно! Мне очень понравился проект, спасибо всем, кто над ним работал. Динамичный, современный, в духе Евтушенко. А автограф, выполненный красным цветом, – в точку! Евгений Александрович не любил подписывать книги черным цветом. Красным, синим, зеленым, любым, но не черным.

– Мы очень надеемся, что Вы посетите наш город и будете желанным гостем библиотеки №4.

– Обязательно. Может быть, летом 2019 года.

Беседовала Антонина Авакян.

Об обновлении библиотеки рассказала дизайнер Вера Малкович.

– Это не обычная выставка и не обычный литературный музей. Стремление уйти от шаблонов, раскрыть личность Поэта с разных сторон, сделать актуальным, в том числе для совсем юных посетителей и читателей библиотеки, – цель создания музея-выставки. Экспозиция и интерьер, частью которого она является, должны стать своеобразной и активной творческой лабораторией, ориентированной на самый широкий круг читателей. Одним из средств решения задачи привлечения молодежной аудитории в библиотеку могут стать художественные приемы, в частности, граффити, – прием, своей яркостью и нестандартностью созвучный личности и творчеству Евтушенко. (Эту идею воплотил молодой художник Данила Лапшин.) Экспозиция в двух больших витринах представляет Поэта на фоне эпохальных событий второй половины XX века и первых двух десятилетий XXI века.

Обновленная библиотека открыта для читателей! Имя Евгения Евтушенко запечатлено на культурной карте города.

Дмитрий Воденников в библиотеке им. Е. Евтушенко.
Ульяновск, январь 2019. Фото Дмитрия Потапова

Торжественное присвоение имени Евтушенко городской библиотеке №4 состоялось при участии большого количества гостей: читателей, краеведов, преподавателей, культурной общественности.

Почетным гостем церемонии стал известный поэт, эссеист, автор литературных радиопрограмм «Поэтический минимум» Дмитрий Воденников (Москва).

Вот уже более двадцати лет Д. Воденников остается одним из самых непредсказуемых авторов, чья поэзия способна удивлять и приводить в восхищение. Сам автор говорит о себе так: «Я не занимаюсь творчеством. Я жду стихов, потом их пишу. Все остальное время я занимаюсь тем, что испытываю жизнь».

Дмитрий ВОДЕННИКОВ

ТРАМВАЙ

* * *

*Не страсть страшна, небытие – кошмар.
Мне стыдно, Айзенберг, самим собою быть.
Вот эту кофту мне подельник постирал,
а мог бы тоже, между прочим, жить.*

Я быть собою больше не могу:
отдай мне этот воробьиный рай,
трамвай в Сокольниках, мой детский ад отдай
(а если не отдашь – то украду).

Я сам – где одуванчики присели,
где школьники меня хотят убить –
учитывая эту зелень, зелень,
я столько раз был лучше и честнее,
а столько раз счастливей мог бы быть.

Но вот теперь – за май и шарик голубой,
что крутится, вертится, словно больной,
за эту роскошную, пыльную, свежую пыль,
за то, что я никого не любил,
за то, что баб Тату и маму топчу –
я никому ничего не прощу.

Я всё наврал – я только хуже был,
и то, что шариком игрался голубым,
и парк Сокольники, и Язуз мою,

которую боюсь, а не люблю, –
не пощади и мне не отдавай
(весь этот воробьиный, страшный рай).
Но пощади – кого-нибудь из них,
таких доверчивых, желанных, заводных.
Но, видишь ли, взамен такой растрате
я мало что могу тебе отдати.

Не дай взамен – жить в сумасшедшем доме,
не напиши тюрьмы мне на ладони.
Я очень славы и любви хочу.
Так пусть не будет славы и любви,
а только одуванчики в крови.

О Господи, когда ж я отцвету,
когда я в свитере взбесившемся увяну –
так неужель и впрямь я лучше стану,
как воробей, смирившийся в грозу?
Но если кто-нибудь всю эту ложь разрушит,
и жизнь ползет, как она была
(как ночью лезут перья из подушек),
каким же легким и дырявым стану я,
каким раздавленным, огромным, безоружным.

1996

* * *

*Евгению Ш., Соколову, Кукулину
и другим моим друзьям*

Куда ты, Жень, она же нас глотает,
как леденцы, но ей нельзя наестся.
(Гляди, любовниками станем в животе.)
Так много стало у меня пупков и сердца,
что, как цветочками, я сыплюсь в темноте.

Я так умею воздухом дышать,
как уж никто из них дышать не может.
Ты это прочитай, как водится, прохожий,
у самого себя на шарфе прочитай.
Когда ж меня в моем пальто положат –
вот будет рай, подкладочный мой рай.

Я не хочу, чтоб от меня осталось
каких-то триста грамм весенней пыли.
Так для чего друзья меня хвалили,
а улица Стромышкой называлась?

Из-за того, что сам их пылью мог дышать,
а после на ходу сырые цапки рвать –
ботинкам розовым и тем со мною тесно.
Я бил, я лгал, я сам себя любил
(с детсада жил в крови ужасный синий пыл),
но даже здесь мне больше нету места.
Я не хочу в Сокольниках лежать.
Где пустоцветное мое гуляет детство,
меня, как воробья в слюде, не отыскать.

Но вот когда и впрямь я обветшаю –
искусанный, цветной, – то кто же, кто же
посмеет быть, кем был и смею я?
За этот ад – матерчатый, подкожный, –
хоть кто-нибудь из вас – прости, прости меня.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

*Не может быть, чтоб ты такой была:
лгала, жила, под топодем ходила,
весь сахар съела, папу не любила
(теперь и как зовут меня, забыла),
зато, как молодая, умерла.*

*Но если вдруг – все про меня узнала?
(Хотя чего там – углядеть в могиле –
да и вообще: всё про могилы лгут,
то, что в пальто, не может сыпать пылью,
ботинки ноги мертвому не жмут).*

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов –
когда мы все когда-нибудь умрем,
давайте соберемся и поедем,
мои товарищи, ужасные соседи
(но только если всех туда возьмем) –
в трамвайчике веселом, голубом.

Сперва помедленней, потом быстрее, быстрее
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) –
и мимо школы, булочной, детсада –
трамвай, которого мне очень надо –
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее
(но зелень пусть бежит еще быстрее,
она от туч сиреневых в цвету,
она от жалости еще темнее) –
и мимо праздника, и мимо Холидэя
(теперь о нем и думать не могу)
летит трамвай, свалившийся во тьму.

Хотя б меня спаси, я лучше быть хочу
(но почему я так не закричу?),
а впереди – уже Преображенка.
Я жить смогу, я смерти не терплю,
зачем же мне лететь в цветную тьму
с товарищами разного оттенка,
которых я не знал и не люблю?
Но мимо магазина, мимо центра
летит трамвай, вспорхнувший в пустоту.

Так неужель и ты такой была:
звала меня и трусостью поила,
всех предавала, всех подруг сгубила,
но, как и я, краснея, умерла.

Но если так, но если может быть
(а так со мной не могут пошутить),
моих любовников обратно мне верни
(они игрушечные, но они мои, мои!)
и через зелень, пыльную опять
(раз этих книжек мне не написать), –
с ВДНХ – подбрось над головой –
трамвай мой страшный, красный, голубой...

Май, конец июля – 2-е августа 1996

ТРАМВАЙ

* * *

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов –
когда мы все когда-нибудь умрем –
мы это не узнаем, не поймем
(ведь умирать так стыдно, так обидно),
зато, как зайчики, ужасные соседи,
мы на трамвае золотом поедem.

Сперва помедленней, потом быстрее, быстрее
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) –
и мимо школы, булочной, детсада –
трамвай, которого мне очень надо –
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее,
а он, как спичка, чиркнув на мосту,
несется, заведенный в пустоту
(куда и заглянуть теперь не смею),
с конфеткой красной, потной на борту.

Но вот еще, что я еще хочу
(хоть это никогда не закричу) –
а позади уже бежит Стромынка:
обидно мне, что, падая во тьму,
я ничего с собою не возьму –
ни синяка, ни сдобы, ни ботинка,
ни Знаменку, ни рынок, ни Москву.

А я люблю Москву – и вот, шадабиду,
я прямо с Пушки в небеса уйду,
с ВДНХ помашет мне Масловский.
Но мой трамвай, он выше всех летит,
а мне всё жаль товарищей моих,
и воробьих, и воробьев московских.

Ах, если бы и мне ты тоже мог бы дать
на час – музеи все, все шарики отдать,
все праздники, всех белых медведей –
всё, что бывает у других людей
и что в один стишок не затолкать
(ведь даже мне всей правды не сказать), –

тогда, ах если бы (иначе я боюсь),
тогда Барановым и Долиным клянусь:
что без музейев (из последних сил
я в них всегда, как сирота, ходил),
без этих шариков, которые всегда
от нас не улетали никуда –
без них без всех – я упаду во тьму
и никого с собой – не утяну.

Конец июля – 20 октября 1996

Даниле Давыдову

Мне стыдно оттого, что я родился
кричащий, красный, с ужасом – в крови.
Но так меня родители любили,
так вдоволь молоком меня кормили,
и так я этим молоком напился,
что нету мне ни смерти, ни любви.

С тех самых пор мне стало жить легко
(как только теплое я выпил молоко),
ведь ничего со мною не бывает:
другие носят длинные пальто
(мое несбывшееся, легкое мое),
совсем другие в классики играют,
совсем других лелеют и крадут
и даже в землю стылую кладут.

Все это так, но мне немножко жаль,
что не даны мне счастье и печаль,
но если мне удача выпадает,
и с самого утра летит крупа,
и молоко, кипит или звенит,
во мне, морозное и свежее, играет –
тогда мне нравится, что старость наступает,
хоть нет ни старости, ни страсти для меня.

* * *

Когда бы я как Тютчев жил на свете
и был бы гениальней всех и злей –
о! как бы я летел, держа в кармане
Стромынку, Винстон, кукиш и репей.

О, как бы я берег своих последних
друзей, врагов, старушек, мертвцов
(они б с чужими разными глазами
лежали бы плашмя в моем кармане),
дома, трамваи, тушки воробьев.

А если б все они мне надоели,
я б вывернул карманы, и тогда
они б вертелись в воздухе, летели:
все книжки, все варьянты стихворений,
которые родиться не успели
(но даже их не пожалею я).

Но почему ж тогда себя так жалко-жалко
и стыдно, что при всех, средь бела дня,
однажды над Стромынкой и над парком,
как воробья, репейник и скакалку,
Ты из кармана вытряхнешь – меня.

«АФГАНИСТАН ГОРИТ В МОЕЙ ДУШЕ, ОН МНЕ НАПАЛМОМ СЕРДЦЕ ВЫЖИГАЕТ...»

Стихи ульяновских поэтов об Афганской войне

30 лет назад, в феврале 1989 года, Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. Так завершилась эта непопулярная в народе десятилетняя война. Помню, как в декабре 1979 года в газетах вдруг объявили, что ограниченный контингент советских войск введён в Афганистан по просьбе правительства этой страны. Я работал тогда инженером-конструктором на заводе «Контактор», и уже через несколько дней в наш отдел пришёл с лекцией офицер местного военного училища. Он подробно рассказал о сложившейся международной обстановке и сложностях взаимоотношений со странами Запада. В качестве основной причины для экстренного ввода войск офицер назвал намерение США в ближайшие полгода начать размещение ракет на афганском хребте Гиндукуш, откуда значительная часть нашей страны оказалась бы под прицелом. Не знаю, была ли такая опасность на самом деле, но этот аргумент очень сильно тогда на меня подействовал и устранил все сомнения в правильности решения руководства СССР...

Но уже скоро начали проявляться отрицательные приметы этой войны. Возвращались раненые солдаты, которых начали называть «афганцами».

Матерям приносили из военкоматов похоронки, и в обиходный язык быстро вошло страшное словосочетание «груз 200». Принятые для вернувшихся «афганцев» льготы бывшим солдатам приходилось выбивать с боем, и в среде чиновников родилась циничная фраза: «Я тебя туда не посылал!». Появились и первые поэтические отклики об Афганской войне. Их или привозили из Афганистана сами участники боевых действий, или писали местные поэты, когда узнавали вдруг о судьбах знакомых им «афганцев». Но в прессе на эту тему было негласное табу, в газетах даже слово «война» по отношению к событиям в Афганистане не употреблялось, это было исключительно «исполнение интернационального долга». В стихах же и песнях мысли и образы звучали обнажённо, поэтому существовавшая тогда цензура такую поэзию не пропускала.

Моё стихотворение об Афганистане родилось в 1988 году, уже к концу войны. Увидел однажды, как идёт по городу на костылях молодой солдат, и строки сами собой сложились. А мой друг Сергей Лямин тут же написал на них музыку и исполнял эту пронзительную песню на своих концертах. Второе стихотворение появилось в середине 1990-х, оно – о знакомом мне «афганце», который после возвращения с войны так и не стал прежним. Много пил, бредил боями с душманами, плакал о погибших друзьях, устраивал пьяные дебоши, в результате жена с тремя детьми уехала от него... Это стали называть «афганским синдромом», от которого пострадало немало участников войны. А цензуру в начале 1990-х отменили, и острые стихи об Афгане наконец начали печатать местные газеты и журналы.

В предлагаемой поэтической подборке собрана, конечно же, лишь часть произведений, написанных нашими земляками на эту тему. Всего 16 ныне живущих поэтов, как профессиональных, так и самодеятельных. Размещены авторы в хронологическом порядке, по дате рождения. Открывает подборку ветеран ульяновской журналистики и литературы,

лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова Жан Миндубаев, а завершает её димитровградская поэтесса, дипломант конкурса «Филантроп» Марина Панкратова. Есть среди авторов и непосредственные участники Афганской войны – Дмитрий Мищенко и Сергей Порхаев, оба они тоже живут в Димитровграде. А строки Дмитрия Мищенко дали название всей поэтической подборке: «Афганистан горит в моей душе, он мне напалмом сердце выжигает...».

Наиболее проникновенно и ярко пишут об афганских событиях и судьбах члены Союза писателей России – Александра Белова, Александр Лайков, Татьяна Эйхман... Особо звучит эта тема в поэзии Светланы Матлиной, афганские стихи и поэмы она публиковала в своих сборниках, начиная с 1990 года. По количеству литераторов в подборке лидирует Ульяновск (здесь проживает 6 представленных авторов, из которых ещё не упоминались Анатолий Минаров и Любовь Рассошных) и Димитровград (тоже 6 авторов, в т. ч. Александра Белова, Юрий Шерстнёв и Алевтина Зайцева). Но география проживания авторов поэтической «афганианы» не замыкается Ульяновском и Димитровградом: Галия Пронина живёт в Павловке, Татьяна Эйхман – в Карсуне, Константин Еланцев – в Базарном Сызгане, а Галина Беспалова и вовсе в Москве.

Представленные стихи ульяновских поэтов смогут рассказать читателям, возможно, даже больше, чем сухие сводки боевых сражений и биографии солдат той уже почти забытой войны. «Афганцы» жили и продолжают жить рядом с нами. Воспеть их ратный и духовный подвиг, оставить поэтические строки о страданиях матерей и нелёгких судьбах солдат после войны – это самое малое, что мы можем сделать для сохранения памяти о наших героях-земляках.

*Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед.*

Жан МИНДУБАЕВ

Родился в 1934 году в городе Спаске Татарской АССР (ныне г. Болгар), живёт в Ульяновске. Автор около десятка книг, в т. ч. сборников стихов «Перевал», «Утренний лист», «Звуки времени». Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2016). Член Союза русских писателей. Заслуженный работник средств массовой информации Ульяновской области.

ЛИЦО ВОЙНЫ

«У войны не женское лицо...»

Среди мрачных гор афганской ночи
Небо вдруг сжимается в кольцо –
И на землю отпустить не хочет.

«У войны не женское лицо...»

Был ли голос – юный, нежный, дивный?
Дом, невеста, сад – и в сад крыльцо?
Паренёк вихрастый – допризывник?

«У войны не женское лицо...»

Нет в бою ни грусти, ни печали –
Здесь лишь злость, пропахшая свинцом...
Здесь навек сошлись конец с началом...

«У войны не женское лицо...»

Вспомнит мать единственного сына.
Горький дым запахнет чабрецом...
Родина... Приказ... Судьба... Святыня.

БОЙ ЗА ВЫСОТКУ N...

Смотрели все хмуро –
Но пахло отвагой.
Вперёд, десантура!
Вперёд! Вспять – ни шага!

Забуть о подружках!
Но помнить о долге!
Приказ: «По вертушкам!»
И сборы недолги.

Ну что нам душманы,
Их мрачные склепы?
Их много в урманах...
Бояться? Нелепо!

Высотка. И темень.
Огонь шквальный, адский!
Но мы не изменим
Присяге солдатской!

Враг наглый. Не трусит.
Уже нас немного...
Эх, лебеди-гуси!
Но где же подмога?

Но зря, что ли, бабы
На свет нас рожали?
Иль стали мы слабы,
Чтоб нас окружали?

Нашлись у нас где-то
Могучие силы...
За нами – победа!
За нами – Россия!

Алевтина ЗАЙЦЕВА

Родилась в 1939 году, училась в Уфе. Живёт в Димитровграде, член городской писательской организации «Слово». Автор сборников стихов и прозы «Поэзия и музыка любви», «Не остудить былого», «Горизонталь». Стихи-посвящения опубликованы в «Книге Памяти детей-блокадников». Член Российского союза писателей.

МАТЬ

*Александре Степановне Кулаковой,
сын которой Валерий погиб
в 1984 году в Афганистане*

Призыв служить – не отрицали,
Беды не ждали, не гадали.
И гибли воины-славяне
В чужой стране Афганистане...
Сын вечно молод, мать седая.
Настигла весть её худая.
Убит... Смириться мать не может,
Тоска по сыну сердце гложет.
Его растила не для смерти,
Для долгой жизни круговерти.
Судьба решила всё иначе,
Мать день и ночь по сыну плачет.
Пролил он кровь в далёкой дали,
Вершины горные видали,
Как пал, сражённый на закате,
Со смертной дыркой на бушлате.
За сына молит мать, страдая,
Чтоб Бог помог достигнуть рая.
Сквозь ад пройдя, того достоин
Её кровинка, юный воин.
И ходит мать к могиле сына,
Рябиной клонится до тына,
Земли касаясь белой прядью,
Печаль несёт тяжёлой кладью.

ГРУЗ 200

Ворон зловеще кричал на дубу,
В цинковом сын возвратился гробу.
Горе несметное в доме родном,
Слёзы навечно прописаны в нём.

Груз 200 – в траурный «Чёрный тюльпан»,
Водки сто граммов – в гранёный стакан.
Сыну посмертно – Афгана медаль,
Родины орден. Знакомым – печаль.

Матери тропка – к могиле его,
К жившему парню всего ничего.
Боль по погибшему – в сердце огнём,
Смысл жизни матери – ПАМЯТЬ о нём.

Александра БЕЛОВА

Родилась в 1944 году в селе Никулино Красноярского края, живёт в городе Димитровграде. Автор книг стихов и прозы «Радужное окошко» (1995), «Боль и радость моя» (1996), «Клад» (2006), «Летом грядки и цветы, а зимой – санки» (2008), «Сквозь тучи прошлого столетия» (2010) и др. Член Союза писателей России (1998).

ПЕРЕВАЛ САЛАНГ

Подсчитаны ошибки и утраты,
в истории февраль, Афганистан.
Но в кадре снова юные солдаты
и символ жизни – перевал Саланг.
Мальчишечки. Обветренные лица.
Глаза темны от прожитых ночей.
Укрыть бы их, не дать судьбе глумиться...
Лишь ком глотаю горечи своей.
О, матери, найдут ли оправданье
вот этому другим временам?
Когда теперь умрёт в Афганистане
жестокая, никчёмная война?
А ваши кто подсчитывал потери?
За что страданья ваших сыновей?..
Хотелось бы в возмездие поверить
и, веруя, молиться за детей.

ГЕНЕРАЛУ, КОТОРЫЙ НЕ ПРЕДАВАЛ

Легко ли было, генерал,
знать, что другие предавали,
меня – за «баксы» – в плен сдавали...
Я знаю, ты не предавал.
Ты нас всегда от пуля берёг,
учил, как выходить из ада.
Я жив. Мне, бывшему солдату,
всё снится бой. А ты помог
мне сердце чистым сохранить
и выжить в этой грязной драке...
Зови, я вновь с тобой в атаке
пойду сраженьё завершить:
в войне, не нужной никому,
во всяком случае – солдату,
моей России необъятной
и генералу моему.

ВОИНАМ–АФГАНЦАМ

(На открытии памятника)

Ребята, не сжимайте кулаки.
Ведь чувство мести разрушает сердце
и не даёт получше оглядеться,
понять источник зла и кто враги.
Ребята, не сжимайте кулаки.
С душой открытой – Александр Невский,
Ослябя, Пересвет – чисты по-детски
их помыслы, от мести далеки.
А защитить Отечество смогли;
как вы, свой долг исправно выполняли,
любовь людей и Господа снискали,
а сердце в битве чистым пронесли.
Ребята, не сжимайте кулаки.

Анатолий МИНАРОВ

Родился в 1949 году в селе Будукан Облученского района Хабаровского края, живёт в Ульяновске. Публиковался в альманахе «Истоки», в коллективных сборниках «День волжской поэзии», «Ликующая муза», «Притяжение доброты», «Братний перегук», «Я с заводом ровесник», «Милая роца». Автор поэтического сборника «Родник желаний» (2004).

АФГАНЕЦ

Николаю Соловьёву

1
Он воевал в Афганистане
И выполнял любой приказ,
О чём твердить не перестанет,
Но и судить себя – не даст.

Друзей терял среди ущелий,
Коварных «духов» – не щадил:
Сражался он – для мирных целей,
Чтоб войн не видеть впереди...

2
Легка иная тема,
Но только не «Афган»...
Те, кто сражался – немые:
Что скажешь про обман?

Была война – ненужной,
Был нужен – полигон,
Чтоб испытать оружие...
За звёзды для погон...

Кого волнуют риски?
И гибнет молодёжь:
Могилы, обелиски –
По всей стране найдёшь...

Погибших скорбно вспомним
Мы всех – по именам,
Но кто печаль прогонит
Из глаз отцов и мам?..

ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ

Афганистан – не забывается,
Быть память трезвой – не пытается:
Лихие «братья по оружию»
Вели порой бои ненужные...

Всё можно сделать по приказу
И не задуматься ни разу.
Свои, армейские, законы –
О них твердят неугомонно...

«Тревожно было на Даманском,
Где, помню, выпало служить, –
Афганцу выдал я по-братски –
Солдатам – всем хотелось жить...»

Возможно, там, под Уссурийском,
И я мог голову сложить...
В любом краю есть обелиски:
«Солдатам – всем хотелось жить...»

Светлана МАТЛИНА

Родилась в 1952 году в селе Новая Малыкла Ульяновской области, живёт в Ульяновске. Автор около 60 книг стихов и прозы, в т.ч. «Славянские вязы» (1992), «Куколки ангелов» (1994), «Яблоки есенинского сада» (2001), «Глазами афганской медсестры» (2013). Лауреат премии имени И.А. Гончарова (2001) и поэтической премии имени Н.Н. Благова (2013, 2018). Член Союза писателей России.

СЧАСТЛИВЧИК

Забрили молодого, золочёного
Российским ветром – в огненный капкан.
Над головой сомкнулись воды чёрные
И повезли – в Афган, в Афган, в Афган.

Заплачет мать, все школьные подружки,
Что нет вестей, а твой братан убит,
Что пьют в домах из поминальных кружек,
Везут назад – гробы, гробы, гробы.

Какие парни – корень-парни были!
За что в плену пропали и в огне?
Заплачет он, что и его убили
На скрытой той войне, войне, войне.

Вернули с сединою, истолчённого
В железной ступе раненых годов,
Недоброй волей всей судьбой вкручённого
В кровавый вихрь боёв, боёв, боёв.

И расступались воды эти страшные,
И собирались все, кому не лень.
И за столом сидели новобрачные,
И всё цвела сирень, сирень, сирень!

БАЛЛАДА

О ВОЛОДЕ КАШИРОВЕ

«Хмарь, чужие хребты Афгана,
И до дембеля – десять дней...
БТР подорвался, мама!
Я в руках своих палачей.

Дембеля проезжали мимо,
А к тебе – беда на порог.
Ты ждала, только вместо сына
Получила запаянный гроб.

В это время в проклятом Панджшере
Искалеченный я лежал:
Низкий, каменный свод пещеры
И охранников злобный оскал.

Рисовал иностранный доктор
Для тебя на листке мой портрет...
От ударов закрыться не смог я –
Не рыдай же, что глаза нет.

И не раз сбежать я пытался –
Без ноги далеко не уйти.
Я надеждой живу, я не сдался,
Отыщи меня, чтоб спасти!»

В чёрном траурном полушалке,
Сердце – выгоревший пожар –
Мать ходила гадать к гадалке –
Карты выпали на удар.

«Видишь, встало большое горе
Над его несчастной судьбой?»
Заходило сердце, как море:
Он живой, он ещё живой!

Мать скорей сняла полушалонок
Да забросила прочь в кусты!
Вправду, новость в дверь постучалась:
Он в плену, вот его черты...

Кинет взор на чужие горы,
Кинет взор по родной стране –
И бредёт мать пустыней горя,
Ищет сына, как в жутком сне.

ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРIT...

В райцентре у неё есть домик с садом,
Сама живёт в глуши за восемь вёрст.
Проведает, истопит печку, взглядом
По небелёной стенке проведёт.

На стенке снимок: батя на гражданской,
Стоит, рукой оперся о клинок.
И прошлогодний, траурный, с афганской –
В берете голубом её сынок.

Он ближе сердцу в необжитом доме,
И тут он не глядится сиротой.
«А что, сынок, – мать в забытыи проронит. –
К женитьбе куплен дом, он был бы твой...

А мы живём... чуть зорька – все за шторы,
Кто не раздёрнул – на покой ушёл.
Иль в вечер соберёмся в разговоры,
Подсолнечники шелушим в подол,

И так свернёт – не охнуть! – боль сердечко.
Заблазнится, на радость и беду,
Поди, твоё соскучилось крылечко!
И не своя сама – сюда бегу».

А вишня сорит подвенечным, белым!
А танцплощадка музыкой гремит!
Уже зола в печи обрзовела,
А всё звезда с звездой говорит.

Александр ЛАЙКОВ

Родился в 1953 году в селе Икряное Астраханской области, живёт в Ульяновске. Автор поэтических сборников «Красный бугор» (1991), «Из пепла и света» (1993), «Подкова в золе» (1995), «Зимородок» (2011) и др. Лауреат поэтической премии имени Н. Благова (2015). Член Союза писателей России (2000).

КУРГАНЫ ПАМЯТИ

Я пилотку сошью из травы на кургане
И звезду приколю цвета горьких калин...
Я – ровесник солдат, убиенных в Афгане.
Мне приснилось: убитый меня хоронил.

Сколько нас полегло от Непрядвы до Моря,
С допетровских времён до парламентских сеч!
Это вечная правда и русская доля,
Чтоб стояла Россия – за Россию полечь!

Мне приснилась война и смертельная рана,
Сквозь пространство и время ударил свинец!
...Я ведь тоже стрелял – да простит меня мама! –
Как мой предок и как в 41-м отец.

Я ведь тоже солдат! Уходил я из дома –
Мама долго и гордо смотрела мне вслед.
По велению сердца, присяги и долга
Я дежурил у пульта могучих ракет.

Нам судьба – выбирать запредельные цели,
Задышаться во тьме легендарных атак...
А как вещей Коран переделать хотели,
Пусть расскажет Генсек и припомнит Аллах.

Знаю, друг с бэтээра, как ангел слетая,
Умирал на чужом, на афганском песке...
И дымилась, и бухала кровь молодая
На родном, поседевшем, как небо, виске.

А какой-то иудушка-христородавец
Оскорбляет ряды наших братских могил.
...Жарко дует в лицо, сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит солдатских седин.

Не согреют души ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот, ни Верховный Совет.
Страшно раны болят, и свербит пулевая
Под коленом, которого нет.

* * *

Жизнь течёт по известным законам,
Как придумали люди – не боги.
Видишь, розы цветут по газонам?
Слышишь, песня звенит на дороге?

Помнишь холм с молодой травой,
Безутешные слёзы невесты?
Что, дружище, поник головою,
Не найдёшь ни покоя, ни места?

Да и сам я в промозглые ночи
Не смыкал воспалённые веки.
Можно жить и спокойней, и проще...
Да стучат костылями калеки.

Да свистят ошалевшие пули,
Разрывая со свистом пространство...
Боже правый! Нас снова надули:
Что мне делать в ауле афганца?!

По Корану мы все – человеки.
Но в Москве – круговая порука.
А у храма, как в пушкинском веке,
Молит хлеба седая старуха.

Кто подаст ей в дрожащие руки –
Перекрестит, промолвит: «Спасибо...»
...Что вы ждёте, иудины внуки?!
Не старуха то вовсе – Россия.

Галия ПРОНИНА

Родилась в 1953 году в рабочем посёлке Павловка Ульяновской области. Занимается изданием альманаха «Павловка – родина моя малая». Публиковалась в журнале «Карамзинский сад», альманахах «Гончаровская беседка», «Чувства без границ» и др. Автор поэтических сборников «В кругу друзей» (2005) и «Свеча горела на столе» (2015).

ДОРОГИ АФГАНА

(отрывки из поэмы)

*Военному комиссару Павловского района,
ветерану войны в Афганистане, кавалеру орденов
Красного Знамени, Красной Звезды, подполковнику
Лашину Валентину Евгеньевичу посвящается...*

Я долго ходила за ним по пятам,
Просила его рассказать: как же там,
«За речкой», служил он, вдали от родных,
И много ль ребят полегло молодых?
Нет, он не хотел вспоминать про Афган:
Наверное, сердце стонало от ран,
И душу свою не хотел беречь –
Политиков игры не стоит судить.
Услышать рассказ я уж очень хотела,
Порядком, наверно, ему надоела,
И вот, задымив, что хоть вешай топор,
О службе в Афгане поведал сапёр.

* * *

Лишь вспомню дорогу Саланг-Хайратон,
В ушах стоит Харченко жалобный стон.
По-дружески с вечера он попросил,
Чтоб минное поле я установил
Возле постов, что в дозоре стоят, –
Подстраховать хоть немножко ребят.
Серёга сказал, что большое число
Со склона горы селем мин нанесло.
Доходим до Чёрного камня, а там –
Коровы разорванный труп пополам.
У трупа коровы пять мин разрядил,
А друг мой Серёга о страхе забыл...
Я мину шестую почти уже снял,
Как сзади внезапно разрыв услышал.
Я понял, что минное поле вокруг,
А там подорвался на mine мой друг.

* * *

...Задача поставлена: духов отвлечь,
Чтоб с допбатальона ребят уберечь
И выйти на точку с десантом к семи.
Мой Бог! Помоги и спаси, подними!
Нам ветер горячий сушит лицо,
И ночью под сорок, и сыплет свинцом.
Досада: свои ж обстреляли солдат,
Но выполнил чётко задачу десант.

* * *

Под солнцем палящим не сохнет спина,
И фляжка сухая, испита до дна.
Живительной влаги хотя бы глоток!
От зноя и пыли мой друг занемог.
Вдали вдруг послышался рокот глухой:
Вертушка зависла над головой,
Губами сухими шепчу я: «Сюда!»
С двух метров летит к нам Живая Вода!
У друга в глазах миг надежды мелькнул,
Он с этой надеждой навеки заснул...
Внутри обработан был тальком комплект,
Вкуснее воды той не пробовал, нет.

* * *

Мы долг свой «за речкой» отдали сполна,
Уже десять лет, как прошла та война.
По-разному люди о ней говорят,
И спорят, и ищут, кто в ней виноват.
Лишь время расставит все точки над i,
Мы были солдаты, присяге верны.

Николай МАРЯНИН

Родился в 1956 году в селе Три Озера на Средней Волге, живёт в Ульяновске. Автор поэтических сборников «Спасение от безумия» (1996), «Бог умер» (2000), «Звёздный ковчег» (2005), «России кварцевое сердце» (2012), «Симбирская рапсодия» (2018). Член Союза писателей России (2012). Награждён медалью Н.М. Карамзина (2015).

* * *

Я не был на этой проклятой войне,
не чувствовал кровью наполненных ран:
зачем же ты снишься безжалостно мне,
Афганистан?

Вчера по проспекту ты шёл впереди,
асфальт костылями пронзая насквозь,
звезда на груди – и осколок в груди
врезался в кость.

Твой друг закадычный навеки умолк,
не Курск защищая, а Джелалабад,
а ты вот вернулся, свой выполнив долг,
что ж ты не рад?

Да, мать поседевшая вспухла от слёз,
да, стерва-невеста крутнула хвостом,
но ты же опять среди русских берёз,
это твой дом!

Ведь ты ж стал мудрей после этой войны,
ты понял, что те, кто повинны в войне,
давно уже правят свой бал сатаны
в этой стране.

Они свою власть не сдадут просто так,
терять не желая рабов в нас с тобой...
Не время ещё упаковывать флаг,
близится бой!

АФГАНЕЦ

Говоришь, что ты «афганец»,
был героем на войне...
А чего ж как чужестранец
ты живёшь в родной стране?

Дома пропил всё на свете,
и жена ушла давно,
ты ж мусолишь байки эти,
словно старое кино.

Обдавая перегаром,
вспоминаешь про обстрел,
как ты там, под Кандагаром,
в танке с корешем горел!

Он погиб, а ты остался
и за друга отомстил,
а теперь в пике сорвался,
и бороться нету сил.

Это знает вся округа,
о тебе молву трубя:
не сумел спасти ты друга,
не сумеешь и себя.

Проклиная всю планету,
душу в клочья изорвал...
Проиграл ты битву эту,
а зачем же воевал?

Татьяна ЭЙХМАН

Родилась в 1956 году в селе Поповка Майнского района Ульяновской области, живёт в посёлке Карсун. Автор сборников стихов «Вьюга» (2003), «Рыжий вальс» (2005), «Gold осень» (2005), «Взгляд» (2008), «Мне стужей обжигает память» (2010), «Зелёный шум» (2011) и др. Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2015). Член Союза писателей России (2003).

СЫН

*Памяти земляка, погибшего
в декабре 1979 года*

Чёрных птиц таинственный полёт
Взбудоражит ночь, и не до снов.
Невидимкой тень моя скользнёт
Через топи заливных лугов...

Моя тень за окнами стоит:
«Мама, – шепчет, – почему не спишь?»
Ветер воду на пруду рябит,
Шлемофоны наклонил камыш.

Шум чуть слышен, в берег бьёт волна...
Распахнулась дверь в родном дому...
«Кто тут? Уходи! Я не одна!» –
«Почему не спишь ты? Почему?»

Я – бесплотен, словно облака,
Я давно уж обратился в прах...
Крестит даль дрожащая рука...
Имя, моё имя на губах...

Моё тело между скал во льдах,
Фото из Афгана на стене...
Вот опять замешкалась в снях...
«Мама, мама, помни обо мне!»

НАЛИТЬ БЫ...

А я мальчишку знала одного –
Весёлого и доброго мальчишку,
Мы бегали, толкаясь, с ним в кино,
Меняли грампластинки, марки, книжки.

Он другом не был, просто сорванец,
Проказник, мой товарищ, друг по классу,
Но мне одной сказал, что, наконец,
Окончив школу, полетит он к Марсу!

Прошли года... Вот в кителе идёт,
И галстук горло саднит, как удавка.
«Под ним в приказе» рота или взвод...
А может, и не он? Нет, это Славка!

Но почему пусты его глаза,
И седина впиалась в виски досадно?
«Не спрашивай! Мне про Афган нельзя!
Когда-нибудь потом, как выпью, ладно?..»

Но я ему не налила вина,
Бокал не пожалела, жалко Славку,
Его точила скрытая вина –
Давила горло хуже, чем удавка:

Там, за горами, он любовь нашёл –
Там, за Салангом, он её оставил,
И горе чёрным черпая ковшом,
Всё думал про заоблачные дали...

Да, точно уж она на облаках,
Ведь не простили русского ей друга,
И седина у Славки на висках
От яда, что насыпала разлука...

Мы говорили целый день почти,
Мне кажется, лишь раз пробило «маску»,
Когда мне вздумалось произнести:
«А помнишь, Славка, про полёты к Марсу?»

...Мы не раскрутим жизнь свою назад
И не пойдём уж никогда в кино.
А жаль, что Славкины пусты глаза,
Но нет, я не налью ему вино...

Галина БЕСПАЛОВА

Родилась в 1957 году в деревне Аврала Мелекесского района Ульяновской области, живёт в Москве. Подборка стихотворений, переведённая Александром Навроцки на польский язык, опубликована в альманахе «Poezia» (Варшава). Автор поэтических сборников «Осенние грёзы» (2005), «Осенние цветы» (2009), «Осенний монолог» (2011) и др.

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Давным-давно забытый снимок
Нашла вчера меж старых книг.
И ожил бережно хранимых
Воспоминаний светлый миг.

На фото пожелтевшем – лето,
Колодец, тропка, дом в саду...
Мне девятнадцать-двадцать где-то,
И я по улице иду.

Несу, как крылья, коромысло,
И в вёдрах плещет не вода,
А счастье серебрится. В мыслях
Летела птицей я тогда.

А этот парень... Как же звали?
Не вспомнить имени теперь.
За кадром – «Ява», небывалый
В те годы двухколёсный «зверь».

Железный друг оставлен, брошен –
В сторонке подождёт чуток.
Откинут шлем, и чуб взъерошен...
Испить бы счастья! Хоть глоток.

Щелчок! И замерло мгновенье,
Но жизни не замедлить ход.
В афганском выжженном селенье
Шальная пуля парня ждёт...

И вновь от старого колодца
Иду я с вёдрами домой,
А парень смотрит и смеётся...
Я – молодая. Он – живой.

Константин ЕЛАНЦЕВ

Родился в 1960 году в посёлке Базарный Сызган Ульяновской области. Много лет провёл в сибирской тайге. Публиковался в литературных сборниках и журналах «Атланты», «Российская литература», «Автограф», «Чувства без границ» и др. Член Международного союза писателей «Новый Современник» (2012). Живёт в Базарном Сызгане.

Я – АНГЕЛ

Воинам-интернационалистам...

Я ангел-хранитель, но мне до сих пор нет покоя,
А жил – не тужил беззаботно в раю век от века.
Ведь только со мною могло получиться такое,
Что так и не смог я когда-то спасти человека.

Однажды я с неба увидел простого мальчишку,
Он так мне пришёлся, и так мне спокойнее стало...
А как он читал о героях потёртые книжки!
И сердце моё от отеческих чувств трепетало!

Я видел, как он за девчонку на улице дрался,
Как что-то писал в своей синей потёртой тетрадке.
И выглядеть лучше, чем есть, никогда не пытался,
От трудностей, нет, никогда не бежал без оглядки.

У ангелов, знай, никогда не бывает каникул,
Ведь нет расписаний и сроков у жителей неба.
И кто-то беду на мальчишку от скуки накликал,
Послав на войну, на которой никто ещё не был.

Иль силы моей оказалось тогда маловато,
Иль чёрные души меня одного окружили,
Попал в окружение со взводом бойцов разведбата
Отважный мой парень,
с которым незримо дружили.

Я грудь подставлял, закрывая героя от пули,
И видел, как бился мой добрый и славный мальчишка,
Но крики мои над ущельем в тумане тонули.
...А он был героем когда-то прочитанной книжки.

Ты знаешь, я – ангел.
Но так и не спас человека...

АФГАНЦАМ

*Настоящим солдатам,
живым и погибшим, посвящая...*

Мы выживем сейчас, как выживали прежде,
Так повелось у нас когда-то встарь.
Под парусами Веры и Надежды,
Не положив Россию на алтарь.

Россия есть, она была и будет,
Огонь сердец ничем не потушить!
Пока в стране живут такие люди,
И каждый может подвиг совершить.

Не надо нас жалеть, мы закалялись сами,
Пройдя все муки боли и огня.
...Как беззаботно дышится лесами!
И как в полях кузнечики звенят!

Забывтая война не кажется забытой.
И очень стыдно бегать по врачам.
Но болью полон мир, ведь раны все открыты,
И шрамы часто ноют по ночам...

Любовь РАССОШНЫХ

Родилась в 1961 году в городе Чусовой Пермской области, живёт в Ульяновске. Стихи публиковались в газетах «Станкостроитель», «Панорама УАЗ», «Ульяновская правда», «Ульяновский комсомолец», «Аглия», а также в коллективных сборниках «Запах первого снега», «Притяжение доброты», «Ликующая муза», «Я с заводом ровесник», «Милая роца».

АФГАН

Закончена средняя школа.
Весенний ликующий день,
И он молодой и весёлый,
И в мире бушует сирень.

Он полон надежд и азарта,
В грядущее строит мосты,
Влюблённый в соседку по парте,
В романтику, в жизнь и в мечты.

Чисты и ясны его мысли.
И с болью дымящихся ран
Ещё не ворвалось как выстрел
В судьбу его слово «Афган».

Над ним синева распростёрта,
Берёзы листвой шелестят,
Но шьют на него гимнастёрку,
Готовят ему автомат.

Не знает мальчишка, что вскоре
Награда посмертная ждёт,
И мать, обезумев от горя,
На цинковый гроб упадёт.

Душа отойдёт в мир покоя,
И в майский ликующий день
Над мраморной чёрной плитою
Безумствовать будет сирень.

* * *

Раньше просто «война»,
а сегодня – «горячая точка».
Только лучших сынов
так же косит смертельный металл.
Раньше «битва с врагом»,
похоронок жестокие строчки,
Нынче «груз номер двести»,
на чёрном граните овал.

Кто сегодня есть враг
и за что этот бой, знать бы точно...
Остальное не в счёт:
блеск наград, похоронный картеж.
Раньше просто «война»,
а сегодня – «горячая точка»:
Та же боль, те же слёзы
и то же крушение надежд.

Юрий ШЕРСТНЁВ

Родился в 1962 году в посёлке Старая Майна Ульяновской области, живёт в Димитровграде. Руководитель городской писательской организации «Слово» (с 2013 г.). Публиковался в периодике Поволжья и России. Автор диалоги «И только ветер...» (2008), лирического сборника стихов «101-й блюз» (2013). Член Союза писателей России (2017).

СОЛДАТСКИМ МАМАМ

За веком век всё продолжают бег,
Войну на мир сменить они не в силе.
И на виски опять ложится снег
Святых седин солдатских мам России.

За веком – век, как за войной – война...
И сыновей в боях теряют мамы.
Недавно был Афган, затем Чечня
Сходила с гор свинцовыми дождями.

В куплетах и стихах не рассказать,
Какого цвета боль на сердце мамы,
Когда от сыновей уже не ждать
Ни sms-ки, ни звонка, ни телеграммы.
Но кто бы ни был снова в том строю,
Заботы материнской крылья с ними,
В любом походе и в любом бою
Родным теплом согреют и обнимут.

От сердца мамы к сердцу сына нить
Незримая, но всех прочней на свете,
О, если бы могла она укрыть
От пуль, и холодов, и лихолетий...
Почувствуйте душою, как светлы
Солдатских мам невидимые крылья.
Но даже им от бед и от хулы
Избавить всех сынов не хватит силы.

Какому Богу это рассказать,
Какой звезды коснуться их крылами,
Чтоб никогда уже в России мать
«Груз-200» не встречала со слезами?
К каким вождям их плачи обратить?
Мольбы какие обратиться к святыням?
Иль нет такой цены, чтоб оплатить
Слезинки малой о погибшем сыне?

За сыновей ушедших помолись.
Зажги свечу у старенькой иконы.
Солдатским мамам в ноги поклонись
За то, что провожали эшелоны.
За то, что любят так других сынов,
Других солдат крылами обнимают,
Воздай им, Русь, не орден, но Любовь,
Нежней которой в мире не бывает.

Дмитрий МИЩЕНКО

Родился в 1965 году в городе Торез Донецкой области, живёт в Димитровграде. В 1984 году был призван в армию, служил в Афганистане в составе 317-го полка 103-й парашютно-десантной Витебской дивизии ВДВ. Публиковался в газетах «Димитровград-Панорама» и «Глагол», стихи вошли в книгу «Нам не забыть Афганистан!» (Димитровград, 2014).

НА «АФГАНСКОЙ» АЛЛЕЕ

Перед твоим портретом стоя,
учебку вспомнил в Фергане:
там собирали новобранцев,
чтоб на прокорм отдать войне.

Нам тропы разные готовил
афганский горный лабиринт.
В строю гранитных обелисков
Владимир Пальшинцев стоит.

И скульпы каменно твердеют,
когда гляжу на твой портрет.
Не лечит время боль утраты.
Не зарастает раны след.

* * *

Плита гранита, строки золотые
 фамилий – все ребята молодые,
 от восемнадцати до двадцати пяти...
 Чужой войной оборваны пути...

* * *

Афганистан горит в моей душе,
 он мне напалмом сердце выжигает.
 Идут года, а боль не утихает,
 я с ней сроднился и привык уже...

Чужой я на «гражданке» среди своих,
 как белая ворона среди чёрных,
 и криком на бумагу рвётся стих
 о перевалах и ущельях горных.

Нас Родина отправила туда,
 и мы пошли, ведь мы ей присягали.
 Опалены войною те года,
 но ведь не зря в Афгане побывали!

Там научились мы ценить друзей,
 а этого не объяснить словами;
 и посмотрели новыми глазами
 на наших постаревших матерей.

Там было всё сурово, по-мужски;
 мы многое на службе повидали,
 а ордена за это и медали
 венчают наши ратные пути.

Сергей ПОРХАЕВ

Родился в 1966 году в городе Горький (ныне Нижний Новгород), живёт в Димитровграде. Председатель городского отделения Союза ветеранов войны в Афганистане. В 1985 – 1987 гг. служил в ДРА в составе 70-го десантно-штурмового батальона. Награждён медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

ДЕМБЕЛЬСКОЕ

Золотые времена – дембеля-десантники,
 Наша гордость ВДВ и герой-спецназ,
 В ДРА хлебнули лиха, но в душе романтики,
 Позади Афганистан – это всё о нас.

Встретила нас Родина как нельзя приветливо.
 За плацкартный на Москву – снова в бой иди...
 Отказал Аэрофлот: «Извините, мол, и вот...»,
 Ты на белый самолёт даже не гляди.

Но не будем осуждать, нам и так всё нравится,
 И Ташкент – как дом родной, всё-таки Союз.
 Вот и «скорый» на столицу, проводник –
 красавица:
 По вагонам, шурави! Невелик наш груз.

Просигналил семафор, вот и всё, поехали,
 Открывай «Столичную», только не пролей:
 И сапёры, и стрелки, и крутые механы,
 За Россию-матушку полную налей!

Растеклось тепло внутри, и в груди заныло,
 За товарищей своих, что остались там...
 По одной ещё, дружок, не гляди уныло,
 Из карманов всё на стол – есть на ресторан!

За окном бежит страна, глаз природа радует,
 На зелёных станциях шуку продают.
 Двое суток водку пьём, но никто не падает,
 Только мухи на лету почему-то мрут.

Изменяется ландшафт, вот берёзки белые,
 Ива ветви на воду клонит, лес шумит,
 А на полустаночках девки ходят зрелые,
 Скромно улыбаются. Жалко, что не брит.

Проводница милая, извини, сестричка,
 Не со зла куражимся, до икоты пьём.
 Просто требует душа – это не привычка,
 А пустую тару мы мигом уберём.

Перед домом всё равно начисто побреемся,
 И с берета синего тоже пыль стряхнём.
 Ждали, верно, нас – на то очень мы надеемся.
 Ну а коли живы будем – значит, не помрём!

Марина ПАНКРАТОВА

Родилась в 1973 году в городе Димитровграде Ульяновской области. Автор поэтических сборников «Полёт обузданных планет» (2005), «Вдоль ветра» (2008), брошюры с обучающим циклом «Весёлая грамматика» (2010). Состоит в писательской организации «Слово». Дипломант Международного конкурса «Филантроп» (2008).

ДИАЛОГ

Памяти Сергея Никитина

– Расскажи мне про Афган, расскажи,
 Только так, чтобы всю правду сполна,
 Расскажи про эту страшную жизнь,
 Про войну, что нам была не нужна...

Паренёк ответил просто:
 – Поверь, повзрослеешь, и придётся понять:
 Невозможна эта жизнь без потерь,
 А у дьявола отважная рать.

Но когда тебе всего восемь лет,
 То тебе не улыбаться нельзя –
 Завтра утром будет новый рассвет,
 А сегодня ночью хлынет гроза...

ВОСПОМИНАНИЕ

Памяти Сергея Никитина

Ты таскал на плечах
 Первоклашку-девчонку,
 «О своём» с ней сучал
 Вечерами о чём-то,

Иногда рисовал
 Ей картинки в альбоме,
 Но однажды призвал
 Военком тебя в горы.

Телевизор опять
Обозначил дорогу:
«Мне же не с кем мечтать –
Возвращайся, Серёга!»

И слегка беребя
Свои бантики в косах,
Повторяла в себя:
«Он же храбрый и взрослый...»

Пощадила война –
Гость шагает к порогу:
На висках седина,
А в походке тревога.

Прежним был только взгляд:
«Ну, привет, как делишки?»
Он, конечно, солдат,
Но всё тот же мальчишка!

Как два года назад,
Посадив на колени,

Отыскал что сказать!
Чем не связь поколений?

А у взрослых всего
Лишь одна только «песня»:
«Отойди от него –
Он тебе не ровесник!

Ведь устал человек,
Что ты виснешь на взрослых?!»
Ты сказала в ответ:
«Я соскучилась просто!»

«Так бы всё ничего, –
Маме шепчет бабуля, –
Да жестоким его
Мирным будням вернули...»

Сердца детского грусть
Пишет ветром по крышам:
«Я тебя не боюсь,
Я соскучилась, слышишь?..»

Подборку составил Николай Марянин.

15 февраля 2019 года исполнилось 30 лет со дня окончательного вывода войск СССР с территории Демократической Республики Афганистан.

МИНИСТЕРСТВО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПОБЕДИТЕЛИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЫСТАВКА

с 7 февраля 2019 года

Ульяновск, пл. Ленина, 1

**ИМЯ ПОДВИГА –
АФГАНИСТАН**

К 30-летию вывода советских войск из Афганистана

«Красный зал»
Музей-мемориал В. И. Ленина, 3 этаж
вторник-воскресенье 10:00-18:00

(8422) 44-24-61

www.leninmemorial.ru

6+

ЛЕНИНСКИЙ МЕМОРИАЛ

Героическая и трагичная страница отечественной истории в феврале представлена на выставке «Имя подвига – Афганистан» в Ленинском мемориале.

Временная экспозиция создана на основе книги «Солдаты Отчизны», а также фондов Ленинского мемориала. Более сотни экспонатов, связанных с ульяновскими воинами-афганцами, представлены в выставочном зале «Красный» Музея-мемориала В.И. Ленина.

Выставка стала площадкой для цикла музейных встреч «Миссия в Афганистане. Первая схватка с терроризмом». Ветераны военных действий в ДРА рассказали молодежи о войне, патриотизме и долге. (Программа была организована в рамках месячника героико-патриотической и оборонно-массовой работы в Ульяновской области.) С литературно-музыкальной композицией «Афганистан горит в моей душе» перед посетителями выставки выступили поэт Николай Марянин и музыкант Сергей Лямин. На сайте «Улправда» ТВ в литературной гостинице журнала «Симбирск» можно увидеть это выступление.

Видеосюжет с литературно-музыкальной композицией в исполнении Николая Марянина и Сергея Лямина доступен по QR – коду:

ИМ ПОСВЯЩЕНЫ СТИХИ И ПЕСНИ...

Владимир Анатольевич Муратов (родился 26 сентября 1958 года в городе Ульяновске, умер 25 февраля 2018 года) окончил среднюю школу №50, затем Ульяновское военное училище связи. С 1981 по 1982 годы служил в Афганистане. После 1982 года продолжил службу в отдаленных районах. С 1993 по 1998 годы служил в правоохранительных органах Ульяновской области. Подполковник запаса. Активно занимался общественной работой. Владимир Муратов возглавлял Ульяновскую областную общественную организацию «Виват» Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана». Являлся одним из основателей ветеранского «афганского» движения в Ульяновской области. Был настоящим русским офицером, мужественным и отзывчивым человеком. Помогал ветеранам Афганистана, защищал их интересы. Любил спорт, всегда помогал спортсменам. Много внимания уделял патриотическому воспитанию молодежи. Воспитывал своим примером. Любил свою Родину и родной Ульяновск. Год назад, в феврале 2018-го, Владимира Муратова не стало. Он прожил достойную жизнь. Оставил о себе добрую память.

«Нет, не война. А память и любовь.

Любовь и память – всё, чем сердце живо...»

Владимир Муратов. Кабул, 1982

Бард Евгений Гранд посвятил
Владимиру Муратову стихи.

Евгений БЕЛЯНИН (Гранд) (1954 – 2017)

БРАТСТВО БОЕВОЕ

В.А. Муратову

Не нацией, не племенем, не Богом
Повязаны родные имена.
Кровавым потом фронтовой дороги
Вас побратала общая война.

Одна на всех, вдыхаемая грудью.
Одна на всех... Кто мёртвый, кто живой.
И смерть ревела залпами орудий.
Одна на всех. Выкашивала строй.

Не прошлая. Война в солдатских душах
Пылает вечным памятным огнем.
Ни в небесах, ни в море, ни на суше
Его лихое время не затушит:
Пока мы помним, знаем – мы живём.

Не верьте тишине, в себя поверьте!
Да здравствует ваш праведный союз,
Пред ним бессильны ангелы и черти.
Ни злату, ни политике, ни смерти
Не разорвать священных этих уз.

Фотографии из архива семьи Муратовых

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Ольга РОНЖИНА, член Союза журналистов России

«ДВА СУЩЕСТВА С ДУШОЮ ОДНОЙ – ТЫ И Я...»

Литературные путешествия

Впечатления от путешествий хранятся в памяти, не мешая друг другу. словно каждое – в отдельной упаковочке. Прикоснулся – и вновь вспыхнуло ни с чем не сравнимое потрясение: Кносский дворец на Крите, Портик Кор в Афинах, потолок Сикстинской капеллы в Ватикане!.. Проходят века и тысячелетия, а гений художника все так же волнует человека, как волновал его современников.

Но наряду с этими яркими зрительными образами в памяти звучит, словно чистый напев флейты, романтическая история, рассказанная гидом в большом туристическом автобусе, следующем в неблизкий путь из Анталии в Каппадокию.

«Пошли мне, Господь, второго!..»

Часа полтора мы ехали вдоль моря: миновали Анталию, проехали Белек и, наконец, повернули в горы. По серпантинам поднялись на хребет Тавр, что

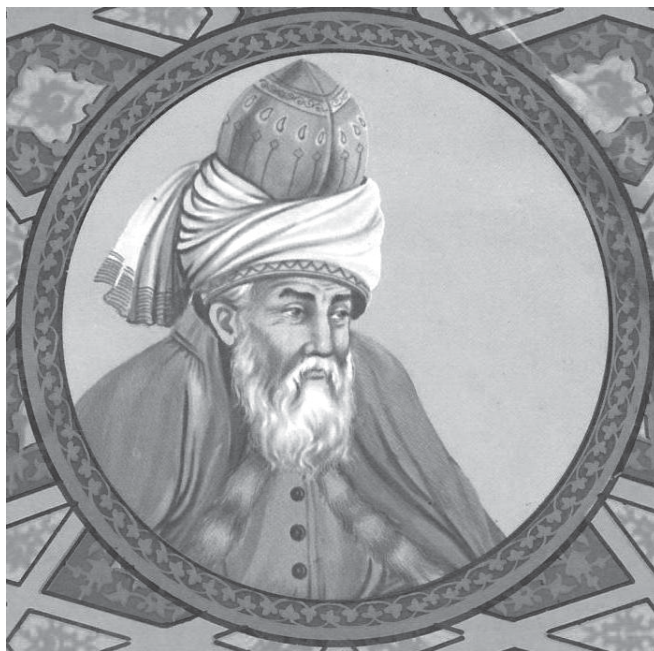
тянется по югу Турции. Кутаясь в теплую одежду, чтобы спастись от густого, холодного и липкого тумана, позавтракали в придорожной корчме. Потом спустились с гор и только на рассвете выехали на огромное плато, которое лежит за хребтом. Это срединная область Турции, Анатолия (с древнегреческого – «восток», «восход солнца»). Длина долины с востока на запад – около 1000 километров, ширина – от 400 до 600. До конца второго тысячелетия до нашей эры здесь жили хетты. После них в Анатолии были Лидийское царство, Мидия, государство Ахеменидов, Армянские государства, держава Александра Македонского, государство Селевкидов, Понтийское царство, Пергам, Древний Рим, Византия, Конийский султанат... «Все побывали тут!» – как сказал поэт.

Автобус стрелой летит по гладкой, как стекло, дороге. Мы отсчитываем километры по старым караван-сараям. Между ними, как говорит экскурсовод, 30 – 40 километров: день пути на верблюдах. Конец сентября. Заканчивается уборка урожая. Кое-где еще стоит нескошенная пшеница, тяжелые колосья – выше пояса. На бахчах лежат груды ярко-оранжевых тыкв, каждая – чуть ли не в два обхвата. Благодатная земля!

От Анталы мы уже промчались около 300 километров. Скоро первая большая остановка – город Конья. А затем еще километров 200 – и Каппадокия.

– Все, наверное, знают, – говорит наш очень образованный и хорошо владеющий русским языком местный экскурсовод, – что в Турции есть орден (братство, тарикат) крутящихся дервишей. Выступления танцоров этого братства показывают по телевизору, они вошли во многие художественные фильмы. Но не все знают, что вдохновителем создания этого ордена был турецкий философ и поэт Джалаладдин Руми (то есть «римский» – в соответствии с местностью вокруг Коньи, которая в средние века называлась Рум – «Рим»). Современники обращались к Руми: «Мевляна» («наш учитель») или «Мавлави» («ученый муж»). Он жил в городе Конье в XIII веке. Уже после смерти Руми его старший сын Султан Велед (Султанвелед) создал братство Мавлави – тарикат крутящихся дервишей.

Кстати, «Мавлави», как и «Мевляна», – это не просто поэтическое прозвище конкретного человека. Википедия уточняет, что в переводе с арабского эти слова значат также «правитель» или «владелец». Это почётное религиозное звание в исламе, отмечающее высшего толкователя канонов шариата. Это звание носили многие люди: например, известный персидский поэт Джами, отец президента Бангла-

Мевляна. Персидская миниатюра

деш Мавлави Ибрагим. Также его активно используют влиятельные политические фигуры в Афганистане.

– Джалаладдин Руми был суфием, – продолжает гид. – Он руководил мечетью и медресе. Стихов не писал, а писал философские трактаты. Считался выдающимся наставником и оратором. К нему стекались люди, жаждущие знания, и становились его учениками – мюридами. Так и шло бы все своим чередом. Но однажды Руми встретился со странствующим дервишем, которого звали Шамсутдином из города Тебриза – Шамсом Тебризи...

...И от слов Шамса душа Руми вспыхнула ярким огнем, по-новому осветившим и внутренний мир философа, и мир внешний. Как назвать это? Прозрением? Постижением? Просветлением? Сам Джалаладдин Руми называл то, что с ним произошло, одним словом: «Любовь». В каком-то смысле это так и было. Руми и Шамс сорок дней (а по другим свидетельствам, больше двух месяцев) провели вдвоем, запершись в доме. Они разговаривали. Порой, наверное, спорили, потому что, по сравнению с уравновешенным и доброжелательным Руми, Шамс, судя по всему, был более порывистым человеком, и суждения его были остры и резки. А порой сердце Джелаладдина отзывалось восторгом на речи нового друга – настолько его мысли были отточенными и верными. Словом, встретились два очень талантливых человека и с наслаждением делились накопленными знаниями и имевшимся опытом.

Наверное, нет среди людей пишущих такого человека, который не повторил бы в своих тайных молитвах строчки Евгения Евтушенко:

*«Пошли мне, Господь, второго,
Чтоб вытянул петь со мной».*

Мевляне Господь послал второго. И Руми принял Дар с восторгом и благодарностью. Он признал Шамсутдина Тебризи своим учителем. Так началась их дружба, длившаяся около трех лет.

Происходило это более семи с половиной веков назад. Но до сих пор не только в Турции и в Иране, но и во всем мире люди вспоминают и пересказывают возвышенную и трагическую историю этой дружбы. О ней написаны тысячи статей и книг. Поэтому что под воздействием «встречи двух морей», как называют это событие в Конье, появился замечательный поэт Джалаладдин Руми.

Он – представитель классического периода ирано-таджикской поэзии, написанной на языке фарси. Этот период литературоведы ограничивают XI – XIV веками. Так получилось, что в России читатели больше знают Омара Хайяма, Хафиза, Саади и

других талантливых средневековых персидских авторов этого периода. За рубежом же считается, что нет равных Джалаладдину Руми. Его неслучайно называют «наставником с сияющим сердцем, ведущим караван любви», как сказал Джами. Прекрасен сборник его стихов «Диван Шамса Тебризи». Но все же одной из самых читаемых книг в мусульманском мире является шеститомная стихотворная дидактическая книга «Маснави» – кладезь мудрости, путь обучения суфия и энциклопедия фольклора.

События того времени и сама жизнь Джалаладдина Руми и Шамса Тебризи так густо обросли легендами, что сейчас уже не всегда можно понять, как все происходило на самом деле. Но в легендах есть свой особый, завораживающий пряный восточный аромат.

В различных традициях средневековые имена и географические названия имеют разную транскрипцию, разное произношение и написание. Например, «Мевляна» у разных авторов пишется как «Мавляна», «Мавлана», «Маулана», «Моулана». Мы будем придерживаться произношения, которое принято в современной Турции. В цитатах же оставим авторское написание.

Мавзолей Мевляны

Странные вещи случаются иногда в поездках. В одно из первых посещений Турции я бродила по парку «МиниСити» в Анталье. Внимательно рассматривала уменьшенные копии собора Святой Софии, мечети Султанахмет и прекрасных дворцов в Стамбуле, потому что собиралась слетать туда на денек. Заодно прошлась и по другим достопримечательностям парка. Меня заворожил комплекс мавзолея Мевляны. И сам мавзолей, увенчанный бирюзовым куполом, и замысловато украшенный фонтан перед его входом, и особенно – череда келий для дервишей. По сути дела, это даже не гостиница, это – «общага». Но архитектор не пожалел трудов на ее оформление. Над каждой кельей – небольшой полукруглый купол, а между куполами – островерхие башенки. Их ритм придает единство ансамблю всего комплекса. Тогда еще подумалось: где эта самая Конья? Что это за город? Наверное, никогда не придется увидеть это все своими глазами... Поистине: «Никогда не говори «никогда»!

Конья – город огромный, в нем проживает более 2 миллионов 160 тысяч человек (2016 г.). Впервые, это город студенческий. Здесь расположены несколько университетов. В самом крупном из них, Сельджукском, основанном в 1975 году, обучается около 75 тысяч (!) студентов. В университете 21 факультет, 6 институтов, Государственная консерватория, 6 техникумов и 22 профтехучилища.

С 2007 года в Конье действует новый университет имени Мевляны. Здесь учатся студенты из 48 стран, так как стоимость образования не самая высокая, а преподавание ведется на английском языке. Самый посещаемый курс – по изучению наследия Мевляны. Лекции читают сотрудники Центра трудов Хазрата Мевляны Джалаладдина Руми – солидной учебно-научной организации, которая входит в состав университета.

Во-вторых, Конья – мусульманский центр Турции. И главным среди значительного количества

Музей Мевляны

объектов поклонения для исламских паломников является комплекс мавзолея Мевляны. Считается, что в Турции это второй по посещаемости туристический объект после Дворца-музея Топкапы в Стамбуле. Сюда в год приезжает до 2 млн человек.

Комплекс официально стал музеем в 1927 году, а в 1954-м получил современное название – Музей Мевляны.

...Мы выходим на прямоугольную центральную площадку комплекса. Справа и впереди – те самые кельи дервишей. В них сейчас располагаются музейные экспонаты. Слева – мавзолей. К его стене прилегает небольшое кладбище.

Переходя из одного помещения в другое, не спеша рассматриваем экспозицию. Одежда дервишей. Музыкальные инструменты. Ноты. Чётки, от обычных до огромных, лежащих, как свернувшийся удав, собранный из теннисных шариков. Старинные книги. Рукописный Коран. Письменные приборы. Наконец, кухня: печка, сковороды, казаны...

Но самое интересное – это сценки из жизни суфиев. В Турции очень любят, чтобы в музеях были не только витрины, но именно «живые», наглядные картины времени. Если места в музее мало, то «куколки» будут маленькими, с палец высотой. Тем не менее вся обстановка помещений, в которых они располагаются, воссоздается с изумительной тщательностью на площади 50 на 50 сантиметров. Мы видели множество таких сенок в других музеях. В основном там представлены ремёсла, сельскохозяйственные работы, обучение детей в медресе.

В Музее же Мевляны помещения просторные, а «куклы» – в человеческий рост. На той же кухне то ли повар, то ли завхоз дает наставления человеку, который закупает на рынке продукты для общины. А вот молодой мюрид склонился в почтительном поклоне перед учителем – муршидом. Три дня юноша проходил строгий отбор, чтобы попасть в суфийскую общину. А теперь 1000 и 1 день будет изучать богословие и науки, беспрекословно выполняя требования наставника.

В следующей комнате показано, как учат ритуальному танцу «сема». Легенда гласит, что Мевляна однажды на базаре услышал стук молоточка ремесленника, чинившего кастрюлю (по другой версии, чеканящего золотую пластинку). Ритм увлек Джалаладдина, и он закружился в танце, впадая в транс. Теперь дервиши в Конье, на радость паломникам

и туристам, кружатся каждый день. Но когда мы приехали в город, там не было музыки и танцев. Накануне в Турции произошло землетрясение, принесшее разрушения и жертвы. В стране был объявлен траур.

Ежегодно накануне дня памяти Руми (17 декабря) в этом городе в течение десяти дней проходит фестиваль крутящихся дервишей. В Конью стекается множество народу, чтобы посмотреть это мистическое действо. Сема – целый спектакль. Сначала дервиши приветствуют наставника. Затем сбрасывают черные одежды, олицетворяющие смерть, и остаются в белых, которые символизируют возрождение. И только после этого начинается кружение. Танцоры двигаются по кругу, в то же время вращаясь вокруг своей оси: обязательно справа налево – «вокруг сердца». Правая рука поднята к небесам. Считается, что через нее небесная энергия передается к левой руке, направленной к земле. Конечно, теперь сема исполняют не дервиши ордена Мавлави, а просто артисты. Но знающие люди уверяют, что научиться танцу может всякий, на это требуется около шести недель.

...Наконец, минуя прекрасный фонтан для омоновения, мы вступаем в Мавзолей Мевляны. Главный зал, где находятся могилы Джалаладдина Руми и его отца, Бахаддина (Бах ад-Дина) Мухаммада Веледа Балхи, богато украшен в соответствии с мусульманскими традициями. Потолки, стены и опоры зала покрыты замысловатой цветной узорной вязью. В композицию вплетены суры Корана. Нижний пояс росписи – красный, поскольку говорят, что Мевляна умер на закате, когда все небо было окрашено в красные тона. Члены ордена Мавлави отдавали предпочтение этому цвету, считая, что красный – цвет проявленности. Саркофаг Руми и Балхи расположен прямо под куполом. Сам саркофаг – произведение искусства резчиков по дереву. Он накрыт парчой. В головах установлены две одинаковые шапки с высоким фетровым верхом и зеленой чалмой – такие были положены по статусу руководителям мечети.

Рядом с могилой Руми и его отца, внутри мавзолея, находятся еще несколько погребений членов их семьи и самых известных шейхов (руководителей) ордена Мавлави.

В зале мавзолея также много старинных ценностей: резная подставка для Корана, настенные украшения, лампы. Но самая большая святыня – перламутровая шкатулка, в которой хранится фрагмент бороды пророка Мухаммада. Она является предметом поклонения множества паломников из Турции и других стран.

Рядовой турист не сразу понимает, что Музей

Обучение мюрида

Мевляны – это не то место, где в XIII веке был учителем богословия Руми. Прибыв в Конью, Бахаддин Балхи начал преподавать в Медресе Каратай. В XIII веке это мусульманское учебное заведение, как и другие, подобные ему, было и средней школой, где изучался Коран, и исламской духовной семинарией. Рядом находилась мечеть. Медресе основал Селалетдин Каратай, великий визирь султана Кейкавуса II. Затем Бахаддин Велед Балхи стал руководителем мечети и медресе. После его смерти эти должности перешли к Джалаладдину Руми. Каменные мечеть и медресе были построены в 1251 году, когда их возглавлял Мевляна. Сейчас в комплексе размещается Музей керамики, поэтому в народе этот объект называют Фарфоровой мечетью.

А на том месте, где сейчас располагается Музей Мевляны, был розовый сад, принадлежавший конийскому султану. В 1231 году, когда умер Балхи, султан подарил сад Мевляне, чтобы семья могла похоронить в нем отца. В связи с кончиной Бахаддина Веледа в Конье был объявлен сорокадневный траур. Например, как пишут историки, в это время никто не имел права садиться на коня.

Через 42 года, в 1273-м, рядом с отцом, под открытым небом, среди прекрасных роз был предан земле и сам Джалаладдин Руми. Только после этого преемник Руми Хюсаметтин Челеби начал строительство мавзолея. Сейчас сказали бы, что строительство велось на деньги спонсоров. Уже через год мавзолей был окончен, над ним вознесся отделанный бирюзовой керамической плиткой цилиндрический купол, а также два больших традиционных полукруглых купола и несколько маленьких. Затем, в течение шести веков, чуть ли не каждый султан вносил свою лепту в реставрацию памятника, его отделку и в новое строительство на его территории.

«Найди меня!»

Джалаладдин Руми родился 30 сентября 1207 года в городе Балхе, который сейчас находится на территории Афганистана, а в то время располагался в исторической области Хорасан в Восточном Иране. Его отцом был придворный ученый, проповедник, богослов, правовед и суфий Бахаддин Велед, представитель древнего и знатного рода. В Балхе он получил звание Султана теологов.

Когда Джалаладдину было семь лет, семья уехала из Балха. По одной версии, отец спасался бегством от «неприятностей по службе». У него возникли осложнения в отношениях с мстителем придворным богословом хорезмшахов Фахрад ад-Динном Рази. Этот человек был причастен к убийству коллеги Бахаддина Веледа, уважаемого в народе

исламского проповедника Маджд ад-Дина Багдади, утопленного в Аму-Дарье. Над Бахаддином Веледом и его семьей нависла смертельная опасность. Он решил под предлогом паломничества в Мекку покинуть Хорасан. С ним ушли не только домочадцы, но и сорок его учеников и последователей. (Лео Яковлев. «Джалал ад-Дин Мухаммад Руми». <http://mylektsii.ru>)

По другой версии, отец спасал близких людей от монголо-татарского нашествия. Действительно, город Балх через некоторое время захватили монголы, они вырезали население и предали огню медресе и библиотеки. То же самое потом произошло и в Багдаде.

Сначала беглецы направились в город Омара Хайяма Нишапур. Оттуда через Багдад добрались до Мекки. Затем жили в Иерусалиме, Дамаске, а в 1228 году перебрались в Конью. Там завершились тринадцатилетние скитания.

С самого раннего детства Джалаладдин обнаруживал блестящие способности. Первым его учителем был отец. А затем, во время странствий по Ирану и Малой Азии, он учился у лучших наставников. К тому же, в каком бы городе ни останавливалась семья, Бахаддина Веледа вместе с сыном приглашали к себе в гости самые видные богословы и политические деятели. За столом мудрые люди обсуждали сложные вопросы теории ислама, говорили о суфизме, о различных науках, о политическом устройстве государства. Эти встречи оказывали на мировоззрение юноши очень сильное влияние. Джалаладдин продолжал учиться и в то время, когда уже был преподавателем медресе в Конье.

До сих пор у мусульман принято прибавлять, например, уважительное звание «Хаджи» к имени человека, совершившего хадж в Мекку, или «Хазрат», если человек обладает способностями читать наизусть Коран. Руми уже в молодости имел полное право на оба эти звания.

В столицу Сельджукского султаната Джалаладдин приехал взрослым, женатым человеком. У него было несколько детей. Но в истории остались имена двух старших его сыновей. Первый, Султан Велед (Султанвелед), был учеником и другом отца, после смерти Руми он основал орден Мавлави. Потом написал биографическую поэму «Валад-Наме» о жизни своих деда и отца, а также собрал наставления и изречения Джалал ад-Дина и издал их отдельной книгой под названием «В нем то, что в нем» – «Фихи ма фихи».

Что же касается второго сына, Алаэддина Челеби, то когда он умер от болезни, Руми не пошел на его похороны. Неслыханное дело! Даже смерть не смогла их примирить: отец подозревал сына в убийстве.

Но это будет потом. А пока, как уже было сказано, жил Руми в достатке, мире и спокойствии, преподавал в медресе, всходил на кафедру в мечети, имел время для теологических и научных занятий. Однако нет-нет да всплывала в памяти странная мимолетная встреча на базаре в Дамаске (на Востоке все самые главные события происходят именно на базаре!), произошедшая несколько лет назад, когда Джалаладдину было 28.

И опять мы погружаемся в сладкую пелену ста-

рых легенд. Первую краткую встречу Руми и Шамса Тебризи некоторые авторы описывают просто. Увидев Джалаладдина, Шамс взял его за руку и, успев сказать: «Найди меня!» – скрылся в толпе.

Другие утверждают, что это Руми поцеловал руку Шамса и произнес: «О, взвешиватель мира, пойми меня!»

В журнале «Наш Дагестан» (август, 2010 г.) Муртазали Дугричилов пишет: «Живущий в Конье прямой потомок Руми Салахеддин Хидаетоглу, ссылаясь на летописца Эфлаки, описывает эту встречу иначе: не Руми поцеловал руку Шамса, а – наоборот. Затем, произнеся фразу: «Знатор мира, познай и меня», – он исчез в толпе».

Во всяком случае, по канонам завязки действия, сказанная на ходу фраза давала надежду на продолжение знакомства героев.

Прошло с тех пор девять лет. И в 1244 году, а именно 26 ноября, «встреча двух морей» состоялась. Возможно, Шамс Тебризи действительно приехал в Конью, чтобы познакомиться с Джалаладдином Руми, как утверждают современные авторы. Возможно, нет. Но кочующий дервиш прибыл в столицу султаната и поселился в городке продавцов сахара (сладостей). Как-то он увидел проезжающего по базару Мевляну.

Шамс Тебризи. Рисунок

Ссылаясь на книгу «The conqueror of the hearts» («Завоеватель сердец») Мустафы Камала, автор Ильдар Мухамеджанов пишет:

«Согласно преданию, Руми ехал в мечеть на лошади, когда Шамс Табризи остановил его и спросил: «Скажи мне, кто более велик – Баязид Бистами (да помилует его Аллах) или Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует)?»

Как и всякий настоящий алим (ученый. – **О.Р.**), Руми ответил, что статус Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, лучшего из творений, нельзя даже сравнивать с Баязидом Бистами, да будет доволен им Аллах.

Тогда Шамс Табризи сказал ему: «Пророк... сказал: «Мы не в состоянии познать Тебя, о Аллах, таким образом, каким Ты заслуживаешь понимания», тогда как Баязид Бистами провозгласил: «Как велики мои достижения (в познании Его)!»

Руми не понял смысла его слов и попросил объяснить то, что он сказал.

Тогда Шамс Табризи пояснил, что разница зависит от того, сколько понимания способен вместить в себя тот или иной человек. Мухаммад... мог без ограничений черпать из реки познания, и не

важно, сколько он испытал мудрости, так как это количество кажется ничтожным по сравнению с тем, что еще можно получить.

Баязид Бистами... имел намного меньшую «вместимость» по сравнению с Пророком, поэтому после того как он испытал один бокал этого духовного вина, он насытился.

В другой день Руми обучал своих студентов у берега реки. Перед ним лежала целая стопка книг по богословию. К нему подошел Шамс Табризи и спросил, что происходит. Руми ответил: «Это кааль (слова, речи), но ты их не поймешь». Тогда Шамс Табризи схватил эти книги и бросил их в воду.

Руми был ошеломлен.

После этого Шамс Табризи произнес: «Бисмиллях» («Во имя Аллаха». – **О.Р.**) – и вытащил книги из воды. Он стряхнул с них воду так, словно это была пыль, страницы просохли, но чернила с них не потекли, хотя до этого страницы промокли насквозь.

Руми был крайне удивлен и спросил, что это значит. «Это – халь (духовное состояние), но ты этого не поймешь», – был ответ.

Будучи сильно поражен произошедшим, Руми пригласил Шамса Табризи в дом своего ближайшего друга Салахуддина Заркуба, где они пробыли 40 дней...»

Джалаладдин Руми был потрясен миром, открывшимся ему под влиянием нового друга. Недаром большинство исследователей говорит о его духовном перерождении. Его прежние заботы, в частности подготовка учеников, показались ему мелкими и недостойными внимания. Для него перестало существовать всё, кроме общения с Шамсом.

«Мавлана, несмотря на совершенство и знаменитость, просил, чтобы Шамс весь день находился рядом, и стал его последователем, положил голову под его ноги, и Мавлана сразу растворялся в его сиянии. Шамс стал для Мавланы непревзойденным учителем». (Islamsng.com).

Не правда ли, как это смело и точно сказано: «Положил голову под его ноги»! Наверное, мы, северяне, не придумали бы такого образа, передающего всю глубину восхищения духовным наставником и поклонения ему.

Однако, увидев, что Мевляна день ото дня отделяется от них, некоторые родственники Джалаладдина Руми, а особенно ученики, которым он перестал уделять должное внимание, начали роптать. Видимо, они стали угрожать Шамсу Тебризи.

И тогда Шамс решил исчезнуть...

Гимн Божественной Любви

Ислам и сейчас, через 14 веков его существования, – явление неоднородное. Что уж говорить о первых веках становления новой религии! Уже в VII веке внутри исламской теологии начал формироваться суфизм. Это понятие сейчас определяется

так: «Течение в исламе, проповедующее аскетизм и повышенную духовность, одно из направлений классической мусульманской философии». (Википедия.)

В XIII веке, когда жил Джалаладдин Руми, еще шла разработка теории, а также мистической, эзотерической практики суфизма. На основе суфийских школ образовывались братства (тарикаты).

Теория суфизма всегда основывалась на изучении Корана и строгом следовании его предписаниям и сунне пророка Мухаммеда. Поначалу у суфиев был культ бедности, затем – отрешения от всего земного. Они не сотрудничали с политическими и военными властями, стойко переносили невзгоды и лишения, предавая себя воле божьей.

«Основными составляющими суфизма, – продолжает Википедия, – принято считать аскетизм, мистицизм, утонченную духовность, подвижничество. Целью суфизма является воспитание «совершенного человека», который свободен от мирской суеты и сумел возвыситься над негативными качествами своей природы. Суфизм вдохновлял своих последователей, раскрывал в них глубинные качества души и сыграл большую роль в развитии эстетики, этики, литературы и искусства».

Что значит «совершенный человек»? В соответствии с суфийским учением, это человек, прошедший путь духовного совершенствования. Этот путь выражает один из хадисов Сунны, гласящий: «Кто познаёт себя – тот познаёт Бога». На заключительных этапах такого постижения индивидуальное человеческое сознание сливается с Божественным Сознанием.

«В основе суфизма лежит любовь (махабба, хубб). Суфии даже иногда говорят о своём учении как о «гимне Божественной Любви» и называют его тасса-вури – «любовь-видение». Любовь рассматривается в суфизме как та сила, которая ведёт к постоянному усилению ощущения включённости в Бога. Этот процесс приводит к пониманию того, что в мире нет ничего, кроме Бога, Который является одновременно и Любящим, и Любимым. Истинно любящий суфий постепенно погружается, тонет и растворяется в Творце – в своём Возлюбленном». Так говорит о теории суфизма сайт «Энциклопедия духовных знаний».

Именно свое понимание восхождения по пути любви к богу и передавал Шамс Тебризи Мевляне. «Бог – не в Каабе, не в церкви, не в синагоге, он – в твоём сердце». Это, наверное, была главная идея учителя. Потом мы увидим это утверждение в разных вариантах в стихах и высказываниях Джалаладдина Руми.

«Летающее солнце»

Кем же был человек, ставший учителем и кумиром для Джалаладдина Руми?

До сих пор азербайджанцы считают Шамса Тебризи достойным сыном своего народа. Он родился в 1185 или в 1186 году в Тебризе. Сейчас этот город с населением 1,4 млн человек является административным центром иранской провинции Восточный Азербайджан. Полное имя Шамса было Мавлана Шамсулхакк ва-д-дин Мухаммад ибн Али ибн Маликдад Тебризи.

А имя Шамс он придумал себе сам. Еще в детстве, когда мальчик впервые читал Коран, ему чрезвычайно понравилась сура «Солнце» («Аш-Шемс», «Аш-Шамс»).

Очень интересно, что так потрясло будущего философа в этой суре? Она находится в Коране под порядковым номером 91. И звучит в переводе с аудиозаписи (переводчик не указан) так:

«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Клянусь солнцем и его сиянием!

Клянусь луной, которая следует за ним!

*Клянусь днем, который выявляет его
(солнца) сияние!*

Клянусь ночью, которая скрывает его!

*Клянусь небом и Тем, Кто его воздвиг (или тем,
как Он воздвиг его)!*

*Клянусь землей и Тем, Кто ее распротер
(или тем, как Он распротер ее)!*

*Клянусь душой и Тем, Кто придал ей соразмерный
облик (или тем, как Он сделал ее облик соразмерным),
и внушил ей порочность и богобоязненность!*

Преуспел тот, кто очистил ее,

и понес урон тот, кто опорочил ее.

Самудяне сочли лжецом пророка

из-за своего беззакония,

и самый несчастный из них вызвался

убить верблюдицу.

Посланник Аллаха сказал им:

«Берегите верблюдицу и питье ее!»

*Они сочли его лжецом и подрезали ей поджилки,
а Господь поразил их за этот грех казнью, кото-
рая была одинакова для всех (или сровнял над ними
землю).*

Он не опасался последствий этого».

В соответствии с легендой, прочитав эту суру, юный Мухаммад воскликнул: «Отныне меня зовут Шамс!».

Шамс Тебризи так же, как и Мевляна, учился у самых лучших богословов, сначала в своем родном городе, а потом в странствиях.

«...Можно утверждать, – пишет один из исследователей, – что мировоззрение Шамса Табрези берёт своё начало из различных философских, религиозных направлений и учений отдельных мыслителей. В результате этого он после себя оставил такое учение, которое имеет множество оригинальных и глубоких философских идей».

По характеру Тебризи был человеком подвижным и свободолюбивым, не прирастал к одному месту, не обзаводился семьей и собственным домом, легко менял обстановку и города. Для него была привычной жизнь среди обычных людей на базарах, в караван-сараях, в суфийских общинах. Во время своих странствий он встречался со многими арифами, которые прозвали его Шамси Паренде («Летающее Солнце»).

Шамс, как и Джалаладдин Руми, имел звание Мевляны. Также еще в молодости он получил имя «Мюршиди камил» («Совершеннейший мюршид»). Он обладал очень широкими по тем временам знаниями. Изучал математику и астрономию, медицину и химию, логику и философию. Писал стихи.

Современники утверждали, что внешне Шамс

был высоким и необычайно красивым человеком. Он постоянно носил белую рубашку и черный плащ из грубой овечьей шерсти. Султан Велед вспоминал: «...Мевляна был очарован его обликом, его не поддающейся определению чистотой, его речью, полной тайн, как море жемчужин, его словом, выдыхающим жизнь в свободного человека...». А «встречу двух морей» старший сын Руми описывает так: «Вдруг появился Шамс и указал Мавляне путь, ведущий к завоеванию любви Аллаха. Тайна Шамси открылась великому из великих. Шамс открыл Мавляне мир, который доселе не видел ни один турок, ни один араб и ни один перс».

Но, по всей видимости, было бы не совсем точно описывать отношения Шамса Тебризи и Мевляны только как отношения учителя и ученика. Они были равны. Мевляна тоже был необходим Шамсу. Сам Тебризи не всегда мог перевести в слова свои идеи, для которых характерна была «скрытость и труднодоступность». Известно, что он не любил писать сам. Однако ученики записали его проповеди, которые известны под названием «Маколоти Шамси Тебрези» («Высказывания Шамса Тебрези»). Но, как утверждают исследователи, текст «Маколоти» грешит отрывочностью.

Мевляна же имел талант выразить в словах «невывразимое». Оба эти человека были крупнейшими на Востоке учеными и отлично дополняли друг друга.

В 1244 году, когда они встретились, Джаладдин Руми было 37 лет, Шамс же Тебризи был на 21 год старше его, соответственно, ему было примерно 58.

...Но, как было сказано, Тебризи в Конье столкнулся с противостоянием со стороны родственников и учеников Мевляны, которые настраивали горожан против Шамса. Он решил уйти. И 15 февраля 1246 года пропал.

Мевляна сходил с ума от тоски. Он перестал спать и принимать пищу. Ученики, думается, надеялись, что с уходом Шамса Руми вернется к своим обязанностям. Но они ошиблись. Преподавание – это было последнее, о чем тогда мог думать Мевляна. Он вел жизнь отшельника и непрестанно молил Аллаха вернуть ему друга. Молитвы эти начали выливаться в прекрасные рифмованные строчки.

*О, ступайте скорей и найдите,
Приведите любимого друга домой.*

Луноликого к нам заманите

Сладкой речью и песней златой.

Его слово могуче и зрело,

Может реки он всять повернуть.

Обещаньям его и отсрочкам

Не давайте себя обмануть.

Лишь бы он подобру-поздорову

Возвратился и в дверь постучал.

И тогда вы узрите такое,

Что ни разу сам бог не видал.

Миртазали Дугричилов приводит цитату из книги «Фихи ма фихи», где Мевляна говорит: «...Пребывая в состоянии столь всепоглощающей Любви, что, когда друзья приходили ко мне, я в страхе, что они могут помешать мне, творил и читал стихи, дабы этим увлечь их. А иначе для чего

мне нужна была бы поэзия? Клянусь Богом, я никогда не питал к поэзии никакой склонности, и в моих глазах нет худшего занятия, чем она. Но сейчас она стала обязанностью, возложенной на меня свыше...».

Так у человека, прежде далекого от поэзии, открылся чудесный дар стихосложения.

Примерно через месяц пришла весть, что Шамс Тебризи живет в Дамаске, за 600 километров от Коньей. Мевляна тут же начал действовать. По одной версии, он сам вместе с Султаном Веледом поехал к Шамсу и вернул его в Конью. По другой версии, он послал туда одного Султана Веледа. Передав деньги, собранные отцом, ведя тонкие переговоры, Велед все-таки уговорил Шамса Тебризи вновь посетить Мевляну. На эти переговоры ушло больше года. Шамс с Веледом вернулись в Конью в мае 1247 года.

Шамс возвратился сам и, по сути дела, вернул к жизни Джалаладдина Руми.

Мевляна был счастлив. Он устроил по поводу возвращения друга широкие празднества. Руми надеялся, что все будет по-старому, что Шамс безотрывно будет присутствовать рядом с ним. Он даже женил друга то ли на ученице, то ли на родственнице, то ли даже на собственной дочери.

Самую известную в России книгу о Мевляне, которая называется «Джелаледдин Руми», написал Радий Фиш (М., 1972). Автор говорит о том, что Мевляна выдал за Шамса свою шестнадцатилетнюю воспитанницу. Два года назад младший сын Руми, Алаэддин, пытался сам взять ее в жены (третьей женой). Но поскольку отец знал характер Алаэдина, злого и завистливого человека, считавшегося только со своими прихотями, он не отдал воспитанницу за сына. Теперь же Шамс стал ей хорошим мужем.

Однако довольно скоро эта женщина внезапно умерла. Есть предположение, что она случайно отравилась лакомством, которое недруги прислали для Шамса. Но город заговорил о том, что в смерти юной жены виноват сам Тебризи. Жизнь в Конье для него становилась все опаснее.

И, наконец, в ночь на 5 декабря 1247 года Шамс снова пропал. У Мевляны поначалу была надежда, что его свободолюбивый друг и наставник опять ушел по собственной воле. Но все настойчивее стали просачиваться мрачные слухи о том, что друг его был убит непримиримыми учениками. А больше всего было то, что одним из убийц называли Алаэдина. Отец перестал произносить имя младшего сына и, как мы уже говорили, даже не пошел на его похороны.

Горе Джалаладдина Руми от потери любимого друга было непереносимым. Он то уходил в себя, то метался, как раненый лев. Три раза вместе с Султаном Веледом ездил в Дамаск на поиски Шамса. Друга отыскать не удалось. Но постепенно Мевляна пришел к мысли, которая несколько успокоила его: он сам и Шамс Тебризи – это две створки одной раковины, в которой скрыта жемчужина истины.

Радий Фиш приоткрывает завесу тайны над историей исчезновения Шамса. Жена Султана Веледа, пишет он, намного пережила мужа. Уже в глубокой старости, перед смертью, она поведала внуку

то, что рассказывал ей Велед. Через несколько дней после того как пропал Тебризи, Султан Велед прослышал, что той злосчастной ночью семеро мюридов Мевляны во главе с Алаэдином устроили засаду около дома, где жил Шамс. Они вызвали его. Шамс вышел и налетел на семь ножей. Убийцы, как шептались люди, сбросили мертвое тело в колодец, что был недалеко от дома.

Слухи надо было проверить. Велед взял троих надежных товарищей, и они в обстановке строгой секретности отправились к колодцу. Спустили туда веревку с крюками и, действительно, вытащили тело Шамса. Решили Мевляне ничего не говорить, опасаясь за его рассудок. Но надо было где-то похоронить человека. Тогда друзья придумали положить тело в готовую, но незанятую усыпальницу, что была рядом. Там и оставили Шамса. И тайна эта оставалась тайной семь веков.

Однако, добавляет Радий Фиш, в середине XX века в этом месте шла реконструкция. И в забытой усыпальнице нашли останки Шамса Тебризи.

Сейчас в Конье, недалеко от Музея Мевляны есть мечеть Шамса Тебризи, в которой находится его гробница. Правда, посетившие эту мечеть люди говорят, что это – кенотаф, то есть символическая могила, в которой нет тела...

«Диван Шамса Тебризи»

Когда Мевляна ощутил в себе огонь души Шамса Тебризи, он принял за большую работу. Решил создать сборник стихов от лица своего горячо любимого друга – «Диван Шамса Тебризи». Он вкладывал в стихи свою тоску и боль, пытаясь освободиться от них, и, кажется, от этого боль отступает.

Обернись, видишь – слёг я, замучен тоской?

Дай хотя бы в бреду повидаться с тобой!

Нет, не встретимся мы – расстоянье меж нами

Дольше жизни самой... Дольше жизни самой!

(Перевод М. Дугричилова.)

В своем «Диване» Руми пользуется всеми основными жанрами средневековой ирано-таджикской поэзии: двустишиями (бейтами), четверостишиями (рубаи), газелями, одами (касыдами).

Специалисты подчеркивают необычность сборника стихов, проявляющуюся в том, что они написаны как бы от имени самого Шамса Тебризи. В иранской поэзии есть такой прием: в последнем бейте газели нередко называется поэтическое имя (тахаллус) автора. Да, у Мевляны есть стихи, где приводится тахаллус Шамса Тебризи. Вот, например, отрывок из такой газели:

...Когда путей нет внешних –

в себе самом ты странствуй,

Как лалу – блеск пусть дарит тебе

лучистый свод.

Ты в существе, о мастер, своем открой дорогу –

Так к россыпям бесценным в земле открылся ход.

Из горечи суровой ты к сладости проникни –

Как на соленой почве плодов душистый мед.

Чудес таких от Шамса – Тебриза славы – ждите,

Как дерево – от солнца дары своих красот.

(Пер. Е. Дунаевского.)

Но это – не всегда. Автор нередко ставит в конце стиха и свое имя. Потому что Шамс и Джалаладдин с некоторых пор – это один человек.

*Вы, взыскующие бога среди небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы – есть Он,
а Он – есть вы...*

*...Для чего искать вам то,
что не терялось никогда?
На себя взгляните – вот вы, от подошв до головы.*

*Если вы хотите бога увидеть глаза в глаза –
С зеркала души смахните муть смиренья,
пыль молвы.*

*И тогда, Руми подобно, истиною озаряясь,
В зеркале себя узрите, ведь всевышний – это вы.*
(Пер. Д. Самойлова.)

А есть в «Диване» и обычные стихи, где Руми предстает традиционным лирическим героем персидской поэзии – Меджнуном, а его любимая – Лейлой.

*Я видел милую мою в тюрбане золотом,
Она кружилась, и неслась, и обегала дом...*

*И выбивал ее смычок из лютни перезвон,
Как высекают огоньки из камушка кремнем.*

*Опьянена, охмелена, стихи поет она
И виночерпия зовет в своем напеве том...*
(Пер. И. Сельвинского.)

Но особенно красивы и поэтичны газели, где автор использует редиф – слово (краткий редиф) или несколько слов (развернутый редиф), – повторяющийся в конце стихотворной строки после рифмы.

*В счастливый миг мы сидели с тобой – ты и я,
Мы были два существа с душою одной – ты и я,
Дерев полутень и пение птиц дарили бессмерти-*
ем нас

*В ту пору, как в сад мы спустились немой –
ты и я...*

*...И вот что чудесно: в тот миг,
как мы были вдвоем –
Мы были: в Ираке – один,
в Хорасане – другой, – ты и я.*
(Пер. Е. Дунаевского.)

Или другое, тоже широко известное произведение:

*О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!
В любовный сон я погружен. Я уж давно влюблен.*

*Еще курилось бытие, еще слагался мир,
А я, друзья, уж был влюблен. Я уж давно влюблен.*

*Семь тысяч лет из года в год лепили облик мой –
И вот я ими закален: я уж давно влюблен.*

*Едва спросил аллах людей: «Не я ли ваш господь?» –
Я вмиг постиг его закон! Я уж давно влюблен.*

*О ангелы, на раменах держащие миры,
Вздыхайте ввысь познавья трон!*

Я уж давно влюблен.

*Скажите Солнцу моему: «Руми пришел в Тебриз!
Руми любовью опален!» Я уж давно влюблен.*

*Но кто же тот,
кого зову «Тебризским Солнцем» я?
Не светоч истины ли он? Я уж давно влюблен.*
(Пер. И. Сельвинского.)

Даже на этих отрывочных примерах видно, что поэзия Джалаладдина Руми не просто благостная лирика, это – лирика философская. В ней указаны вехи религиозного пути, по которому должен следовать суфий, чтобы достичь Бога.

Интересен комментарий к газели «О вы, рабы прелестных жен!..», который дает, с точки зрения теории суфизма, исследователь творчества Руми Д. Щедровицкий (<http://prt.sufism.ru>):

«Здесь Руми говорит о любви как творящем Божественном начале и основе мироздания. Дух поэта, который существовал изначально и был «влюблен» в Истину еще до сотворения вещественного мира (когда «еще курилось бытие, еще слагался мир»), – прошел множество стадий – «семь тысяч лет», символически соответствующие Семи Дням творения... Согласно суфийскому преданию, души всех будущих людей еще до сотворения мира предстали пред Аллахом, и Он обратился к ним с вопросом: «Не я ли ваш Господь?» (в Коране с этим вопросом Аллах обращается к потомкам Адама на Земле – см. Коран 7, 172). Поняв вопрос, часть душ воспылала безграничной любовью к Аллаху. Впоследствии именно эти души стали на земле великими учителями веры, мистиками, поэтами и суфийскими мучениками. Для самого Руми лик Возлюбленного – Аллаха – как бы «отразился» в лике его духовного наставника – Шамса...».

Что же касается газели «В счастливый миг...», то востоковеды, комментируя ее, ссылаются на религиозные практики, как индийские, так и суфийские, когда душа человека, находящегося далеко, «присутствует» рядом с любящими его людьми. Шамс, как говорит легенда, обладал еще и не такой силой.

Наряду с глубокими философскими размышлениями в стихах Мевляны есть и темы, которые касаются каждого из нас. Например, о двойственности человеческой души:

*То любят безмерно, а то ненавидят меня.
То сердце дарят, то мое сокрушают, казня;*

*То властвую я, как хозяин, над мыслью своей,
То мысль моя держит в тисках меня,
как западня;...*

*...То мерзок и дерзок, несносен и тягостен я,
То голос мой нежен и радует сердце, звеня;*

*Вот облик познавших: они то чисты и светлы,
То грязью позора клеймит из порока ступня.*
(Пер. Д. Самойлова.)

Но одно произведение Джалаладдина Руми знают все жители Турции так, как мы, например, знаем лермонтовское «Бородино», которое учат в школе. Его читают и цитируют на русском языке в

разных переводах. Нам удалось найти такое:

*Приходите опять, пожалуйста,
приходите опять.*

*Кто бы вы ни были,
Верующие, неверующие, еретики или язычники.
Даже если вы уже обещали сто раз
И сто раз нарушили обещание,
Эта дверь – не дверь безнадёжности и уныния.
Эта дверь открыта для каждого,
Приходите, приходите, как есть.*

Это стихотворение – образец всеобъемлющей любви к людям, такой любви, которой нам, простым смертным, может быть, никогда и не удастся достичь.

Иногда поэт высказывает в своих произведениях просто потрясающие мысли. Например, о потере близкого человека. Видимо, это цитата из книги «Фихи ма фихи». Источник (сайт FB.ru. Персидский поэт-суфий Джалаладдин Руми: биография) также не указывает переводчика.

*Бог говорит: «Кого бы ты ни полюбил сильнее
Меня, того Я заберу у тебя...».*

*И ещё: «Не говори: «Не проживу без него!» –
Я сделаю так, что проживёшь.*

*Сменится время года, ветки деревьев,
некогда дававшие тень, высохнут,
терпение иссякнет, та любовь,
что ты считал искренней, покинет тебя,
ты будешь в замешательстве.*

*Твой друг обернётся врагом,
а враг вдруг станет другом –
вот таков этот странный мир.*

*Всё, что ты считал невозможным,
осуществится...*

*«Не упаду», – скажешь и упадёшь,
«Не ошибусь», – и ошибёшься.*

*И самое странное в этом мире –
«Это конец», – скажешь.*

И всё равно будешь жить...

Горькие слова. Но почему от них становится светлее на душе? Это знает тот, кто потерял близкого человека и нашел в себе силы жить дальше...

После исчезновения Шамса Тебризи Джелаладдин Руми прожил еще 26 лет. Сначала рядом с ним был его старый друг Салахутдин Заркуб, а после его смерти – еще один из его учеников, Хисамуддин. Именно ему мы обязаны тем, что Руми написал свою самую известную книгу – «Маснави». Он вдохновлял автора на работу над притчами, записывал их, собирал в одно произведение. Блещущая юмором, пропитанная поистине народным духом, «Маснави» в то же время своего рода «дорожная карта», которая помогает мюриду двигаться по духовному пути. И именно этим она интересна не только мусульманам, но и представителям другой веры.

Джалалдин Руми говорил: «Не ищите мою могилу на земле. Я похоронен в душах просвещенных людей». Вот уже семь с половиной веков просвещенные люди с увлечением читают произведения великого средневекового гуманиста и отдают ему должное.

*Фото Ольги Ронжиной
и Арсения Измайлова*

Танцующие дервиши на улицах Коньи, в витринах больших магазинов и маленьких лавочек

Музей Мевляны. Главный фасад

Двор музея

Суфий в своей келье

Член общины (справа) отправляется на базар за покупками

Обучение танцу сэма

Старейшины ордена мавлави за ужином

Древняя рукописная книга

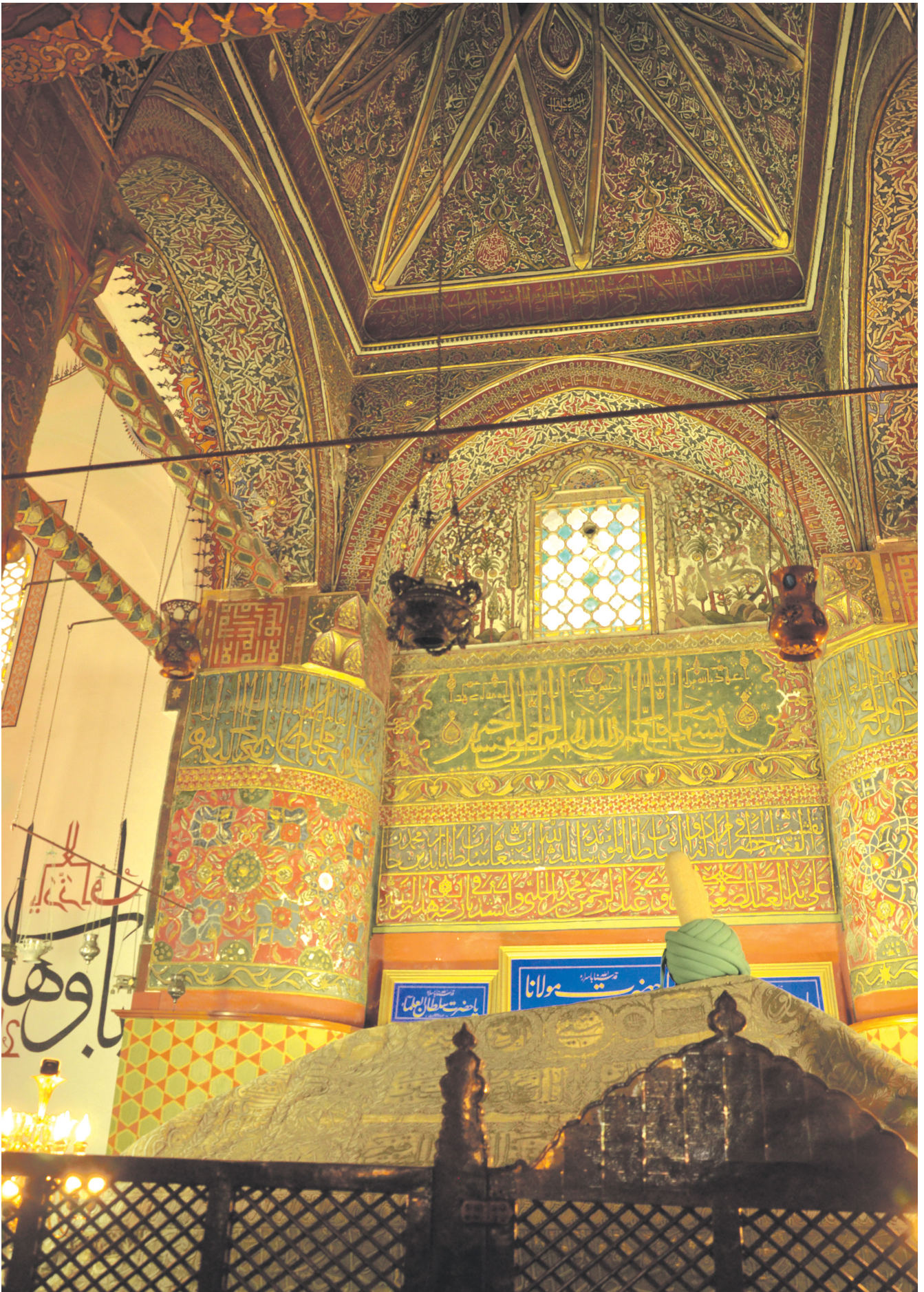
Кухонная утварь.

Гигантские чётки

Почтовая сумка

Могилы Джалаладдина Руми и его отца

Рядом с ними похоронены члены семьи и самые видные руководители ордена

Старинная подставка под Коран

Самая великая ценность музея: в этой шкатулке – фрагмент бороды пророка Мухаммада

Суры Корана, вписанные в рисунок

Анталья. Макет Музея Мевляны в парке «МиниСити»

Рядом с мавзолеем – небольшое кладбище

ЗИМНИЙ ФЕСТИВАЛЬ ВЕРЛИБРА

12 января 2019 года в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова состоялся зимний фестиваль верлибра.

Верлибр – это стихотворение, написанное не по правилам классического стихосложения. Как правило, такие стихотворения лишены рифмы и размера, но сохраняют целый ряд стихотворных признаков, таких как разбиение текста на строки, написание строк с заглавной буквы и других. Верлибр в России приобрел особую популярность в эпоху Серебряного века русской поэзии. Практически все поэты той поры так или иначе обращались к верлибру. В то же время верлибр не стал массовым явлением и ни один поэт того периода не сделал свободный стих своей основной творческой формой.

Идея проведения фестиваля верлибра в Ульяновске принадлежит Vere Липатовой и Елене Кувшинниковой. На праздник верлибра были приглашены ульяновские авторы, поклонники свободного стихосложения.

Вера Липатова (литературный псевдоним Верочка Вербина) – доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета – прочла участникам фестиваля лекцию «Слово о верлибре» и познакомила со своей новой книгой «ВЕРЛИБРОМ ГОВОРИМ». Известные ульяновские поэты – Гала Узрютова, Сергей Гогин, Александр Четверкин, Илья Таранов, Александр Тимаков, Олег Киселев, Александра Белова, Елена Кувшинникова и другие – прочли свободные стихи. Стихи-верлибры любимых классиков – Александра Пушкина, Александра Блока, Иосифа Бродского, Михаила Кузмина – прозвучали в исполнении Веры Липатовой. Ульяновские поэты прочли также стихи заочных участников фестиваля из Москвы, Петербурга, Твери. А в музыкальном исполнении Елены Ушаковой прозвучало стихотворение Марины Цветаевой «Я бы хотела жить с Вами...».

В завершение вечера среди участников был проведен мини-конкурс экспромтов «Зимний верлибр». Итоги состязания подвела Вера Липатова и подарила победителям свои книги.

Надеемся, что фестивали верлибра в Ульяновске станут ежегодной традицией.

(Стихи участников Зимнего фестиваля верлибра будут опубликованы в следующих номерах «Симбирска»)

Фото Михаила Липатова

СВОБОДНЫЕ СТИХИ?
СВОБОДНЫЕ СТИХИ...
СВОБОДНЫЕ СТИХИ!

Вера ЛИПАТОВА

* * *

твои сообщницы звезды
трепещут
он не забыл

мой возлюбленный ветер
усмехается
провокация

**НЕСКОЛЬКО НАИВНАЯ ЗАПИСЬ В ОДНОЙ ГОСТЕВОЙ КНИГЕ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА ДИСКУРСА**

**или
ДЕЛОВОЙ ПОДХОД**

милая маша
прочитал ваш сайт
когда с вами можно
встретиться

* * *

если я с тобой уеду в германию
то буду там обучать непальцев и нигерийцев
культуре русской речи
а ты
вставать в 6 утра
готовить завтрак обед и ужин
мыть полы столы посуду

открывать мне двери и закрывать их за мной
 носить вещи в праче[ш]ную
 а изношенную обувь в ремонтную мастерскую
 и
 проклинать себя за то
 что
 раньше не сподобился подобного рая

ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ

1

* * *

в хорошей семье
 сотовые телефоны
 валяются
 в прихожей

за ненадобностью

2

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЫНУ МОЕЙ ПОДРУГИ, ПОГИБШЕМУ ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИМ

даже
 в богом забытом местечке

мириам растит свое дитяtko

на заклятие всему человечеству

3

АВТОПОРТРЕТ

через лет

брошенная рукой творца
 на землю
 маленькая
 хотя и красивая

песчинка

чающая движения воды

рано или поздно
 смываемая
 в океан бесконечности

ОТ ИМЕНИ ТЕБЯ

твои
 не присланные электронные письма
 я
 сначала сжигаю

потом
 кладу пепел в ящик стола

и
 прорезаю в нем замочную скважину

в виде
 разломов моего сердца

* * *

о
 я совсем
 о нем не думаю
 и еще полчаса
 она
 наслаждалась этой мыслью

* * *

за помадой
 они
 чуют разрез губ
 за маникюром
 нежность пальцев
 за одеждой (как известно)
 очертания форм
 а за целыми нами

целых себя

* * *

можно жить так
 а можно эдак
 от этого ничего
 не меняется
 ни дата твоего рождения

* * *

опять
 я
 выросла
 из чьей-то любви

наверное
 поэтому
 я такая
 большая

* * *

любовь
 не карьера

инициатива
 приносит
 одни поражения

* * *

у вас
 есть
 что-нибудь
 новенькое
 свеженькое
 ужасненькое

* * *

обращение на Вы
 как надежная преграда
 для

ПОВОРОТ СЮЖЕТА

теперь
 в стихах
 давай мечтать

о встрече

* * *

на последней
своей фотографии
ты
демонстрируешь
отсутствие лысины
наличие морщин и
нежные пальцы
эльфа-нефелита

* * *

говорить люблю
и по-прежнему
только смотреть
в окно

это ли не ад на земле

* * *

человеку на Камчатку
можно
писать
все что заблагорассудится

* * *

любовь моя
к тебе

литературная условность
как и твоя
ко мне

литературный штамп

* * *

когда
мы
так
прекрасно
уживаемся в тексте

к чему
претендовать
на иную реальность

* * *

я дана тебе для нового сюжета

* * *

если
я подключу инет
я перестану
мыть посуду
полы
есть пить спать
а буду только
писать тебе письма
о том
что я перестала
мыть посуду
полы
есть пить спать

ты ответишь?

* * *

НЕЛЬЗЯ
смотреть
им
глубоко
в глаза

они
начинают
считать
тебя

своею

* * *

нашей любви
необходима
переписка

ее же и достаточно

* * *

скрипящий снег
темные деревья
серое-серое небо
и
тонкая
паутинка
воспоминаний о тебе

В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ

ощутив начало конца
распечатаю на гиперцветном суперпринтере
письма
моих электронных возлюбленных

разрежу на полоски
и
буду грызть
вместо конфет

зигмунд фрейд
письма к невесте

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

со мной
соблазнительно
и
безопасно
я
столь
интересна
что
можно не задумываться

красива ли
женщина ли

* * *

когда же
я
перестану
откладывать
самое
себя

* * *

возраст
седина
морщины
надежная защита
как бы не так

* * *

наша
взаимная
безответная

наивная попытка
остаться в Вечности

* * *

ах если б
сразу знать
что
ты
претендуешь
на роль пастушка

* * *

радуйся

в твоей жизни
есть
я
в виде капли росы
на зеленом листике
бытия

* * *

мужчины-поэты очень галантны
некоторые хотят поцеловать мне руку
или хотя бы пожать мою лапу
но я не даю
не хватало мне еще

бессонной ночи

* * *

ты
подошел ко мне
а дальше
как в кино
только я

не смотрела
этого фильма

* * *

с твоей
пролонгированное любопытство
с моей
локально вспыхивающее удобство
с обеих
честно скрываемые манипуляции

в стихах мы это
называем почему-то
любовью

* * *

рот
пахнувший тиной
выплывающий жаб и землероек
страшится
амброзии блаженства

* * *

входит она (не то что вы подумали)

почему я терплю его колкие замечания

вота пряма сичас

встать
рвануть на себя железную дверь
и и и
шарахнуть ею
по пустым бочкам / ведрям / бутылкам /
флягам / диспенсерам от кулера

а бочки-то чем виноваты

СУРОВАЯ НАУКА ПРАГМАТИКА

запрещает верить тем
кто делает мне комплименты

маленькая
смешная
одинокая девочка
прыгает от радости

я нужна
я нужна
я нужна

* * *

меня
невозможно бросить

как невозможно
подобрать

я
не
валяюсь

* * *

я принимаю форму ребра
того мужчины
который сегодня
со мною рядом

* * *

я говорю то что
все хотят услышать

но никто не решается произнести

НОВЫЙ АСКЕТИЗМ

ограничение
себя
в
себе

ПЕРЕКРЁСТОК

*Сергей ГОГИН, поэт, журналист.
Ведёт занятия в литературной студии
«Восьмёрка» при городской библиотеке №8.
(http://new.vk.com/lit_vosmerka/)*

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В январе говорили в литературной студии «Восьмёрка» о современной поэзии (Дмитрий Воденников, Дмитрий Быков, Вера Павлова, Андрей Родионов).

Тема оказалась непростой, вызвала много неприятия. Оно связано с тем, что современная поэзия отходит от классических канонов – и тематически, и стилистически, и поэтому многим людям, воспитанным на классике или «околоклассике», кажется чуждой. И поэтому возникает бронепробойный вопрос: а зачем читать современные стихи, если есть, например, те же Пушкин или Заболоцкий?

В этом много субъективизма на уровне «это моё, а это не моё. Это мне нравится, а это – отвратительно». Тогда другой вопрос: нужно ли прилагать усилия, чтобы разобраться в том, что в «отвратительно» отвращает? Может быть, оно отвратительно именно потому, что ты поддался первому чувству («не моё») и отказался исследовать автора и массив его текстов? Или, если всё же удалось прочитать много текстов, преодолевая сопротивление, а автор всё равно «не зашёл», то связано ли это с автором или это история про тебя самого? Может быть, автор задел своими стихами нечто, с чем тебе больно, стыдно, неохота встречаться в тебе самом? Вот и получается, что человек, читая стихи и отвергая их, встречается не с миром, а со своим несогласием с ним, но дальше этого идти не хочет.

В этом смысле каждое прочитанное стихотворение – это твоя собственная проекция. Каждое стихотворение, в принципе, про тебя самого. В большей или меньшей степени. «Я вас любил, лю-

бовь ещё, быть может...» – про многих, но это всеобъемлющая тема, поэтому простой для понимания случай. Есть вещи и более сложные для восприятия и понимания. Вот про стихи Дмитрия Воденникова пишут, что читать их и больно, и стыдно, и страшно, и поэтому – сладко, они не отпускают, к нему возвращаются. А у другого человека те же самые стихи вызывают стойкое отторжение. Диалектика субъективного и объективного здесь сложна, многослойна. Дело осложняется (или, наоборот, облегчается?) тем, что многих поэтов надо ещё и слушать, помимо того, чтобы читать глазами, и в устах некоторых из них звучащее слово более доходчиво, эмоционально, эффектно и эффективно, чем напечатанное. Так зачем читать современных поэтов? Ну, хотя бы затем, чтобы следить за эволюцией поэзии, видеть, как развиваются отдельные поэты и поэтический процесс в целом, как река поэзии меняет берега, куда ветвится, какие деревья растут на ее берегах, густы ли травы в ее поймах. Никто не знает, кто из нынешних станет классиком через сто лет, как двести лет никто не знал, что классиком станет Пушкин, а сто лет назад не знали, что классиками станут Блок, Ахматова, Мандельштам. Кто знает, может быть, будущий классик только что оставил свой автограф в вашем экземпляре его книги, написав: «Пусть у вас всё будет хорошо!»

Год театра

ЗА ГУМАНИЗМ В ИСКУССТВЕ

Вручение премии «На Благо Мира»

С учредителем национальной премии «На Благо Мира»
Александром Усаниным

Дмитрий Аксенов. Москва. Декабрь 2018

8 декабря 2018 г. в киноконцертном зале «Мир» в Москве состоялась торжественная церемония награждения лауреатов Всероссийской национальной премии за доброту в искусстве «На Благо Мира».

Премия присуждалась в 12 номинациях.

В номинации «Театр» победителем стал спектакль «Чудесные странники» ульяновского театра *Enfant-Terrible*.

Лауреаты определялись в два тура: зрительским голосованием и решением авторитетного экспертного совета. Из пятидесяти пяти театральных работ (театров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Астрахани и других городов) лауреатом признан спектакль ульяновского театра.

Это радует и вдохновляет.

Поздравляем художественного руководителя театра Дмитрия Аксенова и творческий коллектив с заслуженной наградой!

Устремленность создателей спектакля совпадает с целями организаторов премии.

В каждой своей работе артисты ведут разговор со зрителем о гармонии, добре, красоте, о том, чего так нам не хватает в современном мире.

«Главное – стремление к красоте. Размышляя, «что такое красота», я понял, что красота – это зримое воплощение любви. Она вокруг. К ней надо стремиться, возвращаться, поднимаясь над мелочами жизни, над шелухой... Красота дает силы жить, дает ощущение благодати», – говорит Дмитрий Аксенов. Спектакль «Чудесные странники» поставлен по пьесе Дмитрия Аксенова. (Пьеса была опубликована в журнале «Симбирск».)

Этот спектакль – сказка добрая и чудесная.

Рекомендуем всем зрителям, которые еще не видели постановку, непременно прийти в театр *Enfant-Terrible*!

Наша справка

Независимая Национальная интернет-премия «НА БЛАГО МИРА» присуждается лицам и организациям за гуманизм в искусстве и общественной деятельности.

С декабря 2018 года на портале nablagoira.ru открыт новый конкурс Премии за доброту в искусстве «На Благо Мира» 2019 года. На конкурс принимаются работы, вышедшие в свет в 2018 – 2019 годах. Главный критерий – эти произведения должны делать внутренний мир людей лучше!

Любовь ПАПЕТА, член Союза журналистов России, автор нескольких книг прозы.

Работает в издательском отделе областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова.

РЕЗЕДА

из цикла «Светлые рассказы»

С самого утра на улице стоял такой шум, что Наталья Михайловна вынуждена была уйти с террасы, где она работала, в кабинет. Пропало вдохновение, уже не приходили в голову светлые мысли. Посидев ещё немного за компьютером, женщина спустилась в кухню, налила стакан сока и снова вышла на террасу.

Их такой тихий переулочек, в котором редко появлялись грузовые автомобили, сегодня был похож на филиал мебельного склада. В дом напротив разгружали шкафы, диваны, ковры, узлы и баулы... Похоже, у супругов Свиридовых появились соседи.

Этот дом пустовал несколько лет. По вечерам он навевал тоску своими тёмными пыльными окнами. В посёлке ходили слухи, что человек, построивший его, был застрелен прямо на пороге накануне переезда. Это было еще до того, как Наталья с мужем поселились на этой улице.

Пару месяцев назад в «нехорошем» доме появилась бригада ремонтников. День за днём происходили изменения. Сначала расчистили сад от сухих деревьев и старых листьев. Заменяли окна на пластиковые. Покрасили белой краской балкон и веранду на первом этаже. Позже в чистых окошках заулыбались ламбрекены кружевных занавесок. Дом преобразился. Уже не тоской, а гостеприимством веяло от этого ставшего даже симпатичным домика.

На прошлой неделе работы закончились покраской забора и очисткой территории вокруг. И вот теперь кто-то заселялся в обновлённый и повеселевший особнячок.

Как журналист, Наталья Михайловна была очень любопытна. Основной темой её «Светлых рассказов» стали судьбы людей. Ей всегда было интересно, кто живёт, кто мечтает, работает, грустит и радуется рядом с ней.

Свою девичью фамилию – Светлова – она сделала псевдонимом и теперь подписывала рассказы: Наталья Свет.

Попивая прохладный сок маленькими глотками, она с интересом рассматривала новых жильцов загадочного дома.

Тяжёлые вещи, конечно, заносили грузчики, но рядом с ними то и дело возникала девочка лет двенадцати. Она иногда брала с машины какой-нибудь небольшой пакет и несла его в дом. Распоряжался всем высокий молодой человек в светлых джинсах и жёлтой футболке.

В конце улицы появилась белая «ауди». Она медленно подъехала к дому. Из неё вышел высокий седой мужчина, открыл дверь и помог выйти дородной женщине в длинном тёмном платье. С другой

стороны выскочила девушка лет шестнадцати и побежала во двор. Там тут же послышались веселые девичьи голоса и смех.

Терраса у Натальи за лето сильно заросла диким виноградом. Она надеялась, что её не видно с улицы, и продолжала наблюдать за семейством новых соседей.

В том, что это семья – отец, мать и трое детей, она почти не сомневалась. Юноша был похож на мужчину, вышедшего из белого автомобиля, а девушки слишком юны, чтобы претендовать на роль жены молодого человека.

Журналистка понимала, что это не совсем этично – такое наблюдение, но ничего не могла с собой поделать. Хотя вскоре смотреть стало не на что – новые хозяева ушли в дом, а грузчики почти закончили заносить вещи.

На лестнице послышались шаги – из мастерской поднимался муж. Наталья Михайловна встрепенулась – она совсем утратила чувство времени, а ведь уже пора обедать.

Пока муж плескался под душем, Наталья разогревала борщ, ставила на стол блюдо с салатом, нарезала хлеб. Она так и не научилась готовить популярные в этих краях щи. Борщ был любимым первым блюдом в их семье.

– Похоже, у нас появились соседи. – Вытирая голову полотенцем, в кухню вошел Павел Васильевич. – Интересно, кто они?

Как и жена, он был любознателен, к тому же судьба пустующего дома волновала всех, живущих по соседству.

Улица, где семь лет назад обосновались супруги Свиридовы, была довольно тихой. Жили в основном спокойные и солидные люди чуть выше среднего достатка. Здесь не собирались компании шумных подростков, никто не устраивал громких вечеринок. Но и в гости никто друг к другу не ходил. Посёлок был относительно молодой – всего-то лет пятнадцать, как здесь появились солидные дома.

Наталья Михайловна знала, что её муж довольно сильно скучает без общения с людьми. Полковник запаса, он всю жизнь находился в центре человеческого водоворота. А теперь вот, кроме жены, и поговорить-то не с кем... Правда, он нашёл себе занятие – два раза в неделю на общественных началах вёл в поселковой школе автомобильный кружок.

Наталья Михайловна иногда сердилась на него – он перетаскал туда из дома кучу инструментов и запчастей, тратил свои деньги на покупку каких-то пособий и материалов. Но всё её недовольство улетучивалось, когда Павел Васильевич рассказывал ей о том, какие талантливые мальчишки занимаются в его кружке.

– Да, похоже, что это семья – родители и трое детей. Старший сын уже взрослый, а дочки – подростки.

За обедом разговор то и дело возвращался к новым соседям. Но пищи для обсуждения было совсем немного. Поэтому вскоре супруги увлеклись спором о том, каким цветом покрасить новые ворота гаража. Наталья настаивала на бежевом – под цвет забора, а Павел Васильевич хотел использовать остатки зелёной краски – экономия всё-таки.

* * *

Медсестра Лидочка выглянула в коридор:

– Ирина Васильевна, ещё двое пациентов. Сегодня закончим пораньше. Я поставлю чайник.

Врач кивнула, продолжая делать запись в карточке больного.

Через полчаса женщины пили чай с пряниками и обменивались местными новостями.

– Вы слышали – на Южной в тот пустующий дом въехали жильцы. – Лида торопилась рассказать докторше то, что она узнала от одной из пациенток.

Ирину Васильевну мало интересовала судьба какого-то дома, но говорить о чём-то было надо – не сидеть же всё время молча.

Докторша в поселке жила всего год и его обитателей знала в основном по диагнозам. Она согласилась работать здесь исключительно из-за квартиры. Когда муж оставил её с дочкой без жилья, ей пришлось уехать из большого города. В посёлке был довольно приличный фельдшерско-акушерский пункт, с двумя квартирами – для врача и для водителя «скорой».

Надо сказать, что со временем Ирине здесь даже понравилось. Люди приветливые, доброжелательные. В посёлке есть практически всё для нормальной жизни, кроме оперного театра. Самые новые кинофильмы показывают в школьном актовом зале три раза в неделю. И надо сказать, что люди охотно ходят на эти сеансы.

Да и школа здесь была вполне современная. Вика – дочка Ирины – училась в третьем классе. Учителя грамотные, преподавали замечательно. Классы небольшие – по 12-15 человек. В школе множество секций и кружков, есть даже музыкальный. Вика с удовольствием оставалась после уроков «на музыку».

Единственное, что беспокоило молодую женщину, так это невозможность устроить личную жизнь. Свободных мужчин в посёлке не было, кроме разве что старого боцмана Семёныча.

Сквозь пелену невесёлых мыслей к сознанию Ирины пробилась слова медсестры:

– Сын у них заканчивает аспирантуру при университете, говорят, большие надежды подаёт в медицине.

– Чей сын? – Очнулась докторша.

– Ну, я же говорю вам: жильцы новые на Южной. Там мать, отец, сын и две дочки-подростки.

– Да? – переспросила Ирина. – И сколько лет ему?

– Если аспирант, то лет 27, я думаю...

Ирина вздохнула разочарованно: молод. Ей самой уже исполнилось 32. Стройная, высокая, светловолосая – на вид не больше 25. Иногда ей даже приходилось напускать на себя излишнюю стро-

гость, чтоб казаться солиднее – пациенты поначалу не воспринимали всерьёз такого молодого лекаря. Но так было только в начале её карьеры здесь. Со временем жители поселка разглядели в молодой докторше отличного диагноста, внимательного и грамотного врача.

* * *

День для сочинительства очередной новеллы был потерян окончательно. Вдохновение рассеялось под грохот разгружаемой мебели и матерка грузчиков.

Наталья Михайловна решила пересмотреть свои записи и «сокровища» «французского периода». Так она называла три месяца практики в университете Ле-Мирай города Тулузы. Когда она заканчивала вуз, ей, как одной из лучших студенток, предложили практику по обмену. Французский студент приезжал на её место и практиковался в русском. Она же отправлялась во Францию оттачивать местное произношение.

Как давно она не вспоминала об этом чудесном времени... Да и язык основательно подзабыла. Практики разговорной нет. Книги она иногда почиtywает – Дюма или Мериме в оригинале. Любимыми же авторами у неё были и остаются Братья Гонкуры. Особенное удовольствие Наталья Михайловна получает, сравнивая оригиналы с переводами. Правда, на русский язык переведено не всё наследие Гонкуров, но то, что ей удалось раздобыть, порой удручает... Иногда ей приходили мысли самой заняться переводом любимых авторов, но всё не хватало времени...

В домашней библиотеке под французские «сокровища» был выделен отдельный шкаф. Обязательный бюст Вольтера – не привезти его тогда из Франции было просто нельзя. Нескольких десятков книг на французском, русском и украинском, который Наталья знала с рождения – её мать украинка. Украинские книги она тоже привезла из Франции. Это были произведения Жюль Верна и Дюма-отца. Четыре папки с завязками – в них фотографии, дневники студентки и лекции, которые она записывала в университете Тулузы на факультете иностранных языков и зарубежной литературы и культуры.

Как давно она не развязывала эти тесемки...

* * *

К вечеру поднялся неприятный ветерок. Похоже, он надует дождик. Ирина Васильевна пошарила рукой в ящике стола. Дежурного зонта не было. Ах, да – его ещё пару недель назад брала Лидочка, а вернуть, как всегда, забыла. До дома Ирине – всего-то – за угол завернуть, но она хотела дойти до торгового центра – Вика позвонила после уроков, сказала, что хочет чего-нибудь вкусного. Женщина решила зайти домой, переодеться по погоде, а уж потом – за вкусненьким.

На крыльце амбулатории послышались быстрые легкие шаги, в кабинет решительно постучали и, не дождавшись ответа, открыли дверь. На пороге стоял высокий молодой человек. Видимо, он бежал или быстро шёл. Справившись с дыханием, спросил:

– Здравствуйте, вы врач? – Не дожидаясь отве-

та: – Маме стало плохо. Я тоже врач, но у меня нет с собой нужных препаратов.

Ирина догадалась, что это новый обитатель Южной улицы.

– Что с больной? – спросила, уже протягивая руку за дежурным чемоданчиком.

– У мамы астма. Мы сегодня переехали в новый дом. Там всё ещё пахнет краской и побелкой. Как нарочно закончился препарат в ингаляторе. Но, похоже, у неё ещё и с сердцем проблемы.

Ирина заглянула в чемоданчик – всё было на месте. Накинула дежурный плащик, заперла кабинет и входную дверь. На крыльце порыв ветра растрепал её белокурые волосы, она подняла руку, неловко придержала прядь. Молодой человек взял из её руки тяжёлый чемоданчик. Женщина накинула капюшон плаща – начинался мелкий дождик.

Измерив больной давление и сделав укол, Ирина убедилась, что опасность миновала. В доме и правда сильно пахло после ремонта. Она велела открыть окно в комнате, а поскольку на улице стало прохладно после дождя, заботливо укрыла уснувшую женщину пледом, который принесла старшая девочка. Младшая испуганно выглядывала из-за двери.

Ирина только теперь вспомнила, что забыла позвонить дочери. На цыпочках она вышла из комнаты, куда тут же шмыгнула младшая девочка.

Вика ответила сразу же – ждала звонка:

– Мамочка, что же ты так долго? – В голосе девочки слышались слёзы.

Ирина успокоила девочку, сказала, что скоро будет дома, что она у больной. Но в магазин уже не успеет, придется обойтись без вкусенького.

Девочка успокоилась и сказала, что почти все уроки уже сделала.

Положив телефон в сумочку, Ирина огляделась и встретилась взглядом с молодым человеком, который привел её в этот дом.

Он подошел, взял её руку, поднес к губам:

– Спасибо Вам за маму.

Ирина неловко высвободила руку:

– Это моя обязанность.

– Мы не познакомились. Меня зовут Дамир.

– Ирина Васильевна.

Дамир улыбнулся:

– Так строго? Хорошо, я согласен, надеюсь, что смогу завоевать Ваше доверие и позволение называть просто Ириной. А теперь пойдёмте, я провожу Вас. Дождик закончился, но уже стемнело.

Ирина хотела взять свой плащ, лежавший на спинке, но Дамир опередил ее:

– Позвольте.

В неловком молчании они дошли до дома Ирины. На веранде, прижавшись лицом к стеклу, стояла Вика. Увидев маму, она поспешила отпереть дверь и обрадованная выскочила на крыльцо. Поцеловав девочку, Ирина сказала:

– Это моя дочь, она уже заждалась меня. Извините нас, нам пора ужинать и делать уроки. Завтра я загляну к Вашей маме.

Открыв сумочку, она достала визитку:

– Здесь телефоны – мой и больницы. Звоните в любое время.

* * *

Резеда сидела на низенькой скамеечке у постели мамы. Та дышала ровно и спокойно. Совсем не так, как после разговора с отцом. Они с сестрой осматривали свои комнаты на верхнем этаже, когда снизу услышали мамины рыдания. Девочки сбежали по лесенке и застали отца и маму в гостиной, заваленной ещё не разобранными вещами.

Отец ходил по комнате, то и дело натыкаясь на узлы и ящики. Мама сидела в кресле, держась за горло. Сквозь рыдания слышалось хриплое дыхание. Похоже, у мамы начинался приступ астмы.

Алия (младшая) побежала в коридор, где висела мамина сумочка, принесла ингалятор, но он оказался пуст.

Со двора, где он расплачивался с грузчиками, вошел Дамир. Всё понял и убежал за врачом.

Отец же, не сказав даже «до свидания» дочкам, уехал на своей «ауди».

Из несвязных слов мамы, которые доносились сквозь рыдания, девушки поняли, что отец их бросил. Оказывается, он специально купил этот дом, чтобы перевезти их с матерью сюда, а самому остаться в городе. А сначала говорил, что это для здоровья мамы – ей с её астмой и больным сердцем нужен чистый воздух...

Старшая накапала валерьянки в стаканчик, но мама пить не стала. Она хрипло дышала и все пыталась расстегнуть воротник платья. Девочки принесли несколько подушек, постарались усадить мать поудобнее.

Скандалы между родителями не были редкостью. Сестры догадывались, что отец – такой красивый и преуспевающий – стесняется их матери. Он никогда не брал её с собой на мероприятия, не водил в театр и на концерты, хотя сам часто возвращался домой довольно поздно.

А мама – рано постаревшая, располневшая и больная – устраивала ему истерики и скандалы, после которых у их дома допоздна стояла скорая помощь...

Вскоре брат вернулся с врачом. Маме сделали укол, она уснула.

Когда Дамир ушёл провожать врачиху, девочки сели, обнявшись, в большое кресло в маминой комнате. Им было грустно и страшно. Что теперь с ними будет? В городе они учились в хорошей школе. Их возили на красивой машине, одевали в лучших магазинах... А что в этом крошечном посёлке? Будет ли отец по-прежнему содержать их? Мама-то никогда не работала.

На крыльце послышались шаги брата. Сёстры на цыпочках вышли в гостиную.

* * *

Сегодня с утра всё пошло не так! Наталья Михайловна уронила коробку с кофе. Жаль было кофе. Жаль было времени, потраченного на уборку. Потом подгорела запеканка, которую попросил на завтрак муж. Когда же он, наскоро перекусив бутербродом, улыбаясь в усы, ушёл в свою мастерскую (так торжественно он называл обыкновенный гараж), женщина и вовсе разозлилась. Они ведь собирались вместе съездить в дальний супермаркет. Надо было пополнить запасы круп, сахара, мощных средств.

Такой поход они совершали раз в месяц. А повседневные покупки: хлеб, молочные продукты, лакомства приобретали в маленьком магазинчике на соседней улице.

Наталья решила, что сама ходит в магазин, не дожидаясь, пока муженёк заменит какой-то там фильтр в машине.

Через два часа она возвращалась из магазина с большим пакетом покупок. И почему не послушалась кассиршу и не взяла ещё один пакет? Распределила бы тяжести равномерно. А так – того и гляди, что он порвется и всё посыплется на дорогу. Как не заладилась всё сегодня с утра, так и продолжалось...

Впереди замаячил угол первого дома на их улице. Женщина решила, что отдохнёт там на удобной лавочке, успокоится, а потом позвонит мужу, чтоб он вышел к ней навстречу. Усевшись в тени старого куста сирени, росшего у забора, она достала из кармана курточки платок, вытерла мокрое лицо – конец августа, а так тепло. Или это парит после вчерашнего дождя?

Не успела она достать телефон, как услышала:

– Вот Вы где! А я к Вам, Наталья Михайловна. – Это была директор местной школы Валентина Викторовна. Лет сорока, очень энергичная, умная и пробивная – настоящая директриса – она была симпатична журналистке.

– Здравствуйте. Чем могу быть полезна? – Наталья Михайловна обрадовалась неожиданной встрече. В последнее время жизнь стала скучна и однообразна. Дочка с мужем и внуки уже месяц как уехали, сами они пока никуда не собирались, в творчестве наметился некоторый кризис... Возможно, поэтому она сегодня так сорвалась.

Валентина Викторовна уселась на скамейку рядом, а двое сопровождавших её подростков, остановились поодаль. Поглядев на большой пакет у ног собеседницы, директор обратилась к мальчишкам:

– Знаете, где дом Натальи Михайловны? – Те кивнули. – Берите, несите, а мы поговорим.

Мальчишки взяли пакет за ручки и, примерившись к одновременному шагу, аккуратно понесли его.

Наталья Михайловна почувствовала, что копившаяся в ней с утра тихая ярость растворяется в этом чистом, умытом ночным дождем, солнечном денёчке. Решительный голос директора школы настроил её на деловой лад. Жизнь продолжается, и она нужна людям, нужна себе, нужна мужу, который уже стоял у калитки и ждал мальчишек с пакетом.

Женщины, разговаривая, медленно двинулись вдоль по улице.

– К нам в школу поступили две новые ученицы. Они в городе учились в хорошей гимназии. Я не сомневаюсь в наших учителях – они все замечательные, не хуже, чем городские. Но девочки, кроме английского, изучали еще и французский язык. – Валентина Викторовна перевела дух. – Их отец очень просил меня найти возможность совершенствования их познаний во французском.

Про себя Наталья Михайловна подумала: и что это я вчера вспомнила про свой «французский период»? Как говорит дочь: надо видеть знаки...

А директор между тем продолжала:

– Если хотите, мы в школе организуем фа-

культатив, я думаю, что ещё найдутся желающие, а если для Вас это будет обременительно, то займитесь с девочками дома. Семья очень солидная, отец обещал оплатить репетиторство по городским расценкам.

Они уже почти дошли до калитки, где их поджидали Павел Васильевич и мальчишки, когда из дома напротив выпорхнули две девочки.

– А вот и Ваши ученицы, – сказала директриса. – Давайте знакомиться.

Девочки подошли, поздоровались. Старшую звали Резеда, младшую Алия.

Решили, что в сентябре начнут заниматься дома у Натальи Михайловны, а если в школе ещё найдутся желающие изучать французский язык, то перенесут уроки в школу.

Плохое настроение, преследовавшее Наталью с самого утра, испарилось. Раскладывая купленные продукты по полочкам на кухне, она мурлыкала что-то – то ли напевая, то ли декламируя стихи...

Павел Васильевич только заглянул в кухню и сразу же скрылся – он хорошо знал свою благоверную. После такого небольшого нервного всплеска всегда следовал достаточно длительный период творческого подъема. За это время Наталья успевала наготовить массу вкусных яств (готовить она любила и умела) и написать несколько новелл или одну повесть. Так что беспокоиться было не о чем.

К обеду на столе появился букет из жёлтых и белых хризантем – гордость Павла Васильевича. Всё, что касалось сада и небольшого огорода, было его заботой. Наталья не любила возиться в земле, разве что комнатные цветы... А Павел Васильевич всё свободное время проводил во дворе и в саду.

Когда они купили этот участок, здесь кроме молодой тополиной поросли, камней и старой ивы, не росло ничего. Долго пришлось выкорчевывать корневича и собирать камни. Из них, кстати, получился экзотический сад камней. Драгоценной находкой оказался крохотный родничок. Когда спилили старую иву, из-под её корней просочилась влага. Стали осторожно расчищать это место. Освобождённая вода кристальным фонтаном устремилась на волю. Это был настоящий подарок. Их дом был последним в улице. Участок прижимался к меловым горам. Вот из недр этих меловых гор и вытекала чистейшая водица.

Павел Васильевич соорудил небольшой прудик, запустил туда золотых рыбок. Он мечтал со временем разводить зеркальных карпов. А пока и с этим крохотным водоёмом было много хлопот. На зиму приходилось возводить над ним тёплый шалаш, чтобы рыбки не замёрзли. Зимы здесь всё-таки бывают суровыми.

Летом Светлый Ключ, как прозвал родничок Павел Васильевич, радовал прохладой и тихим бормотанием. Он действительно пытался что-то рассказать людям. Супруги тёплыми вечерами иногда засиживались допоздна в беседке над ручьём, пытаясь разгадать его тайну...

* * *

Занятия с соседскими девочками начались в середине сентября. Погода была тёплой, и Наталья Михайловна позвала учениц в беседку над ручьём.

Проверив познания новых учениц в языке, учительница убедилась, что городские педагоги не зря получали деньги. Девочки довольно бойко тараторили на французском. Но запас слов был невелик – бытовые темы и несколько нехитрых стихотворений. Литературу великой страны знали плохо.

Как выяснила Наталья Михайловна, ни одного солидного автора в подлиннике они читать и не пытались. Хотя произношение было чётким, классическим.

* * *

Когда дочки ушли на занятия по французскому языку, Наиля-апа спустилась на первый этаж, села на веранде в плетёное кресло, задумалась. За месяц, что прошёл после их переезда в этот дом, она ещё больше постарела. А ведь ей ещё нет и пятидесяти... Предательство мужа стало для неё таким ударом, что она до сих пор не могла без слёз вспоминать о том дне.

Женщина и раньше подозревала, что у мужа есть женщина, но и он, и она старались сохранять видимость крепкой семьи – ради детей. Сын уже был взрослым и наверняка догадывался о другой жизни отца. Он давно жил отдельно – отец купил ему квартиру, когда Дамир поступил в аспирантуру. Алия ещё совсем ребёнок, хотя мать подозревала, что она гораздо практичнее и сообразительнее старшей сестры. Красавица Резеда мало обращала внимания на атмосферу в семье – её больше интересовали наряды и мальчишки. Училась она хорошо, но как-то равнодушно, лишь бы не ругали сильно.

Наиля-апа в задумчивости потянулась к вазе с фруктами, стоящей на столике, взяла красивый персик, надкусила. Сок брызнул на подбородок, на платье.

– Ну вот, – недовольно подумала она, – придёт-ся идти переодеваться, да и отстирается ли?..

Тут её внимание привлёк шум автомобиля. Сердце забилось чаще – вдруг это муж?..

Тяжело поднявшись, подошла к перилам веранды. Но нет, это не «ауди». Черный джип остановился через два дома от них. Из него вышли двое молодых мужчин. Один остался возле машины, а другой, вынув из багажника сумки, отправился в дом. Ей это напомнило, как Дамир раз в неделю приезжает к ним и привозит продукты из города. Она с нежностью подумала: заботливый у неё вырос сын.

Дамира она любила и как мать, и как женщина... Порой она не могла разобраться в своих чувствах. Ей трудно было представить, что когда-нибудь он женится. Это было невозможно! Не родилась ещё достойная его! Она заранее ревновала и уже ненавидела будущую избранницу сына.

Когда-то она влюбилась в его будущего отца – безоглядно, страстно. Забыла о чести семьи и о девичьей чести. Бросила школу и сбежала в город к почти незнакомому мужчине. Надо отдать должное – он не оттолкнул доверившуюся ему девчонку, женился. В семнадцать лет Наиля родила Дамира. Неожиданно сильно расплнела и подурнела. Хотя до замужества считалась первой красавицей на их улице.

А муж закончил институт, занялся бизнесом. Скоро стал одним из самых успешных в городе предпринимателей. В семье появился достаток, но уже не было любви.

Первое время Наиля плакала и обвиняла мужа в равнодушии, не понимая, что во многом виновата сама. Свежесть молодости ушла, но взамен не появились ни женское обаяние, ни очарование материнства. Да и в характере Наилы стали преобладать сварливость и мстительность.

Она вспомнила, что, когда Дамирчик подросток, муж предлагал ей пойти учиться, ведь она не имела даже профессии. Но Наиля возмутилась – у неё весь день в заботах о сыне, о муже, о доме. А если признаться самой себе, то женщина не хотела другой жизни. Её устраивало такое существование. Она редко выходила куда-нибудь. Отводила утром сына в детский сад. Покупала продукты, готовила обед и ужин мужу. Занималась уборкой дома.

А для того, чтобы пойти учиться, надо было привести себя в порядок: сменить гардероб, сделать стрижку, маникюр... Её устраивало, что она может поспать днем, а вечером допоздна ждать мужа.

Сначала его поздние возвращения она объясняла важной работой. И действительно, достаток семьи рос. Был куплен и отремонтирован большой дом. Наиля с удовольствием занялась созданием в нём уюта. Благо в деньгах её не ограничивали.

Муж был доволен, и на некоторое время в семье воцарились мир и любовь. Вскоре родилась Резеда, а через три года Алия. Забот прибавилось. Сын заканчивал восьмой класс.

Наиля снова ушла в домашние дела и воспитание детей. С собой практически не занималась. Стала носить длинные тёмные платья.

А супруг ездил за границу и в столицы. Бизнес его становился всё более прибыльным. Круг деловых партнёров расширялся.

Когда он покупал дом, то предполагал, что некоторые встречи будет проводить в непринуждённой домашней обстановке. Но жена не смогла обеспечить тот уровень, на который бизнесмен рассчитывал. Когда Дамир-старший приходил с друзьями или партнёрами по бизнесу, Наиля отказывалась выходить к гостям.

Да, дом был уютным для семьи, комфортным для детей. Жена хорошо готовила – еда была вкусной и здоровой. Но принять гостей, занять их интересным разговором, подать изысканные закуски или лёгкий ужин – это была не её стихия.

К тому же у неё стала стремительно развиваться астма. И при любом волнении начинался приступ. Все доступные препараты были под рукой, но приступы длились иногда часами. Приходилось вызывать скорую помощь. Ехать в санаторий или лечиться надолго в больницу Наиля отказывалась.

Однажды после очередного жестокого приступа врач «скорой» – немолодой уже мужчина – вывел Дамира из комнаты, где лежала жена, приходя в себя после укола, и сказал:

– Я не хочу быть нетактичным и вмешиваться в ваши отношения, но мне кажется, что приступ – это способ шантажа. Её состояние не настолько ужасно, как она изображает. Есть астматический синдром, который снимается несколькими дозами из ингалятора. Есть небольшая аритмия, которую тоже можно купировать, если быстро принять нужный препарат. И есть истеричная женщина с излишней полнотой и тяжелым характером...

Дамир опустил голову. Он давно подозревал что-то подобное, но, чувствуя свою ответственность, не мог противостоять капризам жены.

– Спасибо, доктор. Я подумаю над вашими словами, – сказал он, пожав медику руку.

Вот с тех пор он и задумался о том, чтобы купить домик в пригороде, подальше от городской суеты. Проблема была в том, что дочери учились в престижной школе. Не хотелось понижать качество их образования.

Однажды он услышал о том, что совсем недалеко от города есть симпатичный посёлок с хорошей школой и очень приличным медицинским пунктом.

Бизнесмен навёл справки об учителях и врачах. Потом съездил и познакомился с директором школы. Ему всё понравилось. Директор школы – Валентина Викторовна и подсказала ему, что есть пустующий дом. После тщательного осмотра домик был куплен и начался его ремонт.

* * *

Наталья Михайловна занималась со своими ученицами с большим удовольствием. Девочки были сообразительные и аккуратные – всё записывали, домашние задания выполняли старательно.

Как и положено сёстрам, они были похожи внешне. А вот характер каждой достался свой собственный. Журналистка наблюдала за ними с профессиональным интересом.

Старшая Резеда очень красива – тёмные глаза, темные волнистые волосы, ленивая грация кошечки. И хотя её фигура ещё не сформировалась окончательно, девушка была сексуальна и привлекательна. И уже чувствовала свою власть над мужчинами. Она даже пыталась проверить силу своих чар на Павле Васильевиче.

Удивлению Натальи Михайловны не было предела, когда она увидела с балкона, как девчонка, проходя мимо её мужа, который открыл им с сестрой калитку, тряхнула своими шикарными волосами и почти пропела с придыханием: «Добрый вечер, Павел Васильевич!».

Надо сказать, что даже такой стойкий «индивид», каким был её благоверный, не остался равнодушным к проделке подростка. Журналистка прочитала в глазах мужа не только удивление, но и восхищение: хороша, шалунья!

Алия на три года младше сестры. Девочка тоже очень мила. Со временем она может составить конкуренцию сестре. Но в ней совсем не было кокетства. Она сосредоточилась на учёбе. Мечтала поступить в университет. Перебрав все свои детские мечты – стать: актрисой, водителем такси, врачом, как брат, строителем, как отец, продавщицей, – девочка решила окончательно, что будет журналисткой, как Наталья Михайловна.

А у Резеды же была одна мечта: удачно выйти замуж за богатого, пусть и немолодого мужчину. Ездить за границу на отдых и на шопинг, блистать на вечеринках.

Удивляясь, откуда у этой, в общем-то, неглупой девочки, такие представления о счастье, Наталья Михайловна пыталась разубедить её. Для того чтобы стать женой преуспевающего человека, готового тратить заработанные деньги на прихоти супруги,

надо чем-то заинтересовать этого человека. Тут внешней красоты мало. Надо быть образованной, обладать хорошим вкусом и обаянием. Одной сексуальностью не обойдёшься. Журналистке все время хотелось привести в пример мать девочек. Она своим женским чутьём и богатым жизненным опытом уже разгадала интригу в семье соседей.

Отец девочек – человек в расцвете жизненных и творческих сил – вёл насыщенную трудом, событиями и встречами жизнь в большом городе. А мать была сослана на «свежий воздух», как помеха и как не оправдавшая его надежд на жену-единомышленницу и помощницу.

* * *

Вика убежала вперёд – она торопилась домой – скоро начнутся её любимые мультики. Ирина шла медленно – наслаждалась последними днями бабьего лета. Сентябрь порадовал хорошей погодой. Впереди сквозь забор пробилась ветвь шиповника. Они были усыпаны крупными алыми плодами. Женщина сорвала несколько, поднесла ладонь к лицу – уловила тонкий аромат розы... Вздрогнула от неожиданности:

– Ирина Васильевна! – окликнули её.

Она обернулась. Быстрыми шагами к ней приближался Дамир. После того дождливого вечера, когда она навещала его мать, они больше не виделись. Ирина на следующий день провела больную, но дома были только девочки. Дамир уехал в город.

Молодой человек пошёл рядом, заговорил о чём-то таком обыденном, что Ирина даже не вслушивалась в слова. Важнее было слышать его голос.

В её душе поднималась волна смятения. Оказывается, она ждала этой встречи, мечтала о ней, только не сознавалась себе в этом. И вот теперь рядом с ней шёл человек, которого она видела всего раз в жизни, а ей кажется, что она знает наперёд, что он скажет в следующую секунду...

И он действительно сказал то, что она надеялась услышать:

– Ирина, хорошо, Ирина Васильевна, я думал о Вас всё это время. Очень хотел видеть Вас, но опасался, что Вы не так поймёте...

Ирина подняла на него глаза, сказала ровным голосом:

– Я тоже рада видеть Вас. Я навещала Вашу маму, ей уже лучше. Ваши сёстры умницы – очень внимательны к ней.

Молодой человек взял Ирину за руку. Она вынуждена была остановиться и повернуться к нему лицом. На неё смотрели влюблённые глаза – ошибиться невозможно. Они были почти одного роста. Женщина к тому же носила туфли на высоких каблуках.

Несколько секунд их лица находились так близко, что каждый чувствовал дыхание другого...

Раздался голос Вики:

– Мама, мы опаздываем!

Мгновение невероятной близости растворилось в звонком детском голоске. Вновь под ногами была пыльная дорожка, а рядом стыдливо рдели ягоды алого шиповника...

Дамир проводил их до крыльца, но приглаше-

ния зайти не дождался, хотя, как догадывалась Ирина, очень надеялся. Поговорив несколько минут, они почти холодно расстались.

Ну не могла Ирина допустить более близкого знакомства с этим молодым человеком, хотя он был ей не просто симпатичен. Не о таком спутнике ей мечталось. Она солидная женщина, у неё взрослая дочь. Ей нужен обеспеченный человек, который смог бы создать для неё и дочери комфортную и безбедную жизнь. Ирина знала, что такое считать деньги до зарплаты, отказывать себе и Вике в маленьких радостях.

И те унижения, через которые ей пришлось пройти после развода с мужем, она не хотела бы пережить ещё раз. Поэтому женщина мечтала не о любви, а о надёжной пристани. Пусть это будет уже немолодой человек, она сумеет создать ему атмосферу уюта и будет заботиться о его здоровье в обмен на стабильность и материальное благополучие. А здесь – долговязый аспирант, хоть и с квартирой в городе...

А сегодня они встретились с Дамиром и его сёстрами в самом большом супермаркете посёлка. Они азартно нагружали тележку всем подряд: коробками с конфетами, пакетами сока, фруктами, даже вином.

Ирина с дочкой выбирали сладости и фрукты – хотелось в выходные приготовить что-нибудь особенное.

Коротко кивнув, Ирина хотела пройти мимо, но девочки с двух сторон подошли к докторше и радостно защебетали:

– Ирина Васильевна, как хорошо, что мы встретились. Нашей маме уже лучше. Вы бы зашли к нам, мама будет очень рада.

Тут подбежала Вика с очередным пакетом. Она слегка смутилась и спряталась за маму. Младшая девочка протянула ей руку:

– Привет, Вика, ты в понедельник не опоздаешь на музыку?

Девочка заулыбалась – они вместе с Алиёй поют в школьном хоре. А в прошлый раз Вика забыла дома альбом с нотами и поэтому опоздала на занятия.

Сёстры стали уговаривать Ирину и Вику заглянуть к ним сегодня на семейный праздник:

– Мы уже всё в доме расставили по местам и решили сделать небольшое новоселье. Приходите, будет весело. Ещё мы пригласили нашу преподавательницу французского языка Наталью Михайловну с мужем.

Ирина была наслышана о местной «писательнице». Произведений её она не читала, но относилась к славе провинциальной журналистки с иронией – подумаешь, Агата Кристи на пенсии...

Дамир, улыбаясь, стоял немного в сторонке. Он не приглашал. Ирина рассердилась – а вот возьму и соглашусь! Улыбнувшись девушкам, она спросила, в котором часу приходиться.

Дома Ирина уже начала жалеть о том, что согласилась. Она совершенно не представляла, как себя вести в таком пёстром обществе. Прожив чуть больше года в этом посёлке, она ещё ни у кого не была в гостях, разве что с визитом к больному.

Но надо было позаботиться о приличном наряде для себя и дочери. Для Вики был приготовлен чудесный джинсовый сарафанчик и футболочка с ярким принтом. Себе женщина выбрала светлые широкие брюки и кремовую шифоновую блузу. Она очень любила этот наряд – чувствовал себя в нём комфортно. Украшения выбрала с золотистым халцедоном – серьги, кольцо и большой кулон.

Стильные украшения были страстью Ирины. Она много читала о драгоценных и поделочных камнях. Немного (ну совсем чуточку) верила в их магические и лечебные свойства и влияние на судьбу человека. Поэтому подбирала украшения очень тщательно и с большим вкусом.

Вот и сейчас она выбрала этот камень, так как, если верить гороскопам, он помогает найти или сохранить любовь. Пока женщина не хотела признаваться даже самой себе, что этот молодой человек очень затронул её сердце. Ирина родилась под знаком Рака и надеялась, что халцедон усилит её очарование, как обещали геммологи (специалисты по драгоценным камням).

Дочка тоже не отставала от мамы и вертелась перед зеркалом, осматривая себя со всех сторон. Она очень обрадовалась приглашению. Вика сказала по секрету, что Алия ей очень нравится. У девочки замечательный голос – её всегда хвалят и дают сольные номера. Вот бы у меня был такой – размечталась малышка...

* * *

Наталья Михайловна долго уговаривала мужа принять приглашение соседней. Обычно он не спорил со своей половинкой – она дама благоразумная – плохого не посоветует. Но в этот раз почему-то заупрямился. Попытка отговориться тем, что не доделал какую-то полку в гараже. Но потом всё-таки принял душ и облачился в свежую рубашку с коротким рукавом – вечер для конца сентября был замечательно тёплым.

С веранды дома напротив слышалась приятная музыка – видимо, гости уже собрались. Супруги поднялись по ступеням. Им навстречу выбежала Алия, радостно поздоровавшись, хотя они сегодня уже виделись, взяла из рук Павла Васильевича букет хризантем и коробку конфет:

– Проходите, пожалуйста. Все уже собрались.

На просторной веранде стоял длинный стол, накрытый белой кружевной скатертью. Вокруг красивые стулья с высокими спинками. На столе много блюд и ваз с фруктами. Наталья Васильевна не удивилась такому изобилию: сейчас начало осени – фрукты и овощи свежи и аппетитны. Беглый взгляд на стол выхватил таралетки с икрой разного цвета, несколько ваз с салатами, блюда с рыбными и мясными нарезками... Не удержавшись, она спросила:

– А кто это у вас так красиво украсил стол?

Алия зарделась от комплимента:

– Это мы с мамой и сестрой – мы любим готовить.

Гости здоровались, знакомились, говорили друг другу приятные слова. В общем, было немного неловко и суетливо.

Резеда на правах старшей познакомила соседней – Наталью Михайловну и Павла Васильевича – с ма-

мой и братом. Мужчины быстро нашли общий язык – тема автомобилей была неисчерпаема.

К удивлению Натальи Михайловны, мать девочек оказалась довольно симпатичной, видимо, в молодости она была необыкновенно хороша. И если бы не болезненный серый цвет лица (как у многих астматиков) да не излишняя полнота, женщина была бы красива. Теперь журналистка поняла, в кого дочери. Их отца она видела только издали, он тоже интересный мужчина, но девочки больше похожи на мать.

Познакомили их и с докторшей. Та показалась журналистке немного высокомерной. Но, подумала она, может быть, это от смущения – давно не была в большой компании.

Вскоре все перезнакомились и стали рассаживаться за стол, на котором у каждого прибора располагалась красивая табличка с именем гостя.

Наталья Михайловна вспомнила, как она рассказывала девочкам о Франции. Там на всех вечеринках с определённым списком гостей всегда были такие таблички. Девочки хорошо усвоили её уроки.

Распорядился за столом Дамир. Этот молодой человек, как отметила про себя журналистка, обладал артистическими способностями. Он много и тонко шутил, старался оказать внимание всем гостям, чтобы никто не чувствовал себя неловко.

Всё здесь нравилось Наталье Михайловне. Она просто наслаждалась, наблюдая за гостями и хозяйками. Она смаковала характеры и нюансы поведения, старалась запомнить интонации и выражение лица того или иного участника этой немного странной вечеринки.

Хозяйка, как и положено, сидела во главе стола. Справа от неё – Дамир. С другой стороны от юноши усадили Ирину. Похоже было, что мать сразу же уловила едва заметные токи между молодыми людьми. Ей это очень не понравилось. Лицо женщины налилось краснотой.

– Да тут назревают интересные события... – Подумала Наталья Михайловна и стала ещё внимательнее приглядываться к окружающим.

Играла негромкая музыка. Места на веранде было довольно много, и Дамир пригласил на танец Ирину. Алия обрадовалась, что скучная часть так быстро закончилась, и потащила в круг маленькую Вику. Девочки весело закружились, взявшись за руки. Наталья Михайловна чуть подтолкнула мужа под локоть, и он безропотно встал и пригласил на танец Резеду.

Наталья Михайловна пересела на стул рядом с хозяйкой. Она стала расспрашивать её о рецептах салатов и закусок. Две кулинарки быстро нашли точки соприкосновения.

Веселились и гости, и хозяйка искренне. Уже Алия и Вика спели несколько песен, которые разучили в школе. Поиграли в лотерею, провели забавную викторину, в которой больше всех призов неожиданно выиграла Наталья Михайловна. Её эрудиция вызвала всеобщее восхищение. Ещё потанцевали.

И тут с улицы послышался шум приближающегося автомобиля. На веранде стало тихо. К воротам подъехал джип. Хлопнула дверца, раздался негромкие слова и автомобиль уехал. В калитку, неся

впереди себя огромный букет желтых хризантем, вошёл невысокий молодой человек.

Журналистка знала его и недолго любила за едва уловимую хамоватость. Его родители жили через два дома от этого. Они редко появлялись на людях. Пожилая женщина часто болела. Иногда они ходили в ближайший магазин, а иногда в больничку. Сын приезжал раза два в неделю, привозил продукты и ещё что-то. Но задерживался недолго. С ним всегда было еще двое-трое мужчин, похожих на телохранителей, они в дом не входили. Наталья Михайловна подозревала, что здесь пахнет криминалом.

И вот теперь Марат – так его звали – появился в разгар вечеринки. Поднявшись на веранду, он поздоровался со всеми в наступившей тишине и подошел к креслу, в котором сидела хозяйка. Наклонившись, поцеловал её руку и вручил цветы.

Наиля-апа встала, прижимая к груди букет:

– Прошу всех знакомиться – это наш сосед Марат. Он сам зашел к нам позавчера, спрашивал, не нужна ли помощь. Я и пригласила его.

Первым к неожиданному гостю подошёл Дамир, пожал руку, представил сестёр и гостей.

Цепкий взгляд молодого человека остановился на каждом. Наталье Михайловне показалось, что её насквозь пронзили тонким красным лучом. Но Марат, вежливо улыбаясь, слегка наклонял голову, знакомясь и целуя дамам ручки. Не пропустил он и Вику. Девочка удивлённо повертела свою ладошку и спрятала её за спину.

Хотя все уже были сыты, пришлось снова садиться за стол. Резеда принесла новому гостю прибор. Дамир наполнил его бокал.

– Предлагаю поднять тост за хозяйку этого дома! – Марат церемонно склонил голову в сторону, где восседала Наиля-апа.

Наталья Михайловна отметила про себя, что женщина млеет от слов молодого человека. Остальные присутствующие были озадачены, если не сказать больше. Гость совершенно не вписывался в ту атмосферу, которая уже стала налаживаться на вечеринке. Если поначалу молодая докторша вела себя немного высокомерно, а мать семейства пыталась как бы «царить», то через некоторое время неловкость и смущение отступили. А после песен девочек, конкурсов и танцев все стали веселиться совершенно искренне, не думая о том, как надо вести себя в компании пока ещё малознакомых людей.

И тут появился этот Марат. И хотя его манеры были практически безупречны – он отодвинул стул, когда его соседка Резеда попыталась встать, налил сок другой своей соседке за столом – Вике. Наталье Михайловне сделал комплимент – он читал её рассказы. У Ирины Васильевны отметил красивые украшения... Всё равно журналистке в каждом его слове чувствовался блатной налёт. Она не могла понять в чём дело – то ли он старательно выбирал «приличные» слова, пытаясь подобрать их взамен тех, которыми пользовался обычно. Или его тон был чуть более надменным, чем это полагалось новому в компании человеку.

Все закуски и напитки были уже отведаны, песни спеты, загадки отгаданы. Общий разговор не клеился. Павел Васильевич первый подал сигнал к окончанию вечеринки. Он подошёл к хозяйке, по-

благодарил за чудесный вечер, сказал, что им с женой завтра рано ехать в город.

Затем засобирилась Ирина. И хотя Вика немного закапризничала – девочка не поняла, почему такой чудесный вечер вдруг так быстро закончился, мать быстро увела её. Дамир хотел проводить их, но, взглянув на Резеду, которая не сводила огромных глаз с Марата, остался.

* * *

До Нового года ещё месяц, а настроение у Ирины замечательное. Почти праздничное. Немного беспокоит лишь то, что она не может рассказать дочери о своём счастье.

Ну да, она старше. Она опытнее. Ей уже пришлось пережить предательство. Возможно, поэтому она так боится причинить боль этому человеку...

Да, она любит и любима. Теперь нет смысла скрывать это от себя, а от него не скроешь ничего!

За окном медпункта медленно опускались на землю и кусты жасмина крупные хлопья снега. Ирина подумала: удивительно, а на кустах ещё много зелёных листьев. Поэтому зима казалась ненастоящей. Хотелось верить, что это весна с последним снегопадом, а не ранняя зима с первым снегом.

Больных сегодня больше не ожидается. Можно убирать инструменты, выключать компьютер и собираться домой. Викуся заждалась. Наверное, уже заварила чай и приготовила разогревать ужин. Ирина с нежностью подумала о доченьке. И решила, что сегодня обязательно расскажет ей о Дамире.

Да и что скрывать? Девочка всегда радовалась приходу молодого человека. Они подружилась за последнее время. Дамир приезжал по выходным. Сначала навещал мать и сестёр. Потом приходил к ним. Всегда привозил фрукты и интересные игрушки Вике – какие-то замысловатые головоломки, книжки с секретами и наборы для творчества. И где он только добывал всё это?

Ирине очень нравилось наблюдать, как они вдвоём, разбросав по дивану инструкции и детали, пытались собрать очередную головоломку. Девочка по характеру очень внимательная и усидчивая, делала всё аккуратно и осторожно. А Дамир – быстрый и решительный, не дожидаясь подсказок и не читая инструкций, решал задачу своими методами.

И её он покорила таким натиском, перед которым не устояла бы и гранитная скала. Он встретил её на крыльце медпункта субботним вечером. Взял из её руки ключ, сам запер дверь. Затем, придержав её под локоть, повернул к себе лицом и сказал: мы должны быть вместе! Поцелуй их длился, пока у обоих хватило дыхания.

Потом они втроём, с Викторией, пили чай в квартирке Ирины. Ирина рассказывала смешные случаи из своей практики в посёлке, не называя однако имён – врачебная этика. Дамир пообещал Викусе достать билеты на новогодний праздник в городской театр. Девочка была на таком представлении ещё в пятилетнем возрасте. Мечтала снова побывать там.

Чудесный вечер всё продолжался. Ирине казалось, что такое тихое счастье – это именно то, о чём она мечтала...

* * *

Наиля-апа, проводив дочек на занятия по французскому, убрала на кухне посуду, проверила режим мультиварки – до конца процесса ещё оставалось пятнадцать минут. Можно было немного передохнуть.

Она расположилась в своём любимом кресле-качалке, но теперь уже оно стояло не на веранде – там не было отопления, а уже декабрь, хоть и очень тёплый. Кресло перенесли в малую гостиную, как называли эту комнату девочки. Телевизор включать не стала. Хотелось пометчать... Да, именно пометчать. Давно у неё уже не было такого чудесного настроения. Всё складывалось замечательно.

Марат активно ухаживал за Резедой. Дочка за последнее время сильно изменилась – похудела, стала раздражительной. Наиля вспоминала себя в тот период, когда была влюблена в красавца Дамира. Она тогда тоже худела и бледнела день ото дня...

Как чудесно будет выдать дочь замуж за этого молодого человека. Он такой самостоятельный, такой уверенный в себе. Так трогательно заботится о стариках-родителях. Для Резеды это хорошая партия.

Наиля-апа даже пыталась сблизиться с родителями Марата. Специально подстерегла, когда они, поддерживая друг друга под руки, неторопливо отправились в сторону больнички. Представилась соседкой. Сказала, что их сын бывает в её доме, даже намекнула на его дружбу со своей дочерью.

Мать Марата медленно переставляла явные больные ноги, опираясь на руку мужа. Она даже не подняла глаза на соседку. Отец же довольно грубо, не ответив на приветствие, пробормотал: мы торопимся.

Сначала Наиля-апа растерялась от такой неприветливости, но потом подумала, что не надо было пытаться познакомиться с родителями без разрешения Марата. Она засомневалась – а может быть, она себе всё придумала и он просто так заходит в их дом. Но потом всё-таки решила, что не стал бы молодой человек без причины дарить такие дорогие подарки матери девушки, которая ему безразлична.

А вот не далее как вчера, он принес ей эту самую мультиварку – чудо техники, совсем недавно появившееся в продаже. И наотрез отказался взять деньги.

Послышался звоночек – ужин готов. Чудокастрюля сохранит его тёплым до возвращения девочек.

Мысли женщины переключились на сына. А вот он совсем не радуется ей в последние месяцы. Нет, он всё так же внимателен к ней и девочкам. По субботам приезжает и привозит всё, что они заказывают. Но теперь уже не остаётся с ними до вечера воскресенья, как раньше. Уезжает в субботу вечером. Наиля стала подозревать, что у сына появилась женщина. Конечно, уже пора бы и жениться...

Мать пыталась вызвать сына на откровенность – завела разговор о том, что он собирается делать после окончания аспирантуры. Тот отшутился: поеду преподавать в Сорбонну. На этом разговор закончился.

Да, она давно уже утратила возможность контролировать каждый шаг своего ненаглядного сына, как это было в его школьные и отчасти даже в студенческие годы. Он вполне состоявшийся человек и не пускает мать в свою жизнь.

Вот и тогда, на вечеринке по случаю новоселья, она обратила внимание на явную симпатию между Дамиром и этой врачихой. Не хватало ещё чтобы её сын увлёкся женщиной с довеском.

И Наиля-апа снова погрузилась в мечты. Теперь уже о будущем сына. Ему нужна совсем молоденькая девушка из хорошей семьи, которую она – мать – научила бы любить её сына. Под её руководством та стала бы отличной женой, хорошей матерью и хозяйкой – ну совсем как сама Наиля...

И тут она вспомнила, что при всей её идеальности, как она сама о себе думала, муж всё-таки бросил её...

Наиля-апа так погрузилась в свои мысли, что очнулась от звука мотора автомашины, выезжающей из дома журналистки. Женщина подошла к окну. Автомобиль быстро удалялся по улице.

– Куда это они, на ночь глядя? А где же мои девочки?

Она поискала глазами телефон. На столе его не было. С тревожным предчувствием она, как могла быстро, пошла на кухню. В последние месяцы она ещё прибавила в весе. Тяжело было ходить, отекали ноги. А тут ещё от волнения дыхание стало прерывистым и хриплым. Забыв о телефоне, Наиля поискала ингалятор. Он тоже куда-то запропастился.

И тут она почувствовала настоящую боль в сердце. Настоящую, а не придуманную...

* * *

А дальше события стали развиваться как в плохом детективе. На занятия по французскому в очередной раз Алиа пришла одна. Наталья Михайловна почти не удивилась. Она случайно увидела, как Резеда садилась в машину к Марату, которая остановилась в конце улицы.

Женщина не стала ничего расспрашивать. У них с Алией установились тёплые и доверительные отношения. Журналистка могла рассчитывать на откровенность. И действительно, девочка была в таком состоянии, что ей требовалось выговориться. Наталья Михайловна решила сегодня не загружать её уроками. Стала рассказывать о своей поездке во Францию, о том, как она попала в молодежную университетскую среду...

Но девочка, похоже, не слушала. Она вдруг разразилась рыданиями, уткнувшись в плечо учительницы. Этого женщина не ожидала. Сквозь рыдания она слышала:

– Он отвратительный, этот Марат! Он погубит сестру! А маме почему-то он нравится.

Кое-как успокоив девочку, Наталья Михайловна, отбросив все условности, стала подробно её спрашивать.

Оказалось, что на следующий день после вечеринки Марат снова пришёл к ним, принес маме коробочку заморского лакомства. Немного поговорил с ней на веранде, куда Резеда принесла чай. А потом пригласил обеих сестёр на концерт. Он рассказал, что в городе выступает известная рок-группа и обещал

матери, что привезёт их обратно после концерта.

У Резеды сразу же загорелись глаза, а вот Алиа ехать не хотела. Она не была поклонницей такой музыки, да и сам Марат не понравился ей с первой встречи. Но мама сказала, что одну Резеду она не отпустит.

Сестра увела Алию в свою комнату и уговорила поехать с ними.

Кроме того, что концерт был миксом из очень громких и не совсем гармоничных звуков, табачного дыма и алкогольных паров, он проходил не в концертном зале, а в каком-то строении сомнительного вида на окраине города.

Девочки, никогда не бывавшие на подобных тусовках, растерялись. Вокруг них сновали почти невменяемые молодые люди и девушки. Похоже было, что все пьяны.

Резеду и Алию сопровождали, кроме Марата, ещё двое – один – водитель, другой похож был на телохранителя – спортивного вида парень с тяжёлым взглядом почти прозрачных голубых глаз по имени Артём.

Компания расположилась за свободным столиком. Видимо, Марата здесь хорошо знали. Официант принёс бокалы с коктейлями, а для водителя – минеральную воду. Алиа обрадовалась – хоть один будет трезвым. Сама она тоже не стала пить алкоголь.

Её удивило, что на входе в это странное увеселительное заведение не было хоть какого-нибудь контроля по возрасту. Обе они с сестрой явно не тянули на совершеннолетних. Но немного освоившись и оглядевшись, девочка заметила, что здесь полно малолеток, причём все они были явно без сопровождения взрослых.

Через некоторое время Марат отлучился. За ним поплёлся Артём. За столом остался водитель, который всё время молчал и только пил небольшими глотками минералку из бутылочки.

Девочки бывали с одноклассниками и друзьями в кафе. Несколько раз брат приглашал их в рестораны. Они ходили на концерты и в театр. Но в такое заведение попали впервые.

Марат вернулся не скоро. На его лице была широкая улыбка. Глаза блестели. Он подошёл к столику, не садясь, потянул за руку Резеду: пойдём танцевать. От былой галантности не осталось и следа. Он вёл себя так, словно девушка давно принадлежала ему.

Алиа стало страшно. Она припомнила рассказы о ночных клубах, где продают наркотики и сажают на иглу даже малолетних. Похоже, они с сестрой попали именно в такое место. Но самое страшное в том, что тот, кто привёз их сюда, был тут всегда.

В отличие от сестры, Алиа не мечтала о красивой жизни. Ей хотелось учиться, а потом путешествовать и встречаться с разными интересными людьми, как Наталья Михайловна. И ей совершенно не понравилось в этом клубе.

Она следила за сестрой и её партнёром. Марат двигался как-то расслабленно, не попадая в такт музыке, словно он находился вне этого зала. Резеда, похоже, была напугана. Какой-то парень хлопнул Марата по плечу, он обернулся и, бросив партнёра

шу посреди беснующейся толпы, пошёл за парнем. Резеда испуганно огляделась. Алия вскочила и замахала руками. Когда сестра пробралась к столику, Алия схватила за руку водителя и, перекрикивая шум, закричала:

– Немедленно отвези нас домой!

Тот поискал глазами Марата, но его нигде не было видно.

Резеда достала мобильник. Она, вероятно, собиралась звонить отцу или брату.

Водитель ещё раз посмотрел в зал, потом на девочек. Видимо, сообразив, что неприятности будут в любом случае – и от хозяина, и если сюда нагрянет отец девочек с силовиками.

На заднем сиденье джипа сёстры, прижавшись друг к другу, молчали до самого дома. И лишь выйдя из машины, Резеда сказала коротко:

– Маме – ни слова!

Наталья Михайловна слушала внимательно рассказ девочки. В душе её поднималась волна негодования. Как могла эта женщина доверить дочек такому человеку?! Ведь с первого взгляда видно, что он связан с криминалом. Ещё до переезда семьи соседей в их посёлок о Марате поговаривали, что он торгует наркотиками. Но это, вероятно, было в городе. В поселке он вёл себя тихо. Приезжал к родителям ненадолго, привозил продукты. Был примерным сыном. Поэтому дальше разговоров дело и не шло. У каждого своих забот хватало...

В дверь кабинета, где журналистка разговаривала с девочкой, заглянул Павел Васильевич: не надо ли чего? Похоже, он всё слышал, но это и хорошо – супруги ничего не скрывали друг от друга. Наталья Михайловна лишь повела глазами из стороны в сторону, муж отступил в темноту коридора. Но она знала, что её верный друг готов прийти на помощь в любую минуту.

Так уже было не раз. И когда нужно было срочно везти в больницу отравленного водкой младенца, и когда новоиспечённая бабушка пыталась наладить контакт с внучкой – плечо спутника жизни всегда было рядом и всегда было надёжным.

А между тем девочка, выпив большими глотками стакан воды, продолжила свой рассказ.

Марат снова появился на третий день. Вручил Резеде орхидею в красивой коробочке, а маме принёс в подарок красивый шифоновый шарф. Алия не взяла из его рук плюшевого медвежонка, которого он протянул ей с лёгким поклоном и насмешливым намёком: ты ещё совсем ребёнок...

Девочка не стала слушать его извинений по поводу неудавшейся поездки на концерт. Позже Резеда рассказала ей, что Марат наврал маме о срочном вызове на работу. Поэтому девушек привёз не он сам, а его очень надёжный водитель. Он обещает, что такое не повторится.

– Мама просто очарована этим ... – Алия не могла подобрать слова. – Она стала отпускать Резеду с ним. Теперь даже без меня.

Девочка подняла покрасневшие глаза на собеседницу:

– Тётя Наташа, – она впервые так назвала журналистку, – Резеда колетса.

В коридоре что-то мягко шлёпнулось об пол. И одновременно раздался звонок телефона Алии.

Девочка торопливо достала трубку из кармана и нажала кнопку. Несколько секунд она слушала молча, а потом лицо её стало совсем белым. Наталья Михайловна выхватила телефон из рук почти потерявшей сознание девочки. В трубке были короткие гудки.

Вошёл Павел Васильевич со стаканом воды, но женщина вместо того, чтобы дать Алие напиток, вдруг выплеснула ей в лицо почти всю воду. Девочка почти захлебнулась, но в глазах её появилось осмысленное выражение. Она испуганно смотрела на супругов:

– Звонила Резеда. Ей плохо. Просила найти Дамира – он спасёт её.

Девочка снова забилась в рыданиях. Павел Васильевич уже капал в рюмку что-то успокоительное. Наталья заставила Алию выпить это. Потом несколько минут, крепко обняв, как бы баюкала до тех пор, пока девочка немного успокоилась.

– Надо ехать к больничке, Дамир там, – сказал Павел Васильевич.

Алия удивлённо посмотрела на него.

– А ты разве не знаешь, что Ирина и Дамир...

– Наталья Михайловна осеклась, увидев глаза девочки.

Похоже, она выдала чужой секрет.

До поселковой больнички пешком было минут двадцать, но на улице почти ночь. К тому же поднялся сильный ветер, вероятно, будет метель.

Окна светились не только в квартире докторши, но и в самом медпункте. Алия выскочила из машины и сразу кинулась в кабинет врача.

Наталья Михайловна, оставив мужа за рулём, пошла в квартиру к Ирине. Позвонила. Ей открыла испуганная Вика. Она только и могла рассказать, что час назад, когда они ужинали, подъехала машина, несколько раз посигналила и быстро уехала. У них в гостях был Дамир. Он первый вышел на крыльцо и увидел сидящую на ступеньках Резеду.

Девочка начала всхлипывать, и Наталье Михайловне пришлось обнять её, как совсем недавно, Алию.

– Он что-то закричал маме, и она, даже не надев пальто, схватила ключи от медпункта и побежала туда.

Женщина напоила малышку теплым чаем и, как смогла, успокоила.

Вошёл Павел Васильевич. Он занёс в комнату и положил на диван почти потерявшую сознание Алию. К ней тотчас кинулась Вика. Девочки, обнявшись, тихо заплакали.

– Что там? – спросила журналистка.

– Делают переливание крови. У Ирины такая же группа.

– Какая?

Наталья Михайловна снова накинула пальто:

– Оставайся с девочками. У меня тоже такая группа крови.

* * *

Первого января вечером Наталья Михайловна первый раз поднялась с постели, завернулась в теплую шаль и вышла на свою любимую террасу. Фонарь в конце улицы освещал засыпанную чистым снегом дорогу и дом напротив. Света в окнах не было.

Пока она болела, муж щадил её нервы и не всё рассказывал, но она многое узнала, в том числе и от медсестры Лидочки, которая навещала её.

Марат в тот вечер привёз Резеду к себе на квартиру в городе. Он уже крепко посадил девушку на наркотики, но в этот раз, видимо, не рассчитал дозу. Девочке стало плохо. Сам он тоже был «под кайфом» и ничего не понимал. Зато всё хорошо понимал его водитель. Он забрал девочку и привёз к больничке. Оставил на крыльце в надежде, что докторша найдёт её и откачает. От холода Резеда очнулась и смогла позвонить сестре.

Когда водитель вернулся к Марату, тот избил его, сам сел за руль и поехал с охранником в посёлок. Шёл снег, начиналась метель, дорога была скользкой... Машину нашли только на вторые сутки в глубоком овраге перед въездом в посёлок. Её сильно засыпало снегом. Марат и охранник погибли.

Ещё Лидочка рассказала, что с Резедой всё хорошо, как только может быть хорошо в такой ситуации. Очень здорово, что тут оказался её брат и быстро нашлась кровь для переливания. Ещё Лидочка рассказала Наталье по секрету: как женщина – женщине, что Резеда не была изнасилована. То ли «этот гад» – как выразилась медсестра – совсем уже доколотся и не мог, то ли берёт кому-то. Поговаривали, что он поставлял девушек в закрытые клубы...

– А почему в соседнем доме темно? – спросила Наталья у мужа.

– Уехали все. На третий день приехал отец, забрал мать и Алию, даже вещи не взяли. А Резеду ещё раньше увезли в город, в больницу.

– Ну вот – опять у нас «нехороший» дом на улице...

Муж вздохнул, немного поколебался, но потом всё-таки сказал:

– Два «нехороших» дома – родителей Марата увезла его старшая сестра. Приехала на двух машинах со своими сыновьями, быстро всё погрузили и уехали.

После того страшного вечера, Наталья свалилась с нервным срывом. Сказались и переживания, и слабость после неожиданного донорства, и сознание собственной вины.

Да, она винила себя в том, что произошло с её ученицей. Ведь она догадывалась, что за тип этот Марат, но не посчитала возможным сказать об этом матери девочки. Да и не послушала бы та её. По сло-

вам Алие, мать души не чаяла в этом проходимце...

Но ведь старшему брату можно было сообщить... Вот и терзала она себя за нерешительность и ложную деликатность.

* * *

К середине января Наталья Михайловна чувствовала себя уже практически здоровой. Она сварила борщ. Хотела уже печь блины, но муж запретил:

– Иди, постучи по клавишам, а я пока тут сюрприз тебе приготовлю.

И Наталья вдруг почувствовала знакомое покалывание в кончиках пальцев... Так было всегда, когда рождалась идея нового рассказа и пальцы искали знакомые буквы на клавиатуре. Вернулось желание сочинять. Она уже собралась подняться в кабинет, но послышался звонок у калитки. Кто-то пришёл.

Павел Васильевич пошёл открывать. Вернулся с Дамиром и Ириной. Они были немного смущены, но счастья своего скрыть не могли. Молодой человек наклонился к рукам хозяйки, нежно и почтительно поцеловал одну, затем другую. Ирина держала большой букет белых роз.

– Спасибо Вам за девочек, – сказал Дамир.

И заторопился:

– Не волнуйтесь, Резеда уже почти здорова. Правда, предстоит реабилитация, но опасность не так велика, как нам показалось вначале.

Ирина протянула цветы:

– И от меня тоже больше спасибо. Ведь теперь это моя семья.

Она застенчиво улыбнулась:

– Мы поженились вчера.

* * *

Через пару дней забежала Лидочка. Померила давление Наталье Михайловне, а потом зачем-то и Павлу Васильевичу. Ей явно хотелось что-то рассказать. Она искала повод задержаться. Наконец, она не выдержала:

– А у нас новый доктор! – Потом как в театре была пауза.

Медсестра набрала полные лёгкие воздуха и выпалила:

– Он тёмнокожий!

Продолжение следует

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Зинаида Александровна МИРКИНА (10.01.1926 – 21.09.2018) – поэт, переводчик, философ. Родилась в Москве. Училась на филологическом факультете Московского государственного университета. Переводила суфийскую лирику для «Библиотеки всемирной литературы», стихи Тагора и Рильке. Автор многих книг духовной лирики, а также книг сказок, эссе, литературоведческих очерков. Вместе с мужем философом Григорием Соломоновичем Померанцем много лет вела семинары для широкого круга слушателей в музее меценатов (Москва). Умерла 21 сентября 2018 года. Похоронена в Москве на Даниловском кладбище. Зинаида Миркина была духовным наставником для многих людей, в том числе и для ульяновских литераторов. Многие из нас знакомством с Зинаидой Александровной обязаны Лилит Николаевне Козловой. За что ей сердечно благодарны. Публикуем очерк Л.Н. Козловой, посвященный памяти Зинаиды Миркиной.

Лилит КОЗЛОВА, председатель Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов

МИРКИНА. ЗНАКОМСТВО, ПРОЩАНИЕ

Так как же в мою жизнь вошла Зинаида Миркина, мой гуру – после Марины, которая дальше вести меня не могла? Конечно же, с помощью той же Марины Цветаевой: она как будто сдала меня Миркиной с рук на руки. И конечно, здесь не обошлось без Анастасии Ивановны Цветаевой, которая была исполнителем Марининой воли на земном плане, – так получалось.

Впервые я услышала о Миркиной от Тани Кузнецовой, в те поры ещё о Цветаевой ничего не написавшей и даже не помышлявшей о писательстве, но давно жившей в цветаевском мире. Анастасию Ивановну она не посещала, но давно услышала о какой-то Козловой, которую принялась искать в Новосибирске, спутав (или кто-то спутал?) его с Симбирском. Не нашла и успокоилась – сама найдётся. И я нашлась через два года.

Как-то у Анастасии Ивановны я познакомилась с Вельминой, у которой в своё время вышло несколько книг о её поездках, экспедициях по тундре. И я почему-то поехала к ней в гости – что-то прочитать из своих работ. Вот там-то я и встретила Таню Кузнецову – Вельмина решила познакомить её со мной. Мы подружились, я стала ходить к Тане в гости и даже у неё оставалась ночевать – разговаривали за полночь. Она-то мне и рассказала, что у Зинаиды Миркиной написана про Марину книга, обещала достать машинопись, а пока – вот только 4 стихотворения о Цветаевой.

Следующий ход к Миркиной связан опять с Мариной и, соответственно, её сестрой: 3 июня 1988 года в подмосковном Переделкино Анастасия Ивановна познакомила меня с тремя своими гостями: актрисой Кукловой из Одессы, Анатолием Саньковым, врачом из Луганска, приведённым ею, и москвичкой художницей Леонорой Борисовой. Все из разных городов, и везде – Случай. После нескольких слов выяснилось, что Анатолий через день уезжает. Срочно договариваемся о читке моего «Семинариста» у Леоноры на завтра. А завтра Куклова выступает в музее Паустовского и приводит с собой часть слушателей к Леоноре на мою читку. Среди пришедших – энтузиастка всяческих литературно-культурных потоков Неля Рухович из Видного, что под Москвой. Она-то и рассказывает о моей работе и обо мне своему знакомому, любителю Волошина, москвичу Юре Вомпе, а он буквально на следующий день звонит мне и предлагает устроить читку у него дома.

Так, одним только знакомством в Переделкино я получаю сразу множество друзей – все, кто были в тот вечер у Леоноры, стали ими.

С этого же момента всё начинает идти мне навстречу: от Анатолия приходят по почте книги и письма, Юра Вомпе тоже даёт мне нужные и редкие книги, но уже из рук в руки. От него я впервые получаю Рудольфа Штейнера.

Перед тем днём, когда я познакомилась с Зинаидой Миркиной, я получила два толчка – со стороны Тани Кузнецовой, которая звала меня на вечер Миркиной, и от Юры Вомпе – он меня звал на концерт Ольги Седаковой. И то и другое должно было состояться в один день и час, но, естественно, в разных местах. Он меня очень соблазнял Ольгой, давал слушать записи её стихов, приглашал составить ему компанию. Но Марина вела меня к Миркиной, и я несколько не сомневалась в своём выборе.

Помню тёмную ночь 26 ноября 1988 года, когда я шла, выискивая номера домов на Ленинском проспекте, потом искала во дворе домоуправле-

ние, спускалась в какой-то подвал – и наконец добралась.

Вот что я писала сразу же Анатолию в Луганск:

«Вечер у меня сегодня полон впечатлениями. В маленьком затерянном красном уголке Ленинского проспекта выступала пожилая супружеская пара. Он – Григорий Соломонович Померанц – читал лекцию о дзен-буддизме, его жена – Зинаида Александровна Миркина – иллюстрировала его рассказ своими стихами, потом просто читала свои стихи – еле слышно, высоким лучезарным голосом, высоко закинув голову.

О дзен я слышала и раньше, но только сейчас нашла его в себе. Не с писания ли о Марине у меня это началось?

Можно сказать, что дзен – это тоска по Вечности, концентрация в себе всего мира, нет – всей Вселенной, – и растворение в ней, а также этика сострадания – ко всему вокруг. Сквозь слова надо прорваться: «Знающие не говорят. Говорящие – не знают.» «Слово – только прах». Принцип этой школы – «Я не знаю». Т. е. не знаю конкретность этого мира, а познаю его, – знаю – всем своим существом. Дзенская педагогика – притча. Единственный канон дзена – это канон внутреннего состояния, высокого и просветлённого. «Попытка стяжать Святой Дух без всяких слов». Основа такого состояния – слияние с природой, ощущение себя её частью. У меня в такое время пишется, живётся, летится, ликуется – и надо всё это куда-то девать. Иначе – зачем всё это? Только для себя? Хочется отдать – всем, подарить, одарить...

Стихи Миркиной были для меня сегодня той молекулой в человеческом броуновском движении, которая подтолкнула меня вверх. Конечно, я с ней познакомилась – она очень мила в общении. «Я видела, как Вы слушали и поняла, что Вам это нужно». Договорилась, когда приду – она дала адрес, у меня много к ней вопросов.

Она читала свои стихи, а я в них узнавала себя – и искала ответа на свои вопросы. А её стихи о Марине – я их знала раньше, – меня просто потрясли и перевернули – тонкостью понимания и высотой. И всё-таки Марина не одна, раз о ней так написала

Миркина. Не одна и я – раз Миркина подарила мне – нет, всем нам! – Марину, застывшую в стонущем, воющем одиночестве на утёсе, над пучиной моря с прижатыми к груди руками – сердце прыгает. Я тоже сейчас держу его снаружи, так же – руками.

А ещё – Марина и Бог. У Миркиной об этом есть целая книга – «Огонь и пепел», ходит в самиздате. Я договорилась о ксероксах, для Вас заказала тоже, пришлю.

А вот под этими её стихотворениями – могу подписаться:

* * *

Я передать вам ничего
 Не в силах. Не крыло, а перья,
 Не дух, а только вещество –
 Покуда нет у вас доверья.
 Поверьте мне не за дела,
 Не за слово, а так – задаром.
 За то, что душу я прожгла
 Насквозь глубинным этим жаром.
 Покуда Вам лишь вещества
 И надо, что мне остаётся?
 Одни дела, одни слова –
 Порожний ковш в сухом колодце.
 За то, что может быть и нет
 Меня... А нет, так и не требуй.
 Я – только щелка, лишь просвет
 Сквозной просвет – окошко в небо.

И ещё – видимо, это о первом моменте Сотворения Мира:

* * *

И никого и никогда
 А только ветер да вода,
 А только листьев перебор.
 И не хвала, и не укор,
 И лишь цветок успел расцвести –
 Нет никого, но нежность
 есть...
 Перечитала ещё раз стихи Миркиной о Марине. Проползла по каждой строчке, по каждой букве.

Прочувствовала максимально. Потрясена. Многим. Бог здесь – не плоская икона. Он – надрелигиозен. Это Свет, который может возникнуть в каждом. Потому что «душа на всех, сквозь всех – одна», – так пишет Миркина. Как будто в церкви побывала. Как после молитвы. Не смейтесь. Это – не смешно.

Какая большая молекула – Миркина. Величиной с Солнце – и вытолкнула меня в Космос». А дальше... Ах, какое длинное было ДАЛЬШЕ! Длинно в 30 лет! Я не только сама выросла на её стихах и прозе, а подарила её всем желающим в Ульяновске. Их было вначале больше 20, и мы наговорили ей две больших видеоленты о своих изменениях от знакомства с ней, с её стихами и прозой. Потом я некоторых познакомила, буквально отвезла к ней на дачу – Лену Кувшинникову, например. С ней стали переписываться её поклонники – Н. Тарасова, Н. Горобей, К. Грингут, Е. Токарчук, Т. Лотоцкая, В. Малахов и многие другие. Она как бы взяла Ульяновск под свои духовные крылья – и люди стали быстро одухотворяться, расти. Её книги я возила из Москвы целыми тележками, раздавала людям и по библиотекам. Мы все её очень любили...

Она не раз печаталась у нас в альманахе «Гончаровская беседка». Когда ушёл от нас Григорий Соломонович, я написала о них воспоминания. О его «Гадком утёнке», о её ежегодной сказке-ёлке... Ранее появлялись в местных газетах и мои публикации о ней и её переписка с нашими литераторами.

** Милая Зиночка! Какое счастье, что Вы были – на Земле вообще и в нашей жизни тоже!*

Спасибо Вам – за Вас, за Вашу такую необъятную духовность!

За стремление передать её всем!

За Ваши литературные труды!

За Вами подаренные и подписанные многочисленные книги! За такой блестящий результат – наш внутренний рост!

Низкий Вам поклон!..

Ваш уход – неповторимая и непоправимая потеря Земли...

Мы Вас всегда будем помнить и любить!

О Зинаиде Миркиной

«...Она писала словно бы для птиц, для травы, для деревьев, для моря, для неба... И строки рождались так же, как пение птиц, шелест деревьев, шорох волн. Тишина, создаваемая стихами Миркиной – не просто «тишина природы»; это тишина, которая до дна очищает душу и переполняет благодатью.»

Эмиль Сокольский

(В №4-2018 журнала «Этажи» опубликованы дневниковые записи Эмиля Сокольского о встречах с Зинаидой Миркиной и Григорием Померанцем. <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/837-poyuschiy-svet-pamyati-zinaidy-mirkinoy-i-grigoriya-pomeranca>.)

«...Поэзия Зинаиды Миркиной – это крылатое духовное послание. Оно подобно голубиной почте. Ты не просто получаешь письмо, ты видишь, как это письмо перелетает через лес и горный перевал, реку и поле. Оно согрето солнцем, напоено ветром, оно вобрало в себя всё, что пронеслось под ним. Вот почему слово Миркиной оставляет в сердце неизгладимый след.»

Роман Перельштейн

(Из предисловия к книге Зинаиды Миркиной «Безветрие души»)

Зинаида МИРКИНА

АНГЕЛ

Если был день
Превращен в дребедень,
Растрочен, растрочен,
– Ангел это поймет,
И от вас не уйдет,
Но заплачет...

(Из песни)

Из книги «Тихие сказки»

Ангел...

Вы, конечно, давно знаете, что никакого ангела на свете нет. Или, наоборот, твердо уверены, что он есть, что он так же существует, как вы сами, и если очень постараться, его можно и увидеть. И только некоторые дети еще ничего точно не знают и робко задают вопрос: а что такое ангел? И есть ли он?

Милые мои дети, как трудно вам ответить. Хотя мне кажется, я знаю ответ, но тем труднее мне ответить вам.

Ну, конечно, есть ангел. Мне так невероятно, что в этом можно сомневаться. Видела ли его я? Нет, никогда. Но мало ли, что я видела? В том, что я вижу, я постоянно сомневаюсь – то ли это на самом деле, каким кажется?..

Я не сомневаюсь только в том, что я люблю. А его я люблю. Как люблю!..

Рассказать же вам, что он такое, труднее всего на свете, потому что он незаметный. Самый незаметный из всего, что есть.

Один только Бог еще незаметнее его. Но про Бога мы сейчас совсем не будем говорить. А только про ангела...

Это он проделал длинный-длинный путь, когда никто не видел и не слышал, и принес человеческую душу из мира незаметного в мир заметный. И вот человек родился. И если вам скажут, что ангел здесь ни при чем, – пусть говорят. Я ведь вам уже сказала, что он – самый незаметный. И что же может быть естественней, чем то, что его не замечают? Говорят о вещах и делах, которые всем заметны. Не о нем...

И вот пока человек маленький, пока он совсем ничего не может, ангел не отходит от него. Маленький человек совершенно не мешает своему ангелу делать все, что ему нужно. Именно потому, что сам он ничего не может, ангел все может за него. За него помнит, за него улыбается.

Вы никогда не задумывались, кто научил самого маленького человека такой улыбке? Так вот, если хотите яснее всего представить себе ангела, посмотрите на эту улыбку.

Почему же маленький так много плачет? Как вам сказать...

Это очень трудно – переходить из незаметного мира в заметный.

Все так незнакомо, непривычно. Наверно, это очень больно, когда начинает быть нужным что-то заметное, что есть только в одном месте, а в других местах его не найти. И если ты попал в это «другое» место, то как тебе не плакать? Ведь чего-то нет.

Мне чудится, что ребенок еще ясно помнит про *состояние*, когда все всюду было и плакать было совершенно ни к чему. Была одна только улыбка, которая разливалась повсюду и была ни чем иным, как светом. А сейчас она появляется только иногда. То свет, то тени. Все есть – чего-то нет...

– О чем ты так горько, маленький?

– Как это несправедливо, как это нехорошо, когда чего-то нет! Все всегда должно быть.

– Ты так думаешь, малыш?

Тебе нужно все? Ну, конечно, такая улыбка только для ВСЕГО, которое ни в ком и ни в чем не умещается...

Подожди, маленький, подожди... Слушайся своего ангела. Он ведь не отходит от тебя. Слушайся его, и ты снова найдешь все. Ты улыбаешься?

Значит, веришь. Ты ничего не помнишь, ничего не понимаешь. Тем легче тебе почувствовать все. Сразу ВСЕ.

Но по мере того, как ты вырастаешь, к тебе приближается *что-то*, что-то одно. Ты видишь его все яснее, все четче. Но тебе совершенно неинтересно удовольствоваться этим одним. Тебе надо и это, и другое, и третье. Нам невозможно за тобою угнаться, чтобы исполнить все твои желания. Ты нас начинаешь утомлять... Да не вертись ты во все стороны!.. Как нам трудно понять, что ты утратил ВСЕ, ВСЕ, которое было ВСЮДУ, ВСЮДУ. И тебе надо такое бесконечное множество вещей, чтобы попытаться заменить ВСЕ. Тебе еще

кажется, что можно объять необъятное. Чуть-чуть поднатужиться – еще одну игрушку, еще одну бабочку, еще одну птицу... Все такое заметное, яркое, вкусное...

А ангел? Что в это время делает твой ангел? Это совершенно незаметно.

На фото: Елка в доме Зинаиды Миркиной.
Фрагмент

Может показаться, что он совершенно забыл о тебе, как и ты о нем. Смотри какая у тебя мама или няня. Если мама или няня рассказывает тебе про ангела, то ты спрашиваешь: «Где же он? Почему он не дает мне все, что я хочу, и не защищает меня, когда меня обижают?» И вот не знаю, напомнит ли кто-нибудь тебе, что он незаметный, самый незаметный на свете и совершенно не может делать заметных дел? И чем заметнее становишься ты, тем незаметнее твой ангел... Не знаю, напомнит ли тебе об этом кто-нибудь...

Разве иногда, когда прошумят вдруг листья над головой, и тебе почему-то захочется слушать этот шум совершенно ни для чего, и ты даже забудешь ответить на вопрос, даже не расслышишь, о чем спрашивают. Такой незаметный, легкий шум...

Или небо вдруг опустится к самому твоему лбу, почти коснется его, и ты внезапно почувствуешь, что можно провести небом по лицу, как вот этой травинкой... Разве ты по-настоящему замечал когда-нибудь небо? А ведь ангел еще незаметнее... И вот когда ты не говоришь ни о чем, ничего не делаешь и даже, может быть, ни о чем не думаешь, вот тогда-то, в такие странные провальные минуты он с тобой и разговаривает.

* * *

Воздух пахнул дождем. Теплый ветер поднял занавеску. Вещи вокруг тебя складываются в удивительный лад. Что сказал тебе твой ангел? Ничего. Все, что нужно, то и сказал.

Тебе хорошо? Неизъяснимо хорошо. Ты любишь. Это ангел твой склонился над тобой только что – и поправил что-то в твоей душе, как мать поправляет своему ребенку лезущие на глаза волосы или сбившееся одеяло.

Но он это делает только тогда, когда ты не думаешь ни о чем, в том числе и о нем не думаешь, об ангеле. Если ты подумаешь о нем и спросишь: «Где он?» или «Какой он?», – он улетит так же незаметно, как и прилетел.

Собственно, он никуда не улетает, как и не прилетает ниоткуда. Он всегда здесь. Но ты... ты, милый мой, куда ты смотришь? На вещи? Ты ищешь его среди вещей? Но... ведь он – с другой стороны, всегда с другой стороны. Ты смотришь не в ту сторону.

– Как не в ту? Я смотрю во все стороны.

И всегда на вещи. А он по ту сторону вещей. Не понимаешь? А кто тебе сказал, что надо понимать?

Ветер качнул занавеску. Ветка изогнулась каким-то неизъяснимым движением. Тебе это понятно?

– Но это же так... все, а при чем же тут ангел?

– А тебе надо, чтобы было не все, а что-то, что-то выделенное, заметное... Ты снова забыл, что ангел такой незаметный... И ты, может быть, родился для того, чтобы научиться замечать незаметное...

– Так, может быть, его нет?

– На этот вопрос никто тебе не ответит, кроме тебя самого. Никто. Или ты сам заметишь его, или так и проживешь, не заметив...

Замечает ли своего ангела младенец? Нет. Он еще вообще ничего не замечает. Просто он не расстается со своим ангелом. Все время сосет его невидимое молоко.

Не расстается со своим ангелом... Вот почему он так улыбается, будто ему принадлежит вся Вечность. Такому крошке – ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ.

Конечно, ты можешь возразить, что ему принадлежит целая вечность и порция молока. И если не будет порции молока, то его не утешит целая вечность. Но, понимаешь, молоко ему нужно, чтобы о нем не думать, чтобы ничто не стояло между ним и Вечностью, чтобы он мог спокойно улыбаться ничему и ВСЕМУ. В том числе – молоку.

Тебе не приходилось встречать людей, вполне сытых, у которых вдоволь и молока, и хлеба, и еще много другого и которые почти совсем разучились улыбаться, то есть вот так улыбаться – ВСЕМУ? То самодовольное движение, которое появляется у них на лицах, тоже называется улыбкой. Но это просто значит, что у нас в языке не хватает слов. Есть улыбка ангела и улыбка, от которой ангел плачет.

...Ты не знал, что ангел плачет?

Плачет.

Когда люди отворачиваются, отгораживаются и не замечают...

Его? – Да не обязательно его – чего-нибудь не замечают. Откуда ты знаешь, что именно это «что-нибудь» и не будет он? Он в любой момент может превратиться во все что угодно.

Когда свет разливается по небу, по земле и заходит в твою комнату, ты разве не чувствуешь, как он обнимает тебя? Бывает ли так, чтобы он кого-нибудь или чего-нибудь не заметил? От кого-нибудь отвернулся, кого-то обошел? Бывает? Тогда бы свет не был светом... Этого не бывает. И не оттого ли где-то на дне нашего сердца такой поразительный покой, совершенно непонятный нам покой, который осел на самом дне, глубже тоски, глубже самого глубокого горя? Не оттого ли это, что где-то глубже сознания нашего живет чувство, что мы не обойдены, не можем быть обойдены и не замечены. Что То, самое главное, свет жизни нашей, не может быть безразлично ни к кому и ни к чему. Он не может пройти мимо самой малой крошки живого, мимо самого никудышного, самого горького.

Он никого не может не заметить, иначе Он – не он. Разве не это чувство смутно шевелится в тебе, когда ты следишь за разливающимся по небу светом? И особенно на закате, когда свет хочет передать тебе всю свою немыслимую силу внимания и проникновения во все и сквозь все...

А на заре, в часы бесконечной нежности Света, разве не слышишь ты беззвучный завет: не отгораживайтесь, не закрывайтесь, будьте тишайшими и прозрачными, чтобы заметить самое незаметное...

Будьте, как Свет, – который замечает все и всех... все и всех...

Одно малейшее пятнышко, не замеченное вами, – и вы уже не подобны Свету, и Свет уже не может беспрепятственно разлиться в вас. Это самое пятнышко, не замеченное вами, не пускает его в вас.

Одна маленькая звездочка, по которой равнодушно скользнул ваш взгляд, линия ветвей, которая напрасно прочертила для вас путь в самое главное, малейшее движение человеческой души, которое было вам ни к чему, и...

Вы еще спрашиваете, отчего вам нехорошо и отчего плачет ангел?

ЮБИЛЕИ

БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ, КЛАРИНА ИВАНОВНА!

В наступившем году свой большой юбилей отметит народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии страны и национальной театральной премии «Золотая маска», легенда ульяновской сцены Клара Шадько. В областном драматическом театре имени И.А. Гончарова она служит уже 57 лет, продолжая радовать зрителей своим неиссякаемым талантом. Только за последние годы бенефисному спектаклю «Оскар и Розовая Дама» рукоплескали не только ульяновцы, но и публика московского Дома актера, Российского центра науки и культуры в Копенгагене, театрального фестиваля имени Павла Луспекаева «Госпожа Удача» в прифронтовом Луганске. Харизму, трагическую глубину, любовь, силу человеческого духа транслирует нам актриса устами своего персонажа – и в глазах зрителей неизменно поблескивают слезы. Хотя мы понимаем: и это тоже она, ее труд, ее боль, ее призвание и судьба – театр, которому она посвятила всю себя, без остатка. А поёт-то как! – совсем недавно подумывала даже принять участие в конкурсе актерской песни, правда, пока не случилось... В ней столько энергии, что, кажется, сам возраст над ней не властен.

Мне не раз довелось беседовать с Клариной Ивановной.

Эта публикация сложилась из интервью разных лет. Разговор актрисы со зрителем, с читателем продолжается...

Александр Филатов

Сцены из спектакля «Пока она умирала» Н. Птушкиной

– 8 Марта для вас – двойная дата. То, что ваш, Кларина Ивановна, день рождения совпал с женским праздником, наложило какой-то отпечаток на вашу судьбу?

– Единственный. Если бы не было этого праздника, я бы забывала, что у меня день рождения. А так – он и в памяти всплывает, и друзья намекают, и само настроение весеннее подталкивает...

С другой стороны, само мое имя причастно к Кларе Цеткин. У меня папа был убежденный коммунист, как и многие другие представители своего поколения относившийся к подобным «символам» с наивной, детской серьезностью. Он пронес эту честность, порядочность, отношение к труду, фронту, детям через всю свою жизнь. И поскольку женский день являлся для него, так же как и для нас, трёх его дочерей, светлым праздником, а я родилась 8 марта, он мне это имя и дал... Причем назвал меня не Клара, не Кларисса, а Кларина. Я глубоко уважаю его выбор. Такого имени нигде нет. Оно мягко и гармонично сочетается с моим отчеством. Только в таком сочетании: или Клара Шадыко, или Кларина Ивановна, будьте любезны...

У нас, актеров, нет праздников, нет выходных, и в любой «красный» день вполне может состояться спектакль, выездной концерт, творческая встреча. Но это тоже здорово. Да, нам часто говорят: «Вы несчастливцы, у вас ведь нет праздников». Но разве сама наша профессия – не праздник? Он бывает суровый, изнуряющий, жестокий, но бывает и радостный. Есть блага, которые могут компенсировать отсутствие чего-то в жизни: если актер в профессии попадает «в десятку», большего счастья и не надо. И, если говорить, случилось ли такое в моей жизни, я с полной уверенностью отвечу – да, произошло, да, всё не зря...

– Откуда вы родом?

– Меня родила Украина, а воспитывала Волга. Хотя мои предки – из Саратовской губернии, там есть такие украинские поселения под Энгельсом. Они образовывались еще во времена Екатерины II...

Перед войной родители мои уезжали в Ворошиловград, где прожили недолго и откуда в 1939 году решили возвратиться в Саратов. Я тогда только-только родилась... Так началась моя «Большая Волга»: Саратов, город Жигули Самарской губернии – самое красивое место на Земле, где сложилось мое детство и появились первые сознательные впечатления, первые грезы и мечты, потом город Отрадный (он теперь Жигулевск), затем Тольятти (бывший Ставрополь-на-Волге), и наконец Ульяновск. Здесь я живу с 1958 года...

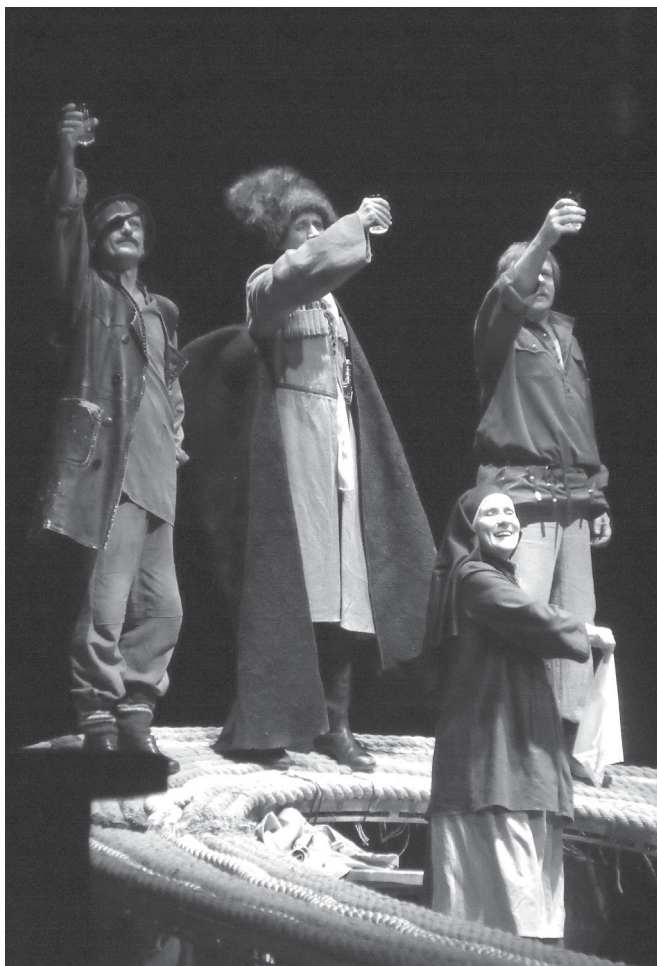
Так Волга привела меня на эту сцену – сначала через культурно-просветительское училище, а потом я окончила московский ГИТИС.

– Что же, кроме природы родных Жигулей, больше всего запомнилось вам из детства?

– Первое – мамини сказки, песни, цветы, ее красота, окружавшая нас при той нищете, которая сопровождала военное и послевоенное детство... Семья была очень большая. Папа – на фронте. Мама успевала не только работать, пахать и сеять, но еще и украшать все вокруг нас... Другое, что можно вспомнить из детства, – это ощущение голода. На каждое Рождество, Новый год или просто день рож-

Сцены из спектакля
«Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе

дения мама под подушки ночью обязательно клала нам какой-нибудь гостинец или подарочек. Например, кусочек ржаного хлеба и какое-нибудь повидло из свеклы, лесных яблок или чего-то еще. Лесные яблоки – кислые, свекла – вместо сахара, которого не было, – сладкая. Все вместе – в кулечке, каждому ребенку. Сегодняшним детям это ни о чем не говорит, но моему поколению это казалось вершиной восторга.

А всё остальное было счастливое: школа замечательная в совхозе, великолепный драматический кружок. Да в каких только кружках я не участвовала: и в танцевальном, и в хоровом, и в драматическом! Их руководители, что тоже замечательно, – эвакуированные из Ленинграда актеры и художники – оказались интересными, интеллигентными, одаренными людьми. Они вносили большое разнообразие в жизнь голодных, оборванных ребятишек... Когда же из Ленинграда эвакуировались детские сады и детские дома, то этих ребят на несколько месяцев расселяли по квартирам. И в нашей огромной семье тоже некоторое время жил один ленинградский мальчик, а потом и другой – из Испании. Это также вносило в семью что-то необычное...

Мой папа был инженером, а мама – домохозяйкой. Но когда папа ушел на фронт, мама стала работать в детском саду, причем делала все: от обязанностей воспитательницы до стирки, варки, мытья полов, заготовки дров и растапливания печей. При этом она успевала воспитывать и нас. И чем – огородом! Земля нас вскармливала...

– **Как же вы попали в театр? Некоторые люди театра признаются, что приходят сюда случайно...**

– Если говорить о каких-то моих «корнях», можно вспомнить, что папа наш великолепно играл на всех музыкальных инструментах: скрипке, домре, балалайке, пианино, гитаре. Мы с детства тоже к этому приучались...

Папа и мама (у нее было замечательное колоратурное сопрано) перепели все оперы в самодеятельности. У них на родине, в селе под Энгельсом, самодеятельность была на самом высоком уровне: 300 человек только в одном оркестре народных инструментов. Это же какая культура!.. Хотя с профессиональным творчеством у родителей все-таки не сложилось: они ни к чему особенно не стремились, просто это был их образ жизни. Наверное, поэтому во мне и сконцентрировались какие-то вещи, которые следовало реализовать как бы и за них тоже...

В детстве я мечтала танцевать, любила дирижировать, пела, успевая во всех кружках. Даже получила лауреатства какие-то. Но никакого «стоп-кадра» – чтобы я твердо остановилась на чем-то одном, – у меня долго не возникало...

В десятом классе по программе нам надо было учить наизусть «Песню о Буревестнике» Горького. Когда я стала ее рассказывать – у нас замечательная учительница была, Кира Борисовна, она в нас прекрасные вещи вложила – и дошла до кульминации, со мной стало происходить что-то невероятное. Какой-то озноб. Ощущение мощнейшей ауры. «И поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому!..» – когда я поняла, что меня охватило что-то великое, мне показалось, что в тот момент я

словно приподнялась над полом. А когда все закончилось, из моих глаз брызнули слезы... Несколько секунд в зале была тишина, а потом раздались аплодисменты. Это были мои первые аплодисменты... Я потом долго не могла успокоиться. Так, наверное, и произошло рождение того, что в дальнейшем сыграло совершенно определенную роль во всей моей судьбе.

А потом я совершенно случайно увидела объявление, приглашающее в культурно-просветительское училище на театральное отделение – да со списком будущих дисциплин: «режиссура, сценическая речь, мастерство актера, хореография, вокал, музыкальная грамота, сольфеджио». Когда увидела его, сказала себе – все, решено. В Москву сразу поступать не рискнула. К тому же Симбирск-то был рядышком!

И вот на пароходе, на верхней палубе эта девочка приплыла в Ульяновск, быстро подала документы и стала сдавать экзамены. Меня сразу с первого тура взял Борис Михайлович Радов, который раньше был здесь главным режиссером, а теперь преподавал, будучи на пенсии. В первую же ночь меня принял и «теремок» на улице Радищева, где тогда размещалось училищное общежитие. То есть приняли в самый красивый дом и самый лучший театр...

С того момента началось мое приобщение к театру, в котором я моментально завязла. Я уходила из дома в 7-8 утра, а возвращалась за полночь, потому что спектакли тогда начинались в половине восьмого вечера, а они были мощные, огромные – с антрактами, перестановками декораций. Вот когда я спала и когда ела – этого не помню. Я только знала, что мне скорее надо встать и, наконец, снова побежать в училище, а потом в театр. Единственное желание, чтобы поскорее настало утро...

– Значит, к поступлению в ГИТИС подошли с уже наработанным актерским опытом?

– Я училась заочно. И два месяца в году каждый день смотрела спектакли. По студенческому билету нас пускали в любой столичный театр... Действительно, в каждом времени – свои преимущества, в каждую эпоху можно быть счастливым... Кто-то сетует – «поторопился», кто-то – «я уже опоздал». У меня такого не бывает...

– Вы – счастливый человек?

– Счастье – понятие сложное. Оно не означает, что все время рот до ушей, хотя я юмор люблю. Мое состояние, скорее всего, ближе к меланхолии или грусти, какой-то сентиментальности, проявляющейся, может быть, в страданиях за других. За козявочку, за бездомную собаку или кошку. Бывает со мной такое.

Я много лет живу в маленькой однокомнатной

квартирке... Наверное, невозможно построить все одновременно, отдавать всё до остатка и в театре, и дома. Приходится делать выбор. Разделиться вообще невозможно – я пробовала: в творчестве никакой половины нет.

– Все дороги ведут в театр?..

– Здесь актеры бывают счастливы. Особенно после спектакля. Даже когда нет ни аплодисментов, ни цветов, но актер понимает, что что-то сложилось, вызрело внутри него, выполнены задачи, героя удалось одухотворить, вдохнуть в него жизнь, прожить

его судьбу. Это как наркотик. У меня такие ощущения были после «Мамаши Кураж», после «Вассы Железновой», после «Обрыва». Ощущение нужности нашей профессии...

– Ещё об «обратной связи». Вот вы много лет преподавали студентам, но ведь что-то в свою очередь брали от них?

– Не всегда. До некоторых мы так и не достучимся, других, конечно, немного открываем. Это тоже бывает мучительно: что-то накопил, есть опыт, хочется его передать, а как?! Ведь не всегда

да мы можем отдать все, что есть, на сцене самого театра... Раньше я преподавала в культурно-просветительском училище. Это та пристань, от которой я отправилась в большой океан моей театральной судьбы, и у меня перед ней есть какая-то человеческая и творческая обязанность. Обязанность что-то оплатить хотя бы передачей приобретенного мной опыта...

– Фирменный рецепт от Клары Ивановны Шадько: что нужно, чтобы стать народной артисткой России?

– Никакого рецепта! Я с детства – верующий человек, хоть мы и некрещенные были, окрестились уже взрослыми. Я считаю, что это дар Господа, подарок судьбы. Есть очень много людей, которые, наверное, заслуживают этого больше, но не получают...

Хотя первый план ответа для меня очевиден: просто нужно этому отдаваться без остатка... Я, например, не обижаюсь на театр ни в коем случае. Ему я отдала все, и он мне отплатил тем же. И «Мамаша Кураж» отблагодарила меня: с ней я стала лауреатом фестиваля немецкой драматургии в России, была премирована поездкой в Берлин. Меня приняла Болгария – за роль Параскевы, матери Георгия Димитрова. Даже была такая статья в «Огоньке» – «Две минуты на сцене – вся жизнь» – о моем эпизодике...

У меня не было блата, нужных связей – ничего. Была только работа, которая для меня – все. Вот он, рецепт: отдаваться только своему делу. Трудиться, трудиться и еще раз трудиться...

В свое время меня приглашали в Киев, в Смоленск, в Казань – везде, где мы были на гастролях,

мне предлагали работу. В Москве после ГИТИСа педагог предлагала мне Вахтанговский театр, в Питере – театр Ленинского комсомола. В Киеве предложение сделал Русский театр имени Леси Украинки. Мне обещали заманчивые зарплаты, квартиры. Но я знала, что у меня уже есть хорошая работа, а от добра добра не ищут...

Наверное, моя судьба могла сложиться по-другому. Однажды меня приглашал сниматься Шукшин. Во время сессии я прошла пробы к его картине «Ваш сын и брат» и была утверждена на роль немой девочки. Меня вызвали на съемки – на Алтай, предстояла экспедиция. А ульяновский театр как раз уезжал на большие гастроли во Львов и Ивано-Франковск, и я уже играла здесь все ведущие роли. Меня театр принял, город принял – как же я могу поехать на какие-то съемки?! Это тоже судьба, что кино тогда в моей жизни не случилось...

Так же, как однажды я почти решила переехать в Ленинград. А человек, который меня приглашал и договорился с квартирой, неожиданно умер... И я сказала себе – все, это знак свыше, надо оставаться...

– Вам знакомо чувство одиночества?

– Оно знакомо всем. Кто это отрицает, тот просто лукавит. Разница, вероятно, в том, кто как к нему относится. Один – как к великому дару, который необходим, чтобы разобраться в самом себе, разложить по полочкам собственное бытие, даже просто отойти от усталости. Человек ведь не всегда счастлив даже среди близких, любимых и родных, в окружении целого полчища друзей он все равно может чувствовать себя некомфортно. А бывает, что он не одинок и в одиночестве, потому что у него есть дело и его мысли переполнены планами...

У меня был друг, который говорил: «Даже муж и жена имеют право на мораторий одиночества». Обязательно! Когда люди все понимают и не держат друг друга: каждый свободен, но одновременно имеет и какие-то обязанности. По отношению к детям, к дому, к семье – к своему маленькому государству. В этом и заключается мое понимание одиночества: оно – свобода, а не страдание, ощущение заброшенности или никому ненужности...

Слава Богу, мне не приходилось бывать в таком состоянии духа. Конечно, депрессия присуща любой творческой натуре в тот момент, когда есть неудовлетворение или перенасыщенность работой, сопряженная с огромными эмоциональными затратами и требующая время на восстановление сил. Переходить от одного образа к другому – это же вообще очень трудно, несмотря на то, что такая психическая пластичность, в общем, должна наличествовать у каждого представителя нашей профессии...

Вероятно, есть другое одиночество, которое яв-

ляется синонимом забывости. Пределом. Значит, в определенный момент нормальный человек в этой ситуации просто обязан начать себя спасать. Потому что выход есть. В том, чтобы это понять, и заключается та кода симфонии жизни, которая в определенный момент наступает. Что это за одиночество, когда солнце светит, когда птицы поют, когда есть запах земли?.. Тебе плохо – иди сделай что-нибудь, хотя бы землю вскопай!..

Лично я покопаться в земле очень люблю. Она мне очень многое дает. У меня к ней поэтическое отношение. Я могу разговаривать с травками. А если работаю, мне никогда не нужны перчатки – только прямое прикосновение. Хожу босая. Обожаю в каждой речке, родничке, не говоря уже о море, купаться. Обливаюсь водой. Это ведь тоже из одиночества выводит...

Если человек одинок, он неизбежно ищет, кто бы в нем нуждался. Будет бегать в больницу, подберет захудалого дворового котенка или щенка – отмоет, вылечит... Это заложено в каждого. Тем более в женщину. Да просто молитву прочитай, если тебе одиноко, и чудо свершится! Выйди вечером, вдохни свежий воздух, помолись небушку...

– Кто из великих актрис близок вам по духу?

– По духу Фуфочка Раневская – очень. Обожаю Чурикову. Еще Алиса Фрейндлих. Мне приходилось однажды с ней отдыхать, так она была до такой степени выхоленная, выпотрошенная, все в уголке сидела где-то, одна. Никакого макияжа. И скромности человек необыкновенной. Актриса, уставшая от вечного грима, которая плюхается мордахой в море и предается только ему...

Иногда смотришь – и видишь искру в совсем молодых, неизвестных девочках, которые неожиданно пронзают тебя своей творческой сущностью. Искусствоведы могут это объяснить, но кто знает, может быть, на самом деле все совершенно по-другому. Ведь речь идет о субстанции духа...

– Вы подарили театру многие годы: имеете богатый опыт, блестящие роли, звания, награды. А как с ощущением того, что что-то главное вами еще не сделано?..

– Ощущение только одно: как будто я – девочка, которая ничего не умеет. Всякий раз, когда я приступаю к очередной роли, для меня все опять начинается сначала, с белого листа. Постоянные сомнения, бессонные ночи, неуверенность в себе...

– Значит, не зря горячо любимая нами Раневская любила повторять, что талант – это неуверенность в себе?

– Да, это так... Она еще говорила, что талант всегда просочится сквозь пальцы, как бы ты его ни прятал...

Публикацию подготовил Александр Филатов

Сергей НИКОЛАЕВ

ВОСПИТАНИЕ ТЕАТРОМ

В Ульяновском театре драмы им. И.А. Гончарова с неизменным зрительским вниманием идет постановка по новелле современного французского драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта «Оскар и Розовая Дама». В ролях - блистательная Кларина Шадько и молодой талантливый актер Александр Курзин.

О спектакле «Оскар и Розовая Дама» я слышал много хороших отзывов еще задолго до того, как посмотрел его в Ульяновском драматическом театре имени И.А. Гончарова. Я знал, что это история о мальчике, который был болен раком и писал письма к Богу, поэтому предположил, что спектакль достаточно тяжелый и достаточно грустный. Однако я ошибался. При просмотре «Оскара и Розовой Дамы» придется и плакать, и смеяться, и местами серьезно задуматься, возможно даже что-то переосмыслить. Скажу так: верным осталось только предположение, что спектакль никого не оставит равнодушным.

О чем этот спектакль по одноименной книге? Один из главных героев – мальчик Оскар – находится в больнице. У него рак. Оскар рассказывает о своей жизни в больничных стенах со всей присущей его подростковому возрасту экспрессивностью (местами зритель улыбнется, и не раз). Также мальчик рассказывает о том, что за детьми присматривают сиделки, которых называют Розовыми Дамами, по цвету больничных халатов. Розовая Дама Оскара – бабушка Роза. Он любит подшучивать над бабушкой Розой, но ровно до того момента, пока та не признается, что она в молодости занималась борьбой и выступала на арене, побеждая самых грозных соперниц. Роза делится с мальчиком историями своих ярких побед, да так, что просто дух захватывает. Оскар проникается большим уважением к Розовой Даме, теперь он готов прислушаться к ее мнению.

Вскоре выясняется, что операция, которую провели врачи, не помогла. Оскар подозревает неладное и выясняет странную закономерность: если начать с кем-то говорить о смерти, его будто перестают слышать. Тогда он решил поделиться мыслями об этом с Розовой Дамой. Она подтверждает страшную догадку Оскара о том, что жить ему осталось недолго – 12 дней. Но чтобы последние дни жизни мальчика наполнились смыслом, Роза предлагает игру. Отныне каждый день его жизни приравнивается к 10 годам. О каждом из прожитых дней Оскар должен написать письмо Богу. Мальчик раздосадован тем, что «знаменитая Душительница из Лангедока» верит в существование кого-то похожего на Деда Мороза. «Ты воображаешь себе, что я, проведя тридцать лет на арене, из ста шестидесяти пяти боев выиграв сто шестьдесят, из них сорок три нокаутом, я, Душительница из Лангедока, могу хоть на секунду поверить в Деда Мороза?» – восклицает Розовая Дама. Оскару не остается ничего, кроме как

действительно попробовать написать письмо Богу, ведь хуже уже точно не будет. Когда он спрашивает, зачем нужно писать письма Богу, бабушка Роза отвечает, что ему будет не так одиноко. Оскар удивляется: как может быть не одиноко с Тем, Кого и так нет? И на это Розовая Дама находит ответ: «Сделай так, чтобы Он существовал!». Она поясняет, что писать можно каждый день одно желание, но при этом оно должно касаться духовных вещей... Но дальнейший пересказ не уместен, иначе будет неинтересно смотреть спектакль или читать книгу.

Проблемы трусости и предательства, любви и дружбы, а также всепрощения – все они затрагиваются в спектакле... Тема веры проходит красной нитью через весь спектакль. Особенно запоминается эпизод, когда бабушка Роза ведет Оскара в часовню при больнице. Там он видит Распятие. Мальчик удивлен, что Бог страдает на кресте, что Он позволил людям с Собой такое сделать. На что Розовая Дама говорит: «Поразмысли, Оскар. Кто тебе ближе: Бог, Который ничего не испытал, или Страдающий Бог?»

Великолепен актерский состав: бабушку Розу играет народная артистка России, лауреат Государственной премии РФ и национальной театральной премии «Золотая маска» Кларина Шадько. Оскара играет молодой, но очень талантливый актер Александр Курзин. Ощущение, что роли прописывались именно для этих актеров, не покидало меня на протяжении всего спектакля. Спектакля? Кажется, что тут нужно согласиться с тем определением этого театрального действия, которое дал режиссер-постановщик Олег Липовецкий: «Я обозначаю жанр спектакля как разговор со зрителем без музыки и антракта». В этом и заключается, на мой взгляд, главная особенность постановки «Оскар и Розовая Дама»! Музыкальное сопровождение отсутствует. Всего два актера. Но даже школьники на то время, что длится «разговор со зрителем», забывают о своих гаджетах. Люди вовлечены в процесс театрального действия, которое, кажется, переносится со сцены в зрительный зал. Метаморфозы происходят на глазах – взгляд юных зрителей становится живым и пытливым, им непременно хочется узнать, что же будет дальше. Это ли не маленькое чудо? наших актеров тепло принимали и в Москве, и за рубежом с этой же постановкой! Поэтому всем, кто ее еще не видел, советую найти время и посмотреть – без сомнений, оно того стоит. К тому же средства от показа спектакля идут на благотворительность. **«В спектакле, который мы делаем, важна не мелодраматическая составляющая, а мысль: это путь к вере, который проходят два человека. Мы хотели бы говорить со зрителем не о жалости к человеку, а о радости, которую испытывает человек, когда приходит к Богу».** (Режиссер Олег Липовецкий.)

(по материалам сайта <http://www.simbeparhia.ru/>)

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

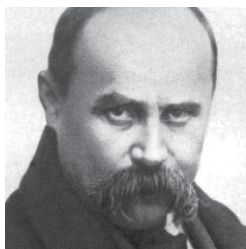
МАРТ 2019

1 марта – 95 лет со дня рождения писательницы Маргариты Геннадьевны Родионовой, творческий псевдоним – Р. Полякова (1.03.1924, г. Елабуга Татарской АССР – 28.09.1998, г. Калининград). Детство и юность прошли в городе Сенгилее. Отсюда после 10-го класса ушла на фронт. В 1945-м вернулась в Сенгилей, работала в районной газете, в детском саду, учителем музыки в педучилище. Автор книг «Летят перелётные птицы» (1963), «Девчонка идёт на войну» (1974), «Два характера» (1987) и др. Член Союза писателей СССР (1975).

3 марта – 120 лет назад родился писатель, поэт и драматург Юрий Карлович Олеша (3.03.1899, г. Елисаветград, ныне г. Кировоград, Украина – 10.05.1960, г. Москва). С 1922 года жил в Москве. Был проездом в Ульяновской губернии в 1924 году, когда отправился с Ильёй Ильфом в командировку в Самару, и во время войны при эвакуации в Среднюю Азию. Автор поэм «Агасфер» (1920), «Бетриче» (1920), романов «Три толстяка» (1924), «Зависть» (1927), «Нищий» (1929), пьес «Игра в плаху» (1920), «Список благодеев» (1930) и др.

9 марта – 205 лет со дня рождения украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (9.03.1814, с. Моринцы Звенигородского у. Киевской губ., ныне Звенигородского р-на Черкасской обл. Украины – 10.03.1861, г. С.-Петербург).

Автор сборников стихов «Кобзарь», «Три года» и др. В июне 1847 года по пути в ссылку ночевал в этапной тюрьме села Тагай, обедал в Симбирске. Возвращаясь в сентябре 1857 года из ссылки на пароходе по Волге, останавливался в Сенгилее и Симбирске. Имя Шевченко носит улица в Ульяновске.

9 марта – 85 лет исполняется краеведу и журналисту Наталье Степановне Гауз (р. 9.03.1934). Окончила Московский государственный университет (1957). С 1966 года занимается исследовательско-поисковой работой, с 1997-го сотрудничала с журналом «Мономах». Автор книг

«Симбирский край – от провинции до губернии» (2006), «По адресам памяти» (2014). С 2005 года ведёт авторскую рубрику в журнале «Деловое обозрение», где опубликовала более 100 краеведческих статей. Живёт в Ульяновске.

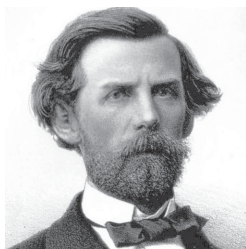
15 марта – 120 лет назад родился прозаик-маринист и поэт Сергей Адамович Колбасев, (15.03.1899, г. Одесса – 30.10.1942, ?). В 1918 – 1919 годах служил на эскадренном миноносце «Прыткий» Волжской военной флотилии, участвовал в боях с белогвардейцами под Казанью и в низовьях Волги,

бывал в Симбирске и Сенгилее. Автор книги стихов «Открытое море» (1922), повестей «Волга-мачеха» (1928), «Центромурцы» (1930), «Большой корабль» (1930), «Салажонок» (1931), «Хороший командующий» (1932) и др. Репрессирован, умер в тюрьме.

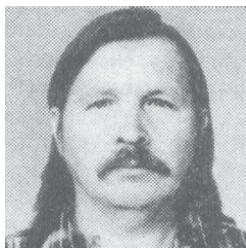
18 марта – 55-летний юбилей отмечает режиссёр, поэт и драматург Андрей Владимирович Галкин (р. 18.03.1964, г. Щёкино Тульской обл.). Окончил Московское высшее театральное училище им. Б.В. Шукина (2001). В 2003 – 2004 годах – режиссёр Димитровградского театра драмы им. А.Н. Островского.

Публиковался в газете «Димитровград-панорама», альманахе «Димитровград 2003» и др. Автор сборников стихов «Против часовой стрелки» (1996), «Обоюдоостров» (2002). Член Союза российских писателей (1998). Живёт в Туле.

8 марта – 195 лет назад родился художник, мемуарист Алексей Петрович Боголюбов (28.03.1824, с. Померанье Новгородской губ., ныне Тосненского р-на Ленинградской обл. – 7.11.1896, г. Париж). Внук А.Н. Радищева. Не раз бывал в Симбирске, в т. ч. 12-15 июля 1863 года в свите князя Нико-

лая Александровича, сына императора Александра II. Основал в Саратове Художественный музей им. А.Н. Радищева (1885). Автор воспоминаний «Записки моряка-художника» (1888), полностью опубликованных в 1996 году в журнале «Волга».

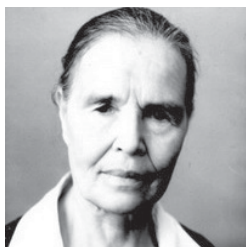
28 марта – 70 лет исполняется чувашскому художнику, скульптору, писателю Николаю Григорьевичу Кондрашкину (р. 28.03.1949, с. Средние Тимерьяны Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Член Союза чувашских писателей, лауреат литературной премии им. Пайдула Искеева (2009), заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2012).

Автор книг «Апофеоз возрождённого Булгара», «Купание белого коня», «Слово о чувашских великанах», «Место под солнцем», «Я твой солдат, Россия» и др. Живёт в Ульяновске.

30 марта – 170 лет назад родился писатель-мемуарист Осип Васильевич Аптекман (30.03.1849, г. Павлоград Екатеринославской губ., ныне Днепропетровской обл. Украины – 8.07.1926, г. Москва). Революционер-народник. В 1901–1902 годах работал врачом в Карамзинской колонии для душевнобольных под Симбирском (ныне Ульяновская областная психиатрическая больница им. В.А. Копосова в пос. им. Карамзина).

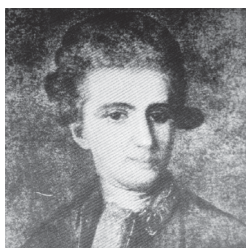
Автор книги «Общество «Земля и воля» 70-х гг.: по личным воспоминаниям» (1924), биографии Г.И. Успенского и др.

31 марта – 120 лет со дня рождения переводчицы Феодосии Дмитриевны Дмитриевой, псевдоним – Ижедер (31.03.1899, с. Юваново Козьмодемьянского у. Казанской губ., ныне Ядринского р-на Чувашии – 1.03.1990, г. Чебоксары). Окончила Симбирскую чуваш-

скую учительскую школу (1917). Работала переводчицей в газете «Канаш», библиографом в Книжной палате Чувашской АССР (1946 – 1961). Перевела на чувашский язык произведения А.М. Горького, Л.Н. Толстого, В. Гюго, М. Рида и др. Член Союза писателей СССР (1956).

Март – 150 лет назад родилась татарская писательница Махбубджамал Акчурина (?03.1869, д. Дёма Кузнецкого у., ныне с. Дёмино Неверкинского р-на Пензенской обл. – 1948, г. Баку). Из рода симбирских купцов Акчуриных, работала учительницей. Публиковалась в журналах «Шура» и «Сююмбике» (1908). Один из рассказов «Жестокий отец, или Жизнь мишарей» был издан в Оренбурге (1914). С 1929 года жила в Баку. Автор очерков о татарском фольклоре. Рассказы и публицистические статьи вошли в сборник «Искры надежды» (1988).

270 лет со дня рождения поэта Николая Еремеевича Струйского (1749, д. Рузаевка Пензенской губ., ныне город в Мордовии – 1796, там же). Дед поэта А.И. Полежаева. Гвардейский офицер, после отставки жил в Рузаевке, владел землями в Симбирской губернии. В 1788

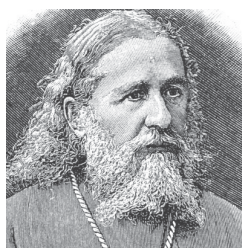
году открыл лучшую в России типографию; в 1797-м её оборудование перевезли в Симбирск. Дочь вышла замуж за симбирского помещика К.Н. Коптева. Писал оды, элегии, эпитафии. Известны «Элегия к Купидону», «Для Харвина, ни проза, ни стихи».

260 лет назад родился поэт и переводчик Александр Иванович Дмитриев (1759, с. Богородское Симбирской провинции Казанской губ., ныне с. Троицкое Сызранского р-на Самарской обл. – ?09.1798, г. Екатеринодар, ныне Краснодар). Брат поэта И.И. Дмитриева, друг Н.М. Карамзина. До 1772 года несколько лет воспитывался в пансионах Симбирска. Служил в Петербурге и Казани. Автор книг «Собрание писем Абеяра и Элоизы» (1783), «Поэмы древних бардов» (1788), «Лузияда» (1788), «Слава русских и горе шведов» (1790) и др.

230 лет назад родился писатель Владимир Яковлевич Булыгин (1789, г. Пенза – 4.07.1838, г. Казань). Образование получил в Пензенской гимназии и в Казанском университете. Был профессором истории, географии и статистики, секретарём цензурного комитета Казанского университета. Бывал в Симбирске. Автор сочинений «О происхождении слова князь» (1834), «Исторические воспоминания на пути из Казани в Симбирск» (1834), «Исторические воспоминания по пути из Симбирска в Саратов» (1836), «О северо-восточных руссах» (1856) и др.

200 лет со дня рождения востоковеда, специалиста по персидской литературе Ивана Николаевича Холмогорова (1819, г. Симферополь – 16.11.1891, г. Казань). Окончил Казанский университет (1842). Преподавал в Астрахани, Пензе, Одессе, Петербурге. В 1872 – 1876 гг. был сверхштатным преподавателем Симбирской гимназии. Автор трудов «Очерки арабской речи и арабской письменности» (1862), «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (1865), «Очерк истории арабской литературы» (1882) и др.

200 лет назад родился духовный писатель Иван Константинович Яхонтов (1819, Симбирская губ. – 3.04.1888, г. С.-Петербург). Из семьи священника, образование получил в Симбирской духовной семинарии. Был протоиереем Никольского морского собора в Санкт-Петербурге, редактором журнала «Духовная беседа». Автор трудов «О православии русской церкви» (1844), «О праздниках православной церкви» (1857), «Письма к отступнику православия» (1864), «Собрание духовно-литературных трудов. 1844 – 1885» (1885) и др.

135 лет со дня рождения татарского поэта Хайдара Салимова-Узе (1884, с. Мордово-Озеро Ставропольского у. Самарской губ., ныне Мелекесского р-на Ульяновской обл. – 1969, ?). Начальное образование получил в родной деревне, позже учился в татарской школе в Самаре. В 1906 – 1907 годах учительствовал. Первые стихи были напечатаны в 1913 – 1915 годах в журнале «Ак юл». После 1917 года занимался организацией коммун и учил детей в деревнях Самарской губернии. Публиковал сатирические стихи и фельетоны в газете «Янга кюч».

85 лет назад родился поэт Михаил Дмитриевич Макаров (1934, г. Ульяновск – 29.01.2016, г. Сызрань Самарской обл.). Первые стихи опубликовал в 1957 году в газете «Флаг Родины» (г. Севастополь), когда служил на флоте. Жил в Сызрани. Печатался в коллективных сборниках «Рабочее утро», «День поэзии», «Твои рядовые, Россия», «Золотые Звёзды Сызрани», «По законам военного времени», «У старого окопа», в газете «Сельская жизнь» и местных газетах. Автор поэтического сборника «Покуда сердце бьётся» (2002).

«День поэзии», «Твои рядовые, Россия», «Золотые Звёзды Сызрани», «По законам военного времени», «У старого окопа», в газете «Сельская жизнь» и местных газетах. Автор поэтического сборника «Покуда сердце бьётся» (2002).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Юрий ОЛЕША (1899 – 1960)

В СТЕПИ

В. Катаеву

Иду в степи под золотым закатом...
 Как хорошо здесь! Весь простор – румян,
 И всё в огне, а по далёким хатам
 Ползёт, дымясь, сиреневый туман...
 Темнеет быстро. Над сухим бурьяном
 Взошла и стала бледная луна.
 И закачалась в облаке багряном.
 Всё умерло. Бескрайность. Тишина.
 А вдоль межи подсолнечника – астры...
 Вдруг хрустнет сзади, будто чьи шаги,
 Трещит сверчок, а запоздалый ястреб
 В зелёном небе зачертил круги...
 Легко идётся без дневного зноя,
 И пахнет всё, а запахи остры...
 Вдали табун, другой: идут в «ночное»,
 И запылали в синеве костры...

1915, июль

ПУШКИН

Моя душа – последний атом
 Твоей души. Ты юн, как я,
 Как Фауст, мудр. В плаще крылатом,
 В смешном цилиндре – тень твоя!
 О смуглый мальчик! Прост и славен
 Взор, поднятый от школьных книг,
 И вот дряхлеющий Державин
 Склонил напудренный парик.
 В степи, где плугом путь воловий
 Чертила скифская рука, –
 Звенела в песнях южной крови
 Твоя славянская тоска.
 И здесь, над морем ли, за кофе ль,
 Мне грек считает янтари, –
 Мне чудится арапский профиль
 На фоне розовой зари, –
 Когда я в бесконечной муке
 Согреть слезами не могу
 Твои слабеющие руки
 На окровавленном снегу.

Одесса, 1918

Тарас ШЕВЧЕНКО (1814 – 1861)

ЖНИЦА

Она на барском поле жала
 И тихо побрела к снопам –
 Не отдохнуть, хоть и устала,
 А покормить ребёнка там.

В тени лежал и плакал он;
 Она его распеленала,
 Кормила, нянчила, ласкала
 И незаметно впала в сон.

И снится ей, житьём довольный,
 Её Иван; пригож, богат;
 На вольной, кажется, женат –
 И потому, что сам уж вольный.

Они с лицом весёлым жнут
 На поле собственном пшеницу,
 А детки им обед несут;
 И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
 И, спеленав малютку быстро,
 Взялась за серп, – дожать скорей
 Урочный сноп свой до бурмиистра.

* * *

Не вернулся из походу
 Молодой гусар в село;
 Что же я по нём горюю,
 Что мне больно жаль его?

За кафтан короткий, что ли,
 Иль за чёрный ус так жаль?
 Иль за то, что не Марусей –
 Машей звал меня москаль?

Нет, мне жаль, что пропадает
 Даром молодость моя:
 Не хотят меня и замуж
 Брать уж люди за себя.

Да к тому ещё и девки
 Мне проходу не дают:
 Не дают они проходу,
 Всё гусарихой зовут!

1860

*Перевёл с украинского
 Алексей Плещеев.*

Андрей ГАЛКИН (р. 1964)

ГЛУП

Так точно, глуп, ваше высокородие.
 Дальше некуда – сам на себя пародия!
 Что и спорить, – как есть глуп.
 Право слово, совершеннейший дуб!
 Вот хоть прямо сейчас меня – в комедию...
 И ведь как же скоро-то
 вы всё про меня подметили!..

Оно, конечно, гнусно вам
 промеж такого народишка.
 Вы же... как бишь там?..
 интиля... эгенция навроде ж как...

А нам-то – куды ж с суконным-то рылом,
 коли здраво мыслить, знамо, не по силам!
 Не дал бог соображения ни разу нам...
 Хоть вот вы, когда придёте,
 поучите уму с разумом.

И, смотришь, – чуть налачился
 наш тутошний раздрай.
 А то бы и вообще – ложись-помирай!
 Спасибо вам, ваш-высокородь,
 за божескую милость!
 Вот, ей-богу, аж слеза покатила!

ШУМЫ ЭФИРА

Шумы эфира! Надо же, как чудесно:
 капли нет вранья, всё абсолютно честно!
 Ничего не навязывают,
 ни к чему не обязывают,
 никуда не зовут.
 Просто живут себе где-то там в эфире, живут –
 сотканые из невидимого вещества
 самые что ни на есть эфирные существа.
 Плещутся, как чайки, между радиоволнами.
 Они бы ни за что не поменялись с нами.
 Станции знай себе шпарят –
 по-русски, по-английски там, по-немецки...
 А у этих вместо слов –
 свисты, шорохи или трески.
 Их странный язык то груб, то нежен.
 Они говорят тебе о тебе же.
 Навевают мысли, а не охмуряют рекламой.
 Сразу думаешь: откуда мы? кто мы? куда мы?..
 Как священную весть, о воспой, моя лира,
 шумы эфира!

Николай СТРУЙСКИЙ (1749 – 1796)

К РОЗЕ

Пусть в венок вплетет мне розу
 Белокурая лишь девка,
 Здесь котора лишь подобна
 Прелестями самой Киприде.
 Пусть увенчан буду розой,
 Розой самой той прекрасной,
 Кою стит сама Сапфира
 Здесь меж роз царицей розу.
 Ей одной хочу быть венчан!
 Венчан быть хочу я розой,
 Розою из всех прелестной!
 Роза, ты в руках прелестной
 Будешь ты еще прелестней,
 Будешь ты всех роз нежнее,
 Будешь ты всех роз алее...
 Ей одной хочу быть венчан!
 Венчан быть хочу я розой
 От ее руки прелестной.
 Роза, я тебя срываю!
 Знай, мной, роза, хоть заблекнешь,
 Мной пускай ты хоть и свянешь,
 Не тужи, что ты мной свянешь,
 Ты здесь сваяла б и на стебле
 И не сорвана б завяла ж.
 Ты мной свянешь здесь меж миртов,
 На главе замрешь пиита,
 Во своем прекрасном виде
 Возблеснув лишь паче в свете.
 Ты завянешь не от бури,
 Не от тех бурливых вихрей,
 Кои к нам Борей наносит,
 Но от нежна воздыханья,
 С коим я тебя срывая
 Здесь несу к моей Сапфире,
 Чтоб вплела своей рукою,
 Над главой моей дыхая,
 И украсила б тобою
 Мой венок пушиста роза.
 В чем ее драгие персты
 Бесподобно здесь искусны...
 На челе пиита свянешь.

Михаил МАКАРОВ (1934 – 2016)

НА АМБРАЗУРУ

За Одером кромсали землю мины,
 И от пожаров даль была красна.
 Свинцовый дождь роняла на руины
 Победная военная весна.

Роняли в травы белый цвет черешни.
 Обидно умереть в конце войны
 Вдали от дома, тёплым утром вешним,
 За несколько минут до тишины.

Обидно. Но кому-то всё же надо
 Заставить замолчать последний дот.
 И по брусчатке под свинцовым градом
 К нему солдат с гранатой ползёт.

Ему детишек повидать бы надо,
 Поднять с друзьями за Победу тост,
 Но хлещет пулемёт свинцовым градом,
 А надо подниматься в полный рост.

В немой цепи, свинцом к земле прижатой,
 Встаёт боец, суров и напряжён,
 Встаёт солдат с тяжёлою гранатой,
 И доту в пасть её швыряет он.

Рокочет взрыв. Вот пламя шлейфом бурым
 Рванулось в голубую высоту.
 И падает солдат на амбразуру,
 Переступив бессмертия черту.

КОМБАТ

Спокойно спит комбат Макаров
 В лесах за мглой, где ветра гуд.
 Антенны чуткие радаров
 Покой комбата стерегут.

Над ним в сверхзвуковых машинах
 Уходят ввысь который год
 Два крутоплечих парня – сына,
 А он не слышит ничего:

Ни крика серых перепёлок,
 Ни шелеста густой листвы.
 Его сразил шальной осколок,
 Не долетевший до Москвы.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Маргарита РОДИОНОВА (1924 – 1998) ДОМИК В ХОЛМАХ (притча)

– Эй, уважаемый!

Услышав оклик, сутулый мужчина в сером драповом пальто обернулся. Незнакомец у калитки махал ему рукой.

– Я вас слушаю, – отозвался сутулый мужчина.

– Добрый день. Послушайте, вы уже полтора месяца ходите мимо моего дома и возвращаетесь назад. Каждый день. Но там же ничего нет – только холмы и пустоши. Извините, если лезу не в своё дело, но мне очень интересно, зачем вы ходите туда? – спросил незнакомец, внимательно глядя на мужчину в пальто и держась рукой за столбик забора.

Прохожий улыбнулся в воротник. Он держал в руках небольшой кожаный портфель, потёртый во многих местах. Конец зелёного шарфа болтался до колен.

– Там нет людей, – мужчина в пальто указал рукой на холмы. – Только ветер и ни одной живой души. Я хожу туда писать книгу. Там мне никто не мешает.

– Ааа... – протянул незнакомец и понимающе покивал. – Ну, тогда удачи вам. А о чём пишете, если не секрет?

– Пишу... о всяком, – пожал плечами Писатель, поправив на носу очки. – Но я пойду, с вашего позволения. Меня ждёт дерево.

И он двинулся дальше по дороге, оставив незнакомца одного у калитки.

Писатель больше не оборачивался и не останавливался. Чем дальше от города, тем сильнее завывал ветер, похожий на гигантскую холодную змею, катающуюся по холмам так, будто ей наступили на хвост. Чем дальше, тем труднее было идти вверх по голым склонам, где тут и там виднелись лишь уцелевшие пучки самых цепких трав.

Писатель держал путь к высочайшему из холмов, на вершине которого стойко держалось самое упрямое и жизнелюбивое в мире дерево. Ветер-змея часто терзал его, прижимая к земле, поэтому ствол изогнулся в нескольких местах, будто дерево хотело свернуться калачиком, чтобы его оставили в покое. Листва редко появлялась на нём – её тут же срывала для своей забавы неугомонная рептилия.

На вершине холма, под самым цепким и стойким деревом Писатель остановился, отдышался и глубоко вздохнул, обозревая пройденный путь. Город, лежащий внизу, казался отсюда маленьким и незначительным. От него не доносилось ни звуков, ни запаха.

Писатель посмотрел на город и, убедившись, что здесь он его точно не достанет, сел у корней старой, измученной коряги

– Здравствуй, дерево, мой друг, – проговорил мужчина, похлопав ладонью по жёсткой коре, и открыл портфель.

Внутри были толстая истрёпанная тетрадь, ав-

торучка, бутерброд в замасленной бумаге и термос с крепким кофе – эликсиром творчества.

Едва Писатель достал тетрадь, как налетел ветер-змея, стал тереться о холм ледяными боками, и шипеть, и терзать страницы, но мужчина расправил тетрадь на коленях, запахнул плотней в пальто и, поправив шарф, стал писать на чистой странице кривые, спешащие буквы.

Символ за символом. Слово за словом. Мысль за мыслью.

Он творил миры, судьбы и события. Из вершины холма фонтаном в сизое небо било Вдохновение, и как ни старался ветер-змея помешать Писателю, отвлечь его, сбить с мысли, ему не удавалось это. Уже полтора месяца он терзал человека, приходящего на вершину самого высокого холма. Ветер не был зол на Писателя. Он просто не понимал, как не понимал и незнакомец с окраины, почему Писатель, чтобы писать, нужны холмы, дерево и холодный ветер.

Только когда становилось слишком темно и косяки буквы терялись на странице, писатель допивал кофе и собирался домой.

– До свидания, дерево, – прощался он, убирая тетрадь и ручку в портфель.

А потом всё тот же знакомый путь вниз, из пустошей к городу, мимо жилища незнакомца, где светились тёплым светом окошки. Этот домик был пограничной вехой – здесь затихали последние звуки города. Писатель ощущал это, когда шёл к холму и обратно. Но на пути в город чувство было мучительным. Сперва – монотонный гул. Затем он делился на десятки звуков. Город рокотал, стучал, цокал, шелестел, вопил тысячами голосов, лаял, мяукал и рокотал. Он обдавал смогом, жаром заводов и холодом людей, что обжигает так, что даже ветер-змея не осмеливается носа сюда сунуть.

Писатель возвращался в город и брал в шоры своё сердце, закрывал лицо шарфом, натягивал шапку и прикрывал глаза, чтобы видеть, и слышать, и чувствовать меньше. Не попасть под машину, не врезаться никуда, добраться до квартиры и там лишь чуть-чуть, самую малость приоткрыться миру вокруг и пасть на постель оглушённым шумом мириадов мыслей, сгустившихся невидимым смогом вдобавок к смогу настоящему.

Оглушённый человеческим шумом, Писатель засыпал, и только одна цель заставляла его проснуться наутро.

Утром было легче – сонные люди думали не так громко, и Писатель мог начать день спокойно, а потом сварить кофе, сделать бутерброд, собраться и уйти в холмы, чтобы когда-нибудь закончить свою книгу и выручить денег. Чтобы купить взамен тесной квартиры собственный маленький домик.

В холмах.

Наталья ГАУЗ (р. 1934)

«ВСЁ–ТО МНЕ ГРЕЗИТСЯ ВОЛГА ШИРОКАЯ...»

В 1883 году Василий Андреев-Бурлак и Владимир Гиляровский организовали гастрольную поездку по всем волжским городам, включая Симбирск... Судьба свела обоих друзей-бурлаков, когда у каждого за плечами был непростой жизненный опыт. Творчество их относится к тем временам, когда Волга была великой рекой, образом и сердцем России, а не цепью стоячих «водохранилищ» – объектов для добывания электроэнергии. Страницы книг и очерков друзей сохранили для наших современников яркие описания красот вольной реки, самобытные судьбы, характеры, образы волгарей, их живую речь, легенды, сказания.

«Весной 1883 года Бурлак пришёл ко мне и пригласил меня поступить в организованное им товарищество для летней поездки по Волге, – начинает Гиляровский очерк «С Бурлаком по Волге». – Это был 1883 год – вторая половина апреля. Москва почти на военном положении, обыски, аресты – готовятся к коронации Александра III, которая назначена на 14 мая. Гостиницы переполняются всевозможными приезжими, частные дома и квартиры снимаются под разные посольства и депутации».

У Гиляровского была причина не привлекать к себе внимание полиции, и он с готовностью принял предложение Бурлака поехать на гастроли.

«Всю Волгу я проехал со всеми удобствами пассажира первого класса, но почти всегда один. Труппа обыкновенно приезжала позже меня, я был передовым. Кроме подготовки театра к спектаклю, в городах я делал визиты в редакцию местной газеты. Приём мне всюду был прекрасный: во-первых, симпатизировали нашему турне, во-вторых, в редакциях встречали меня, как столичного литератора и поэта.

Никогда я не писал так азартно, как в это лето на пароходе. И ничего удивительного: еду в первый раз в жизни в первом классе по тем местам, где разбойничали и тянули лямку мои друзья Репка и Костыга, где мы с Орловым выгребали в камышах... где... Довольно! Я молчал, и все мои переживания прошлого выходили в строках и успокаивали меня, вполне вознаграждая за вечное молчание.

Мы познакомились с Бурлаком в 1877 году и сразу же подружились. Бурлаку я обязан тем, что он ввёл меня в литературу и изменил путь моей жизни дружеским приглашением служить у Бренко (первый в России частный театр, созданный замечательной русской актрисой). Мы оба бурлаки волжские. Я настоящий бурлак, лямочник, но во время службы в театре об этом никто, кроме него, не знал; только ему я и открылся. Время было не то: после «первого марта», когда мы служили, и заикаться об этом было рискованно. А он носил громкую фамилию «Бурлак» открыто и прославил это громкое могучее слово».

Владимир Гиляровский рассказал, откуда взялось громкое слово: «Бурлак уроженец Симбирска, был студентом Казанского университета, не окон-

чил, поступил в пароходство, был капитаном парохода «Бурлак», отсюда его фамилия по сцене. Настоящая фамилия его Андреев. На Волге тогда капитанов Андреевых было три, и для отличия к фамилиям прибавляли название парохода. Были Андреев-Велизарий, Андреев-Ольга и Андреев-Бурлак. Потом он бросил капитанство и поступил на сцену».

Симбирянин Андреев-Бурлак и познакомил Гиляровского с редактором журнала «Будильник». На вечере в день своих именин Владимир Алексеевич прочёл литераторам отрывки из поэмы «Бурлаки», написанной по впечатлениям своих странствий. Затем по просьбам гостей написал экспромт:

*Всё-то мне грезится Волга широкая,
Грозно-спокойная, грозно-бурливая,
Грезится мне та сторонка далёкая,
Где протекла моя юность счастливая...*

«Бурлак подал мне номер «Будильника» от 30 августа 1881 года, ещё пахнувший свежей краской. А в нём мои стихи и подписаны В. Г-ий. Это был самый потрясающий момент в моей богатейшей приключениями и событиями жизни. Это моё торжество из торжеств. Я ликовал, и в самом деле думалось: я, ещё недавно беспаспортный бродяга, ночевавший зимой в ночлежках и летом под лодкой да в степных бурьянах, сотни раз бывавший на границе той или иной погребели, и вдруг... Итак, я начал с Волги, с Дона и Разина. Стихотворение это открыло мне дверь в литературу», – писал автор впоследствии.

От сказыря-бродяги Суслика записал Гиляровский легенду о волжских окаменелостях.

«Постепенно поднимались по узкому известковому карнизу, где и следа, да тропинки нет. Из-под ног сыплется выветрившаяся порода, полная окаменелостей. Чего-чего тут нет! И «чёртовы пальцы», и раковины, и куски окаменелой хвощи, и дерево, нередко причудливых форм. Я никогда и нигде не видел ничего подобного. Вот где можно составить сотни коллекций».

Наблюдения пригодились: создавая палеонтологический музей в Ундорах, наши современники обратились к очерку Гиляровского в поисках описания ундоровских достопримечательностей. Кстати, именно на пристани у Поливно Гиляровский договоривался в мае 1883 года с антрепренёром Александром Рассказовым о гастролях в Симбирском театре.

Результаты поездки 1883 года по Волге были блестящи: «Среди всех наших светил самый большой успех имел Бурлак: помимо таланта, волгари встречали своего волгаря и как задушевного, доброго, компанейского человека. Как я счастлив был получить от него переплетённую в красный сафьян книжку «По Волге» с надписью: «Моему другу и однокашнику волгарю, бурлаку настоящему, Володе Гиляровскому от актёра Бурлака», – вспоминал Владимир Алексеевич.

Сергей КОЛБАСЬЕВ (1899 – 1942)

ВОЛГА–МАЧЕХА (отрывок из повести)

Механик Лев Павлинович Зайцев никогда не ощущал литературной нарочитости своего имени. Он был совершенно лишён воображения. Сейберт звал его Тигром Фазановичем Кроликовым, но даже это на него не действовало.

Тем не менее он на события реагировал и по приходе в Симбирск крепко задумался. Командир с комиссаром с утра ушли на берег, и к трём часам дня механик додумал свою мысль до конца.

– Капитан – шляпа, – сказал он.

– Ты сам, – с трудом выговорил артиллерист Головачёв. Артиллерист был тучен, а в кают-компани стояла нестерпимая жара.

– Почему я сам? – удивился механик.

– Он прохвост.

– Почему?

– Не знаю, – зевнул артиллерист. – От рождения... А впрочем, мы должны прохвоста поддерживать. – И сам удивился, что сказал такую длинную фразу.

– Почему? – Механик добивался полной ясности.

Над спинкой кресла появилось узкое лицо Сейберта. Он быстро заморгал и вдруг густым голосом артиллериста ответил:

– Классовая... эта самая... солидарность.

– Капитан мне не нравится, – вслух задумался механик. – Возможно, что он прохвост.

– Несознательные граждане! Вы заблуждаетесь, – по-ораторски вскинув голову, начал Сейберт. – Капитан просто растерялся. Не знает что к чему и куда ему податься.

– А ты знаешь, куда податься? – Механик был недоверчив.

– Знаю. К большевикам.

– Почему?

– Кроликов, золотко, они мне нравятся. Я вообще предпочитаю сильнодействующие средства...

– Касторка, – глухо отозвался артиллерист.

– Я не о твоём брюхе, жрец запорный. Я о России. Большевики не собираются её разбазаривать и этим представляют собой приятное исключение. А главное, за ними столько-то миллионов. Я – между прочими. Я, как было сказано, питаю к ним симпатию, они самые налаженные.

– Политика, – отмахнулся артиллерист и, тяжело вздохнув, лёг на диван. Для него слово «политика» было синонимом сухой, несъедобной материи.

– Слушай, Васька, и запоминай. Белые плохо кончат. Если хочешь кончить хорошо, ставь на красных. Как видишь, я рассуждаю применительно к твоей массовой психологии... Вернее – массивной.

Артиллерист снова тяжело вздохнул и, повер-

нувшись на бок, стал придумывать названия для миноносцев. Это было подлинным поэтическим творчеством, и артиллерист тщательно его от всех скрывал.

Названия шли звонкие и воинственные, с одной буквы для каждого дивизиона, неожиданные и весёлые. Они разворачивались и, сверкая, плыли сплошным строем, пока артиллерист не засыпал. Тогда он видел широкое море, а на нём бесчисленные кильватерные колонны небывалого минного флота.

– Интересно знать, когда капитан вернётся, – сказал механик полчаса спустя.

– Интересно, но неизвестно, – не отрываясь от «Трёх мушкетёров», ответил Сейберт.

– Наверное, к обеду придёт, – ещё подумав, решил механик.

И сразу же на трапе загремели шаги. Это был штурман. Он распахнул дверь и совершенно бледный остановился на пороге.

– Вавася, обрадуй публику – скажи слово «капитан», – предложил Сейберт, но штурман не ответил и, оглянувшись на трап, быстро отошёл от двери.

По трапу спускался комиссар. Он подошёл вплотную к Сейберту:

– Примите командование. – И на стол бросил обрывок телеграфной ленты.

По ней бежали рослые прямоугольные буквы: «Военмору Сейберт временно вступить командование миноносцем «Достойный» точка Находиться оперативном подчинении штаба Двенадцатой армии». Подпись комфлота имеется. Сейберт встал.

– Что сказали в штабе?

– Завтра идём вниз на обстрел белых. Возьмём на борт представителя штаба. – Голос комиссара звучал по-новому. Это был голос хозяина.

Сейберт наverts ленту на палец и прислонился к переборке. Проверка разговоров на деле? Ладно. И в упор спросил комиссара:

– Где Сташкович?

Комиссар, не опуская глаз, выдержал его взгляд. Потом усмехнулся и, медленно повернувшись, вышел из кают-компании. Когда его шаги перешли на палубу, штурман, пошатываясь, подошёл к столу и сел.

– Расстрелян, – сказал он.

Сбиваясь, рассказал, что видел. Командир и комиссар были в штабе. Штаб в женской гимназии. А потом командира не оказалось. Куда девался? Но комиссар приказал немедленно идти на миноносец. Почему приказывает? На каком основании? Тогда чёртов комиссар вызвал двух конвойных и с ними погнался домой. Что? Что же это такое?..

Алексей БОГОЛЮБОВ (1824 – 1896)

ЗАПИСКИ МОРЯКА-ХУДОЖНИКА

(отрывок из воспоминаний)

Проехали Казань незаметно, хотя и в ней оставались поклониться чудотворному образу. Но здесь мы все, будучи помещены вместе, увидели ясно, что холопы наши уже больно рассупонились в дороге. Их чествовали яствами и вином не хуже нас. Сапоги и платье они уже не только нам, но и себе не чистили, ибо им везде прислуживали, как и нам, нанятые официанты. В общих столовых они шумно обедали, выпивали иногда до потери сознания, играли в карты, конечно, в азартные игры, пели романсы. Раз Иван Кондратьевич Бабст напал на эту картину семейного счастья и по доброте души не отказал выпить с ними рюмку вина, и вот вся ватага его подхватила и стала качать в потолок как славного барина.

Приехали в Симбирск, город дворянский. Нас поместили в доме Н.Д. Селиверстова, тогда полковника, так несчастно окончившего свои дни в Париже уже генерал-лейтенантом в отставке. Дом его был барский. Видна была даже любовь к искусству у этого барина, но всё-таки от всего воняло скупостью хозяина. Н.Д. Селиверстов попросил меня написать ему картину нашего въезда на главную улицу, что я и сделал так, что после страшного пожара, постигшего Симбирск, картина моя, по словам Селиверстова, стала историческою, изображая прежний город, до пожара.

Были всякого рода приёмы дворянства, купечества, татар и пр. и пр. На скачках татар произошёл горестный случай. Два мальчика-скакуна вцепились друг в друга на бойких лошадях и, конечно, выпали из сёдел. Один бедняга был без памяти, а другой охал с кровавою слюною во рту. Бывший тут доктор наш М.И. Шестов уложил больных на носилки и отправил в госпиталь, но на другой день доносил Цесаревичу, что оба мальчика едва ли вытянут. На балу много танцевали, а радужное слово Цесаревича всем его окружающим очаровало дворян и публику так, что на другой день, когда мы уезжали, то вперёд нас отплыл пароход с симбирскими пассажирами, дабы нас встретить в Самаре. Но вот что произошло в пути. Одна девица или дама, не упомяну как, зажгла себе платье и в испуге стала бегать по палубе, догадливый кочегар повалил её на палубу и укрыл бараньим тулупом, дабы погасить огонь, но он опалил всю кожу дамы, так что по приезде в Самару мы пошли на её панихиду за Цесаревичем, которого случай этот очень опечалил.

Итак, Симбирск был каким-то несчастным городом, три жертвы веселья погибли на наших глазах.

Проходя Жигулёвские горы, Цесаревич истинно любовался этим разнообразным и грандиозным пейзажем. В разговоре со мной я ему высказал, что вся Саксонская Швейцария, пресловутый Рейн от Бонна до Майнца – всё это жалко перед нашей родной волжской природою, где десятками вёрст тянутся Жигули, Столбичи, и никто не охает, а тихо любит, если есть сознание величия и красоты местностей.

В Самаре встретила нас тропическая жара, такую я только запомнил, когда был африканский ветер. Солнце в тяжёлой, пыльной атмосфере стояло багровым пятном, а ветер поднимал невыносимую пыль так, что после поездок приходилось мыться очень серьёзно, дабы из арабов сделаться снова белокожими.

На 3-й день было представление Цесаревичу всех служащих в городе. И вот видим, стоит рослый чиновник с бородою до пупа, как говорит бессмертный Гоголь, «лопатою». Косо посмотрел на него граф С.Г. Строганов и, когда представление окончилось, спросил его, что он на службе или так себе. «Как же, я директор гимназии здешней». – «Ну так плохой пример даёте своим питомцам вашей фигурой, ибо служащие должны быть без бороды, а вы имеете монументальную». На прощанье при проводах «лопата» уже исчезла, и директор мне показался жалким, печальным и, конечно, на службу во французские сапёры не был принят. Эпизод этот заставил меня посмотреть в зеркало, и хотя борода моя не лопатой и не клином, но бородашка всё-таки. Я пошёл к графу Сергею Григорьевичу и говорю ему: «Вы заметили директору о его неприличии по случаю бороды. Скажите мне откровенно, не желаете ли, чтоб я сбрил свою, ибо состою в свите Цесаревича». Расхохотался мой граф. «Да вы разве на службе состоите тоже в гимназии. Академия даёт вам право на полную натуру, а потому и будьте тем, чем вы были. Меня вы не поняли, есть службы вольные и службы коронные, где дисциплина нужна даже в одежде и лице». Тут я вспомнил николаевское время, когда бакенбарды брились снизу по линии уха до рта, отчего люди мне всегда казались с пластырями на щеках.

Ездили в степь, катались на верблюжьей почте, бойко бегут эти звери, и в первый раз отведали кумыс в Ананьевском заведении.

При такой же знойной погоде отбыли мы в Саратов. На Волге к вечеру как будто дышалось полегче, но ночи были душные, знойные.

Александр ДМИТРИЕВ (1759 – 1798)

ДЖЕЙМС МАКФЕРСОН.

ПОЭМЫ ДРЕВНИХ БАРДОВ (отрывок из перевода)

Я был некогда млад: я любил отца моего, любил опасности и славу. Я лечу на помощь Кротару, другу моего родителя, и во время юности его бывшему клеветом ему в сражениях. Но в то время преклонность лет делала его способным противостоять сильному Ротмару, уже победителю и готовящемуся свершить его гибель.

Прибыв к жилищу старца, я нахожу его сидящим посреди оружий праотцов его. Престарелость очи его всегдашним мраком уже покрыла. Звук оружий наших коснулся его слуха. Он усиливается встать, простирает трепещущую длань свою, прикасается ко мне и познает сына Фингалева.

Оссиян, рек он, силы мои оскудели, почто и ныне не могу я так владеть копьем, как в тот день, когда я сражался возле твоего родителя; он был первым между воинами; но и Кротар был не последний. Оссиян! Так ли ты силен, как твой родитель? Дай мне руку. – Я повинуюсь его желанию. Руки его испытывают крепость мышц моих. – Сын мой, он рек, и тяжкий вздох восколебал его перси; ты мужествен, но не таков как был твой родитель: и кто может быть ему равен?

Приготавливают пиршество: возглашают пения; но сия шумная радость токмо заглушала вздохи, кроющиеся во внутренности сердец. Пения умолкли. Кротар возвышает глас: он вещает мне, не проливая ни единой слезы; но я зрел, что он удерживал свои рыдания.

Оссиян, вещал он мне, ты не ведаешь всех моих несчастий. Приметил ли ты сокрушение, царствующее в моем жилище? Не был я печален во время торжеств моих, когда народ мой был в целости! Я был весел в присутствии чужестранцев, когда сын мой был возле меня, увы! он погиб, сражаясь за отца своего. Ротмар познал, что я стал немощен, и очи мои мраком покрылись. Он вооружается на меня, и ратников моих погубляет. Что было мне предпринять? Колеблущимися стопами я протекал в мое жилище. Горесть мною овладела. Суетными желаниями обращался к тем блаженным дням моей юности, в которые из сражений исходил я победителем. – Сын мой возвращается с ловтвы. Он был млад, но сердце его было великодушно, и огонь мужества блистал во очах его. Он зрит беспорядок, видит отца, блуждающего косными стопами. Он въздыхает: отче мой, вещает мне, не слабость ли юности моей тебя огорчает? Я уже извлекал меч, и тугой лук уже повинуется моей силе: повели, и сражусь со врагом твоим. Воззрев

на тебя, отче мой, я ощущаю в себе неведомую до сего мне крепость, и храбрость моя воспламеняется. – Иди, сын мой, я рек ему – он идет, сражается и умирает. Торжествующий враг идет к моим чертогам, убийца сына моего приближается ко мне!.. Не время теперь праздновать, я рек, взимая копье мое. Ратники мои узрели огонь, пылающий из очей моих и встали. Всю ночь шли мы по горе, узкая и покрытая зеленью долина является пред нашим взором. Блеск оружия открыл нам воинство Ротмарово. Мы нападаем на них в долине. Они бегут. Ротмар падет от руки моей. Солнце еще далече от заката было, я возвращаюсь к Кротару, подношу ему доспехи врага его. Старец хочет осязать их своими руками, и радость разливается по челу его.

Ратники собираются в чертоги. Празднество паки начинается. Чаша победы от одного к другому переходит. Пять Бардов выступают за среду и воспевают мне похвальные песни. Огонь души их оживотворял их песни, и десять арф звуком своим сопровождали их гласы. Вся страна была в радости. Возвращение мира разливало повсюду утехи. Ночь протекла спокойно, и наступила заря, не нарушая тишины. Ни единое вражеское копье не возблистало во мраке.

Я возвысил глас мой, дабы воспеть юного Форара, павшего в сражении, в то время как тело его предавали земле. Отец его был при том, но не испустил ни единого вздоха. Рука его искала язвы сыновней; он находил ее в сердце. Радость блистает на лице его. Он подходит ко мне и речет:

Поздравь меня, Оссиян: сын мой умер не бесславно; он не обратил плеч своих неприятелю. Он встретил смерть лицом к лицу. Блаженны умирающие в юности, в то время, когда еще молва имена их повсюду возглашает! они не зреют друзей своих, лежащих во гробе. Они не ощутили ослабления победоносной своей десницы. Человек слабый и робкий не узрит их стареющими в их чертогах: не посмеется он, видя дрожащие их длани. Память их прославляется в песнях. Юные девы их оплакивают.

Но старцы постепенно нисходят ко гробу: славные подвиги их юности еще при жизни их забыты. Они умирают, и никто внимания к тому не обращает. Чада их слабо о них болезнуют, и камень, долженствующий возвестить потомству имена их, полагается не орошенный слезами. Конечно, блаженны умирающие в юности; в то время они во всей славе своей нисходят ко гробу!

Иван ЯХОНТОВ (1819 – 1888)

ПИСЬМА К ОТСТУПНИКУ ПРАВОСЛАВИЯ

(отрывок из первого письма)

Со вниманием читал я всё, что вы, живя за границею, писали о России, или о Российской Церкви; но до сих пор я и, сколько мне известно, никто из православного духовенства не отвечал на ваши сочинения. Причиною того, во-первых, бесполезность

рассуждения с вами. Ваши новые единоверцы постоянно остаются глухими ко всему, что пишем мы, и тысячу раз повторяют свои возражения, уже давно не раз опровергнутые. К этому присоединилось у нас и нежелание огорчить каким-нибудь сильным

словом вас, конечно, равнодушно воспоминающего о родине, которую оставили, и, может быть, о Вере, которой так необдуманно вы изменили. Когда во мне обнаружилась мысль писать к вам, – мне всегда представлялся князь Курбский, горько упрекающий Иоанна Грозного за то, что царственный полемист, вместо утешения, бывшего подданного в разлуке с родиною, огорчал его укоризнами. Не хотелось мне печатно отвечать, во-вторых, потому, что весьма многим из православных наших соотечественников, сердечно любящих свою Веру и Церковь, будет тяжело и прискорбно узнать, что есть на свете человек, который решился (страшно сказать) изменить Православию, отречься от Веры, в которой родился и воспитан. Впрочем, я не думаю, что вы подлинно воспитаны в правилах Православной Веры.

Я не отвечал на ваше письмо, наконец, потому, что ваши сочинения, особенно первое, заглавие которого имеет форму странного для всех русских вопроса (будет ли Россия католическою?), наполнено рассуждениями и мечтами довольно детскими. Отвечать на это сочинение не стоило. Впрочем, вам, конечно, известно, что один из ваших знакомых, православный, но не духовный, написал на него несколько замечаний на Русском языке.

Ваши четыре письмеца к Русской даме о новом, или новоутвержденном догмате римской Церкви не требовали ответа. Ибо она служит неопровержимым доказательством превосходства Восточной Церкви пред Западною. Вы говорите, что наша, т. е. Православная Церковь искони и единогласно веровала той истине, о которой на Западе были продолжительные споры и разногласия, для утверждения которой папа призвал всю свою Церковь к испрошению ему вдохновения свыше (которой, несмотря на то, он не уразумел, в её чистом виде, и к которой примешал своё заблуждение). Итак, по вашему собственному сознанию, выходит, что ваша, т. е. Западная Церковь, говоря о зачатии Божией Матери, до настоящего времени колебалась в своём учении; а теперь она, прибавим мы, из области сомнения перешла в область преувеличения, следовательно – лжи, заблуждения. Где же у вас так восхваляемое единство и постоянная непогрешимость?

Но вот вы предпринимаете многотомное издание, вместе с некоторыми членами вашей почтенной компании, которая, конечно, гордится уловлением вас и с торжеством выставляет на заглавном листе своих изданий вашу Русскую фамилию. Я читал первый том этого издания и только на днях прочитал второй. В том и другом томе первые, по месту, статьи – ваши. Конечно, сотоварищи ваши уступили вам первое место не из одной учтивости к вам, как пришельцу, но и потому, чтобы придать вашим статьям особенно важное значение. В этих статьях вы стараетесь доказать, что вы, «разорвавши союз с вашими бывшими согражданами и единоверцами, последовали голосу совести», т. е. поступили хорошо, что вы обрели в новой вере свет (на что я от-

части согласен, потому что, принимая новую веру, вы совершенно не знали той, которую оставляли) и покой (в этом я имею причины сомневаться). Вы говорите, что Церковь Российская, которая, несмотря на свою схизму, обладает почти целою истиною, заблуждается только в том отношении, что до сих пор не присоединилась к центру единства, как выражаетесь вы, т. е. не подчинилась римскому папе, как единственному и непогрешимому главе всей Церкви, наместнику Иисуса Христа, и что, если бы она это сделала, то для неё произошли бы от того неисчислимыя блага. Вы даже льстите себя надеждою, что это некогда сбудется...

Хотелось бы мне продолжать моё письмо, но оно уже довольно длинно; боюсь утомить и вас, и моих читателей. В следующем письме я, с таким же спокойствием, любовью к истине и уважением к вам лично, буду говорить о том, в чём и почему с вами мы не согласны.

Прибавлю здесь только одно замечание касательно раскольников. Вы и некоторые из ваших, кажется, думаете, что раскольники наши, если бы им дана была полная свобода слова и действия, тотчас бы бросились в объятия римской Церкви и поверглись к подножию папского трона. Наивное, детское заблуждение! Могу вас уверить, что раскольники отделились от нас и до сих пор чуждаются Православной Церкви именно потому, что подозревают её в сочувствии и подражании вашей римской Церкви. Их первые и нынешние наставники твердили и твердят, что, описанный св. Ипполитом, антихрист народился сперва в римской Церкви, в лице римского папы, а потом появился и в России, в лице патриарха Никона. А мне думается вот что. Ввиду ваших заявлений сочувствия и зазывов к раскольникам, мы, православные, могли бы обратиться к нашим единоплеменникам, имеющим великую ревность, но не по разуму, а по невежеству, как и соотечественники св. Павла, с такою, или подобною, речью: «Братья Русские! Вот до чего мы дожили! Смотрите, паписты, крыжаки, как вы их называете, считают не нас, которых вы подозреваете в единомыслии с ними, а именно вас – ревнителей старины, своими; к вам они простирают свои недостойные объятия, как будто к родным братьям. Разве это не стыд, не срам для нас – Русских? Бросимте споры и раздоры. Соединимся все под знаменем единой, святой, соборной и апостольской Церкви, и станем дружно против общего врага. Мы победили его, в лице мятежных папистов – поляков, силою вещественного оружия. Бог даст, если будем действовать согласно и ревностно, победим его и духовным мечом – слова Божия, силою святой и истинной Веры нашей!»...

Как вы думаете? Если бы такая речь дошла до раскольников, то, может быть, она и не совсем осталась бы бесплодною!

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*